

Глава 1

Посланник короля прибыл на рассвете. И лишь когда земля приняла в себя часть вод Валмидоры, давая реке вернуться в берега. Из-за ливней некоторые дороги так развезло, что до сих пор считались непроходимыми. Но та, главная — уже позволяла Валмиру прекратить свою вынужденную изоляцию.

Склонный к театральности монарх, не выбрал быстрый и подходящий способ оповестить своих подданных. Что ж, стоило ожидать подобного от Ламона. Нет, королевский раахай был слишком банален, хоть нипочём ему любая непогода и расстояния.

Едва солнце принялось подниматься над замком, к воротам прибыл угрюмый молчаливый мужчина в сопровождении доброго десятка воинов. Привёз он с собой внушительный свиток с гербовой королевской печатью, который был вручён ректору академии. Причём вручён лишь после полного собрания управления Арда, и вызова студентки Синхелм, как повелел Ламон.

Полночи она находилась в тревожном предчувствии, не имея возможности уснуть. Словно ожидала, что обязательно нечто произойдёт. Что и подтвердилось, едва за нею явился один из ардовских стражей. Ванда торопливо оделась, приводя себя в порядок и проверяя перед зеркалом в комнате, что выглядела достойно. Что бы ни произошло, что бы ни огласили сегодня в зале собраний, она должна держаться со всем достоинством. Зиль кружил вокруг хозяйки, прекрасно чувствуя её тревогу. Мараг не утерпел и рассыпался чёрным туманом, собираясь комком на плече Ванды. Обвивая длинным хвостом её предплечье, дух попытался заглянуть девушке в лицо, буквально соприкасаясь с нею носами.

— Зиль... — попыталась нахмуриться Ванда.

Её немедленно лизнули в нос. Затем в щёку.

— Мы справимся. Верно? — спросила она, непонятно к кому обращаясь.

То ли к себе самой, то ли к беспокойному мёртвому духу, или к встревоженной Ивон. Подруга, повторяя за марагом, кружила по комнате, нервно сплетая косу.

— Мы справимся. Справится, — как молитву повторяла Лейвр.

— Не отвлекайся на меня на занятиях, — Ванда убрала косу за спину и повернулась к соседке. — Имя моего отца и расположение к нему короля снова сделают своё дело. Наверняка в послании говорится о том, что мне милостиво разрешают продолжить учёбу. И велят каждое мгновение своей никчёмной жизни помнить об оказанной чести.

Ванда нервно улыбнулась. Вышло криво. Ивон покачала головой, и волосы её ожили, выдавая волнение.

— Я бы хотела идти с тобой.

— Я знаю, — с теплом глянула на неё Ванда.

— И я мысленно буду с тобой. Знай это, — жарко заверила Ивон.

— Спасибо, — она посмотрела на входную дверь, понимая, что должна спешить.

Выходя в коридор общежития, Ванда последовала за стражем, терпеливо ожидавшим её. Она была благодарна Кристиану за то, что не перенёс её с помощью медальона. Он давал время подготовиться, собраться с мыслями и духом. Он просто давал ей время.

Зал собраний находился в центральной части замка. Сегодня дорога к нему казалась бесконечной. Зная, что снова предстанет перед толпой, всеми их взглядами, Ванда мысленно заставляла себя успокоиться. Будь что будет... Подходя к тёмным двустворчатым дверям, она задержалась, пока страж открыл их. Мужчина склонил голову, прощаясь, и оставил студентку на пороге.

Ну, чем раньше всё произойдёт, тем раньше и закончится. Верно? Она прошла вперёд, останавливаясь перед длинным столом, выполненным полукругом. Здесь было

достаточно светло, благодаря многочисленным высоким окнам. Хоть погода радовала, даря чистое небо. День обещал быть солнечным...

В небольшом зале присутствовало с десятков человек. Вильят глядела с некоторым осуждением, будто она в чём-то успела провиниться. Фергас выглядел настороженно, опустив обе ладони на стол и пристально глядя на стоящую студентку. Присутствовал и вредный Тэусс, нервно поглаживающий свою тощую бороду. И декан факультета некромантии. Справа от ректора Ванда увидела Зорик, единственную, кто улыбался ей. Прибывший посланник, словно одна из ардовских старых статуй, молчаливо стоял в стороне, наблюдая за происходящим.

Ванда склонила голову, приветствуя управление академии. Кристиан поднялся с кресла, и тяжело опустил руку на свиток с королевским указом. Печать золотом блеснула на нём.

— Все вы знаете причину этого собрания, — заговорил Рэйван. В чёрных одеждах, сдержанный и мрачный, он походил на собственную тень. — Так не будем же напрасно тратить время.

Радуюсь погожему дню, птицы за окнами так неуместно распелись. Ванда стояла ровно, расправив плечи и глядя на Кристиана. Он с удовольствием бы разорвал исписанную золотыми чернилами бумагу, но развернул свиток, срывая охранную печать. Та рассыпалась под его пальцами сверкающей пылью, признавая право на вскрытие послания.

Рэйван подавил злость. Он едва пробежался по строкам, негодуя от того, что не мог прочитать заранее. Как и не мог пропустить ни слова, вынужденный читать всё подряд. Ламон так любит представления!

— Я — Ламон Великолепный, благословением светлейшей Лейны — король Камеладера, приветствую Ард... — ровным голосом зачитал Кристиан.

Видимо сейчас все собравшиеся должны были впечатлиться и представить себе, что его величество присутствует перед ними во всём своём проклятом великолепии! Так же монотонно и сдержанно он продолжил оглашать содержание свитка. Сколько пустых слов... Напрасная трата времени и нервов. Рядом тихо вздыхала Вильят, явно расстроенная тем, что отец не передавал голосом все оттенки послания их повелителя.

Что так душно? Всем? Или только ей? Ванда внезапно ощутила дикую жажду и желание выйти на свежий воздух. Зорик воспользовалась тем, что была скрыта Кристианом от взгляда посланника. Она подмигнула Ванде, со скучающим видом сминая блестящую обёртку от конфеты.

— Скорбящая душа — да будет утешена... На основании письма-признания генерала Фемира Синхелма, повелеваю, — меж тем дальше читал Рэйван. — Каэли, именуемую себя Вандой, считать некровной дочерью Синхелма, с полноправной претензией на наследование рода. Моим величайшим благословением позволить некровной дочери Синхелма продолжить обучение в академии Ард...

Кристиан прервался на мгновение, взглядом пробежавшись по следующим строкам. Ламон придумал ему наказание в виде прочтения этой чуши? Пальцы опасно сжали края свитка, едва не разрывая его.

— Повелеваю в вязи ответной скорбью по поводу утраты Синхелмом жены и родного дитя, запретить... — Рэйван почувствовал, как застучало в висках. — Запретить его некровной дочери называть себя Вандой, так как это имя не является её по праву рождения. Некровкой дочери Синхелма надлежит в кратчайшие сроки выбрать себе иное имя, либо назвать собственное, данное при рождении. Моей милостью и благословением отца, оно будет принято и вписано в родовую книгу Синхелмов. Ректору Арда надлежит проследить за внесением изменений в списки зачисленных студентов академии. Некровкой дочери всегда надлежит помнить о бесконечной добросердечности Фемира Синхелма, принявшего её и воспитавшего, как родную дочь. Это есть свидетельство великой чести. Я — Ламон Великолепный, благословением светлейшей Лейны — король Камеладера, принимаю благодарность некровной дочери Синхелма за бесконечную доброту и мудрость принятого мною решения...

Снова чувствуя, будто жевал лезвия, Кристиан договорил.

— Наш король всегда великодушен, — согласная с собственными словами, неспешно кивнула Селма.

— У тебя есть прекрасная возможность наконец стать собой, — открыто улыбнулась Зорик, накручивая медную прядь волос на палец. — Ты счастливица.

Ванда чувствовала, как гулко стучало в груди сердце. Теперь у неё отобрали и имя? Что ж... Каэли Зорик права. Она не станет лить слёзы по этому поводу. Конечно же, в своём указе король не стал бы пересказывать письмо отца. И она всё ещё надеялась получить ответ на своё послание Фемиру. Она надеялась, что заслужила его ответ.

— В свете озвученных повелений, вам необходимо время для принятия решения, студентка Синхелм? — голос Кристиана был сдержан и ровен.

Но по его взгляду она прекрасно читала всё, что пытался сдержать.

— Нет. Мне не нужно время. Я — Трин Синхелм, благословением короля — студент факультета боевой магии академии Ард, благодарю вас за оказанную честь.

Она склонила голову, как и подобало. Прощай, Ванда. Теперь, пусть и спустя столько лет — покойся с миром, дитя...

Глава 2

— Трин! — окликнул кто-то из одноклассников.

Она остановилась на полпути, оборачиваясь и отвечая на последовавший вопрос. Трин... Несколько прошедших дней пришлось привыкать к новому имени. Как и ей, так и товарищам. А также неловко пытаться объяснить причину подобной необходимости. И мысленно благодарила тех, кто принял всё без каких-либо вопросов, кивая или никак не реагируя.

Оставшуюся половину дня они проведут в основном замке, и впереди ожидало три занятия. Трин махнула однокласснику, продолжив идти по шумному коридору. Там, впереди, она заметила яркий силуэт каэли Маркар. Кажется, инрэйг возвращалась в свой кабинет. Прикинув оставшееся до занятия время, Трин решила догнать её. Она пробежала оставшуюся часть коридора, лавируя между спешившими студентами, и наконец оказалась в уже знакомом крыле замка. Там, куда ранее её перемещал Кристиан, велел посетить ардовского целителя.

Платье Зорик, насыщенного зелёного цвета, так замечательно контрастировало с медными волосами. Сегодня каэли оставила их распущенными. Она прошла ещё немного и, почувствовав присутствие студентки, улыбнулась.

— Здравствуй, странная девочка, — инрэйг обернулась к Трин. — Что вынудило тебя следовать за мной?

— Здравствуйте, — она поспешно склонила голову, приветствуя Зорик. — Могу я просить вас уделить мне немного времени? Если вы сейчас не заняты, конечно.

Вместо ответа её жестом пригласили войти в уже знакомый огромный кабинет. Он был всё так же полон зелени и света. Зорик неспешно прошла, останавливаясь у стены, где буйствовал некий цветущий плющ.

— Что же ты хотела спросить? Или хотела чем-то поделиться? Обожаю секреты, — усмехнулась женщина.

Зорик провела кончиками пальцев по бархатным бледно-голубым цветам, и лиана ожила. Изгибаясь, она коснулась волос инрэйг.

— Мне бы хотелось узнать немного о годах учёбы отца в академии. Увы, он не настолько сентиментален, чтоб делиться воспоминаниями, — Трин приблизилась к Маркар. —

Возможно я зря вас тревожу этой просьбой. Но не знаю, кого ещё могу спросить.

— Ты права, — задумчиво кивнула инрэйг. — Я действительно мало что знаю из того времени. И совсем немного могу рассказать о Фемире Синхелме.

— Но может вы слышали о некоем происшествии, которое случилось в Арде в ту пору? Каэль Моррус вскользь упоминал о нём, но не объяснил подробностей.

— Много лет назад в Арде было лишь одно происшествие, о котором до сих пор неохотно говорят. Я понимаю старика Морруса, — в этот раз Зорик нахмурилась, снова задумавшись. — Я знаю об этом лишь со слов тех преподавателей, которым довелось работать в Арде в ту пору. Поэтому могу быть неточна.

— Поделитесь со мной, прошу вас, — Трин подступила к ней на шаг, смотря с надеждой. — Мне важна любая информация.

— Когда твой отец учился на последнем курсе, как и зануда Фергас, на территории корпуса факультета боевой магии погиб студент. Несчастье случилось в одной из наблюдательных башен. Ранее их было четыре. Сейчас она почти полностью разрушена и на её месте создано искусственное озеро.

— Вы помните имя погибшего студента?

Трин уже приготовилась услышать названную Моррусом фамилию третьего друга отца — Дэнвея. Но ошиблась.

— Конечно, — Зорик жестом предложила гостье занять одно из кресел. Сама опустилась в то, что стояло ближе к окну. — Первокурсник Арис Брант. Этот несчастный юноша был единственным сыном королевского советника Виберта Бранта.

— Вот как...

— Ты надеялась услышать другое имя? — удивилась Зорик.

— Можно и так сказать. Я ошибочно предположила, что погибшим мог быть студент Дэнвей.

— Дэнвей был тем, кого признали виновным в гибели Бранта, — неожиданно пояснила инрэйг.

— Виновным? — отчего-то поникла Трин.

— Говорят, вся башня буквально выгорела изнутри. Все трое были огнетворцами. И твой отец, и Фергас, и Дэнвей, — повторяя недавние слова Морруса, продолжила говорить Зорик. — Твой отец и Фергас пытались спасти его, предотвратить несчастье, но им не удалось. Брант погиб.

— И Дэнвей был осуждён, верно? Он сейчас в тюрьме? Или... казнён? — осторожно спросила Трин. — Почему же он так поступил с тем студентом?

— К сожалению, я не знаю ответ ни на первый, ни на второй твой вопрос. Полагаю, что злая шутка обернулась бедой и вышла из-под контроля. Вижу, мои слова тебя расстроили. Уже не рада, что решилась разузнать об этом?

— Нет. Это очень важно. Благодарю вас, — Трин поднялась с кресла. — Мне пора бежать. Скоро начнётся занятие. Спасибо что уделили мне время.

— Рада, что смогла хоть чем-то помочь, — Зорик поднялась с кресла, собираясь проводить гостью к выходу. — Как летит время. В следующем месяце будет проведён первый бал Арда.

Говоря это, преподаватель наблюдала за лицом девушки. Та явно ушла в свои мысли, поскольку никакого оживления, присущего любой юной каэли, не последовало. Зорик улыбнулась, покачав рыжей головой.

— Ты ведь слышала об этом событии? — снова спросила она уже возле дверей.

— Да... — рассеянно ответила Трин.

Бал. Всё верно. Скоро в академии будет проведён бал. Совсем выпустила это событие из головы. Мысли было чем заполнить в последнее время.

— Неужели не рада? — видя смятение на лице гостьи, Зорик рассмеялась и вздохнула. — Не любишь балы?

— По правде говоря, я не посещала ни одного, — призналась Трин. — Поэтому нельзя сказать, что не люблю. Просто это подразумевает присутствие слишком большого количества людей.

— О да! — инрэйг прислонилась плечом к дверям и изящно взмахнула рукой. — Бал для женщины словно бой. Нужно прикончить всех соперниц, при этом выглядя блестяще, и в итоге сразить главную мишень — лучшего из мужчин.

— Уж лучше выдержать неделю непрерывных тренировок от каэля Бриса, — пробормотала Трин.

— Это несомненно проще, — Зорик снова рассмеялась. — Но всё же интересно, на кого укажет Крис, выбирая пару для первого танца? Тебе совсем не любопытно?

— Нет...

Первый танец. Тот самый, о котором столько говорила Ивон. Ректору полагалось открыть бал. Кристиан должен выбрать себе пару. Пару? Трин крепче сжала дверную ручку. То есть, ему придётся танцевать с кем-то из студенток? Опасный жаркий огонёк затлел где-то в груди. Затлел и угас. Всё это не более чем формальность. Она ведь прекрасно знает об этом.

Как и о том, что никогда не сможет встать рядом с Кристианом. В том прекрасном Голубом зале, который показывали им во время ознакомительной экскурсии по Арду. Ведь она и танцы — вещи несовместимые. Наверняка была единственной, у кого и платья не имелось по этому случаю. Верно. Платье! Не могла же снова надеть то, в котором когда-то велела Кристиану убираться из её жизни. И сгорит со стыда, если придётся просить Ивон об одолжении. Нет. Она не станет просить её. Никогда.

Как вообще могла забыть про бал? Зорик вовремя напомнила. Нужно придумать причину, по которой не сможет явиться туда. И должна быть достаточно убедительна, иначе Кристиан не поведётся. Он заставит прийти. А ведь совершенно не хотелось смотреть на то, как будет обнимать другую, танцую перед всеми...

— Сейчас ты думаешь о том, какой цвет для бального платья будет выигрышнее? — поддразнила её Зорик.

— В некотором смысле... — спеша закончить неловкий разговор, и также вспоминая, что почти опоздала на занятие, Трин торопливо поклонилась. — Прошу простить меня. Если я опоздаю — меня накажут. Я должна идти...

— Ступай, странная девочка, — тепло улыбнулась Маркар.

Она распахнула двери, выпуская гостью. Возвращаться в кабинет не спешила, наблюдая за тем, как Трин перешла на бег, торопясь исчезнуть. Малышка влюблена в Кристиана? И, кажется, её чувства взаимны. Прекрасно и одновременно вызывало лёгкую грусть. Зорик склонила голову набок, позволяя солнечным лучам золотить её волосы. Оба одиноки и потеряны. Они подходят друг другу.

Трин взбежала по ступенькам лестницы, уже слыша сигнал начала занятий. Не снижая скорости в коридоре второго этажа, она свернула за угол, надеясь, что преподавателя сейчас ещё не было в аудитории. Маленький, но шанс был. А также был тот, кого сейчас совсем не ожидала увидеть. Отдавая какие-то распоряжения одному из преподавателей, в коридоре остался Фергас. Держа в руках несколько больших свитков, декан посмотрел на опоздавшую студентку.

Она немедленно остановилась, и поприветствовала мага, переводя дыхание. Да уж... Лучше бы совсем пропустила занятие. Фергас смотрел молча, изучая её так, словно

видел впервые.

— Трин Синхелм, — наконец проговорил маг, неспешно пройдясь мимо студентки. — Я наблюдал за твоими тренировками.

Останавливаясь за спиной, он вынудил повернуться.

— Должен признать, что твои навыки не настолько безнадёжны, как ожидалось.

Это был комплимент? Трин не стала обольщаться, прекрасно слыша в его голосе оттенок иронии.

— Благодарю за вашу оценку, каэль Фергас, — подыграла она, прикидывая свои шансы сбежать в аудиторию.

Пока они были нулевыми. Но судя по приличной тишине за закрытыми дверьми — преподаватель уже начал занятие. Иначе стоял бы ещё тот галдёж. Но, в некотором смысле Фергас её спас. Она всегда сможет сослаться на то, что опоздала по причине беседы с самым уважаемым деканом.

— Я заметил, что ты используешь Ратхам. Это несколько устаревшая тактика. Брис не преподаёт её, — продолжил говорить маг, всё изучая её лицо. — Откуда ты знаешь её?

— Мой отец...

— Фемир никогда не использовал бы её, — неожиданно резким голосом оборвал её декан. — Он был одним из первых, кто освоил Наймрун. Это новая система обучения боевых магов, введенная на двух последних курсах нашего обучения. И он владеет ею в превосходной степени. Так что ему не было бы нужды учить тебя иному.

— Мой отец, — твёрдо повторила Трин, — не единственный в Ардиане, кто отвечал за мою боевую подготовку. У меня было достаточно учителей. И каждый привнёс что-то своё. Может Ратхам и устарела, но и ныне не менее эффективна. Чуть ранее вы сами это подтвердили, наблюдая за моими успехами, каэль Фергас. Могу ли я просить отпустить меня на занятие?

Смерив её тяжёлым взглядом, Фергас молча кивнул, указывая на двери, веля убраться. Ни на мгновение не задерживаясь, Трин широким шагом направилась к аудитории. Только скрываясь в ней и добираясь наконец до своего стола, смогла перевести дыхание.

Фергас некоторое время стоял и смотрел на закрытые двери. В висках его пульсировало, а кулаки сами сжимались от внутреннего гнева. Синхелм — безумец... Зачем он забрал к себе эту проклятую девчонку? Ну зачем? Мог бы взять кого угодно, раз уж так хотел найти замену своей мёртвой дочери. Наверняка для жены старался, поскольку и дураку ясно, что сам не был особо привязан к этой сироте.

— Идиот... — сквозь зубы процедил маг.

Хотел ведь отдать кому-то в жёны. Так кому? Хотел бы он знать! Почему не отослал девчонку жениху? Ну конечно же! Нужно играть в героя. Везде. Всегда. Пусть все в королевстве считают, что папочка-герой обожает дочь и готов сделать всё для её «счастья». А уж то, что не справилась — так это сама виновата. Главное, чтоб не Синхелм. Только не он. Он просто не мог. Как позволить пострадать блестящему образу? Никаких пятен на доспехах — кровь легко смыть. Ни каких пятен на душе — их легко спрятать под маской. А за последствия этого «героизма» сейчас отдуваться ему? Не в этот раз.

Фергас развернулся, отправляясь прочь по пустому коридору, где были гулко слышны его шаги. В этот раз каждый сам за себя. Синхелм далеко. А девчонка начинает задавать вопросы. Совершенно ненужные вопросы. Он прекрасно слышал их разговор с Маркар. Обе слишком любопытны и суют нос куда не следует. Девицам нужно болтать о платьях, да как охомутать идиота побогаче, чтобы удачно выйти замуж. А вовсе не поднимать старую пыль с того, что давно было упокоено. Так и должно оставаться. Слишком высокая цена заплачена. Он не собирался рисковать. И если на пути встанет одна неугодная сиротка — то и колебаться не станет...

Глава 3

Улицы Валмира наконец перестали походить на болото. Солнце и разгулявшийся ветер помогали в этом в полной мере. Пересекая главную площадь города, Кристиан огляделся, пытаясь вспомнить, где мог находиться нужный ему дом. Следуя за хозяином, Вир перешагнул через очередную блестящую лужу. Босоногая ребятня резвилась, разбрызгивая воду, прыгая в неё с разбегу.

Штаны и высокие ботинки моментально оказались вымоченными, благодаря летевшим во все стороны брызгам. Вир поворчал в ответ, но его оглушил очередной счастливый писк. Махнув рукой на детвору, он нагнал Кристиана.

— Что удалось узнать про печать? — Кристиан тихо выругался, когда мимо, не соблюдая дороги, пронёсся новенький экипаж, запряжённый парой белоснежных лошадей.

На дверце сверкал герб Улхаров. Пир Улхар являлся управляющим города. А судя по шлейфу приторных духов, оставшихся за экипажем, тот нёс либо госпожу Улхар, либо одну из многочисленных дочерей управляющего.

— Хорошие лошади... — пробормотал Вир, глядя вслед экипажу. — Да только в нехороших руках. Не зашибли б кого по пути, проклятье...

Припоминая детишек, игравших на площади, воин нахмурился. Рэйван едва повёл рукой. Лёгкая шустрая тень скользнула по ней, срываясь с ладони и бросаясь вслед за нёсшимся экипажем. Нагоняя его, принялась ластиться к лошадям, обвивая длинные ноги, словно невидимыми путами. Поднималась к шее, тяжестью припадала к груди, шептала неслышно, вынуждая животных замедлять ход и едва ли не засыпать от охватившей слабости.

Кристиану было жаль лошадей. Куда больше, чем тех, кто гнал их, или отдавал крикливым голосом приказы, сидя в модном экипаже. Но, увы, не мог навредить людям. Сейчас не мог. Экипаж остановился, что вызвало новый поток явно пьяной истерики у его хозяйки. Дверца резко распахнулась, и визгливый голос продолжил перечислять проклятия.

Много сил он не отобрал. Пару дней — и лошади вернуться к прежней форме. Особенно при должном уходе. Не собираясь и дальше наблюдать за представлением, Рэйван покинул площадь, сворачивая на одну из широких улиц Валмира. Вир ухмыльнулся, кидая последний взгляд на девушку, метавшуюся вокруг экипажа, грозя неизвестному обидчику кулаками. Явно дочь Улхара. Уж слишком молода для матери семейства...

— Я малость поразузнал, — вернулся к разговору Вир. — Местный сброд верит, что существует некая Томаринская печать. Что якобы она открывает путь к сокровищам.

— Сокровищам? — поморщился Рэйван.

— Да, — хмыкнул Вир. — Считается, что есть секретное место, где томаринские разбойники прячут награбленное. Многие охотники хотят заполучить его. Вот и ищут печать.

— И, конечно же, никакой печати нет?

— Полагаю, что всё так и обстоит, — кивнул Вир. — Но томаринцам неплохо кровь потратят все эти желающие обогатиться.

— И кому у нас прямая выгода от этого? — Кристиан на мгновение обернулся к площади. — Слухи распространяются с благословения Улхара?

— Так поговаривают среди стражей. За голову Калвага — предводителя томаринцев, назначена такая цена, что и я не прочь присоединиться к охотникам. И эти идиоты бесплатно сделают то, за что Ламон платит стражам.

— Они учиняют беспорядки в городе и пока являются для горожан, и жителей окрестностей, куда опаснее томаринцев, — Кристиан оглядел часть широкой улицы, на

которой они оказались.

Она пестрела яркими домами и буйством зелени. Мощёная светлым камнем дорога, блестящие окна витрин... Всё, чтобы заманить любителей опустошить свой кошелек. Чудь дальше, под высокой остроконечной крышей, с черепицей, походящей на печенье, ютилась кондитерская. Купить Спичке сладостей?.. Рэйван спрятал руки в карманы штанов. Сегодня у него были малость иные планы. Но отчего не добавить к главному подарку горсть конфет? Или пирожных? Или...

— Что там с томаринцами? — Кристиан направился в сторону кондитерской.

— Местный люд двояко относится к лесным разбойникам, — догнал его Вир.

Воин с удовольствием вдохнул аромат свежей выпечки, ощущавшийся даже отсюда.

— Отчего же? Все они объявлены королём вне закона.

— Так оно и обстоит, — подтвердил Вир. — Но во время минувшей войны, именно томаринцы поддерживали королевские войска, защищая окрестные земли от вердианцев. Сейчас корона отрицает данный факт, но люди-то помнят. Всех не заставишь умолкнуть, хоть и пытаются...

— Когда война окончена — имена героев забываются.

— А некоторые навязчиво напоминают, — прокашлялся в кулак Вир.

— Намекаешь на Синхелма? — нахмурился Кристиан.

Помощник только пожал плечами.

— Что слышно о хозяине Томарина? — продолжил расспрос некромант, останавливаясь перед витриной кондитерской и разглядывая разноцветные десерты.

— Замок стоит у Легатских гор. Достаточно уединённо. Да ещё и окружён лесами. После смерти прошлого хозяина, больше десяти лет назад перешёл в наследство к Самусу Элфэру. Но нынешний хозяин так за всё время владения землёй ни разу не появлялся в Томарине.

— Отчего же? — обернулся к нему Кристиан. — Из-за соседства с разбойниками? Каэль Элфэр у нас трус?

— Слышал только сплетни. Говорят, земля Томарина после смерти старых хозяев — проклята. А ещё больше того проклятия, пугают разбойники. Что уж там... Короче выходит, что и сам Элфэр не рад такому наследству оказался. Вроде есть, а вроде, как и нет его.

— Слухи о проклятье, полагаю, разбойникам на руку, — Кристиан оглядел кусок улицы, ощутив чей-то взгляд.

Горожане прогуливались неспешно, и казалось, никому не было дела до его персоны. Но он чувствовал...

— Им на пользу всё, что держит людей подальше от лесов.

— Кто следит за замком в отсутствие хозяина?

— Полагаю, что там должен быть управляющий, назначенный Элфэром. Возможно, кто-то из прислуги остался с ним. К сожалению пока подробности мне неизвестны. А может разбойники хранят в замке своё добро? Что если замок заброшен и всё обстоит именно так?

— Не думаю, что наглость томаринцев настолько уж велика. Да и нет мне дела до их тайников, — Кристиан нахмурился, припоминая недолгое сражение на заднем дворе трактира.

Эти охотники точно одержимы, раз не понимают, что их используют, как идиотов. Рэйван толкнул дверь кондитерской, входя внутрь небольшого помещения. Честно, он не

любитель сладкого. Всё осталось где-то в детстве, давно забытым. И сейчас растерялся от разнообразия десертов и прочих сладостей, сверкавших разноцветными обёртками. Бородатый хозяин всех этих «сокровищ», широко ухмыльнулся в роскошные усы, широким жестом предлагая посетителю выбирать. Выбирать...

Что могло понравиться Спичке? Взгляд остановился на небольших блестящих блюдах, с идеальными горками орехов в шоколаде. Дальше — всевозможные виды печенья и пирожных. Разных цветов и форм, они ещё больше сбивали с толку названиями. «Драконий глаз». «Дезия вечерняя». Была даже «Первая невинность» в бело-розовой глазури. Не стоило задумываться о том, что вдохновило мастера на создание этого шедевра. И уж тем более, о причинах нумерации той самой невинности...

Дядька за прилавком наверняка понял смятение посетителя, поскольку ухмылка стала ещё шире, а концы пушистых усов вздёрнулись, добавляя чудаковатости.

— Проклятье... Дайте что-нибудь на ваше усмотрение, — Рэйван нервно расстегнул пуговицу воротника рубашки.

— Господин желает признаться в любви? Или потешить ребёнка? — деловито осведомился хозяин кондитерской. — А может...

— Просто порадовать. Порадовать и всё, — Кристиан прокашлялся в кулак. — И чтобы живот потом не свело от всех этих красок и блёсток.

— Один момент, — мужчина на минуту удалился в некое помещение за его спиной, скрытое резной дверью.

Вернулся с небольшим блюдом, застеленным белоснежной салфеткой. Края её мягко трепетали при каждом движении кондитера. Лёгкий фруктовый аромат коснулся обоняния Рэйвана. Смешивался он с запахом цветочного мёда. Было и нечто едва уловимое, солнечное — кажется, в детстве так пахло печенье, которое мать велела печь к завтраку...

Отчего сейчас он вспомнил этот запах и вкус? Казалось, что тот забыт навсегда. Сердце гулко застучало, но Кристиан глубоко вздохнул, сдерживаясь. Тем самым ещё сильнее ощутил аромат, немного пряный, немного сладковатый. Спелые золотистые дольки плодов кальмии были выложены полукругом на подносе. Почти прозрачные, выдержанные в меду, они буквально светились благодаря заглянувшему в кондитерскую солнцу.

— Только сегодня изготовлены, господин, — блюдо было опущено на стойку перед Кристианом. — Кальмию нельзя назвать изысканной. Но она всегда порадует. Этот вкус и аромат ни с чем не спутаешь.

— Согласен, — глухо отозвался Рэйван.

— Попробуете?..

— Нет! — наверное резче, чем стоило бы, ответил некромант.

Попробовать? Не смог бы. Не сейчас. Не при посторонних. Да что же он, в самом деле?.. Душа разнылась, как старая рана.

— Понял, — ничуть не смутившись, кивнул кондитер.

Видимо и не таких чудаков встречал. Скрылся где-то под прилавком, и возник с небольшой бумажной коробочкой, расписанной цветами. Аккуратно, деревянной лопаткой принялся выкладывать на дно десерт, а по завершению накрыл крышкой и перевязал золотистой лентой.

Поблагодарив и расплатившись, Кристиан прихватил коробку и поспешил покинуть кондитерскую. Оказавшись на улице, он остановился на мгновение, закрыл глаза и шумно вздохнул. Будто так мог остудить память и собраться с мыслями.

— Господин? — Вир осторожно окликнул Рэйвана, подходя со стороны шумного фонтана.

Тот сверкал в лучах солнца, разбрызгивая воду по бордюру, выполненному из белого камня. Будто мало им было воды после стольких дождей... Кристиан подавил желание подойти к фонтану и умыться.

— За мной, — велел он коротко, намереваясь скорее покинуть эту часть улицы.

— Куда в этот раз, господин? — стараясь поспевать за ним, спросил помощник.

— Где в этом городе находится дом портного, проклятье? — возмутился некромант, перешагивая через очередную лужу.

— Так отчего же сразу не спросили? — довольно поглядел на него Вир. — Это нам через Тирову площадь нужно вернуться. Ну там, где экипаж Улхара малость подпортили... Так вот сразу по правую руку и будет. Госпожу хотите порадовать?

Ухмылка на небритом лице воина стала шире.

— Вперёд, Вир, — голос некроманта опасно понизился, а зазмеившийся у его ног туман подсказал помощнику, что пора прикусить язык.

Глава 4

На Тировой площади продолжалось представление. Стоило отметить, что каэли Улхар могла построить блестящую карьеру актрисы при королевском театре. Ламон был бы в восторге...

Светловолосая девица, в слишком вычурном для городской прогулки платье, то и дело лишалась перед стражами чувств, рассказывая попеременно каждому о случившемся злодействе. Народ развлекался, наблюдая за подвыпившей дочерью управляющего, благо кто-то уже кинулся известить папашу. Двое стражей осматривали экипаж и лошадей, допрашивая худощавого кучера. Ещё двое, стоя рядом со старшим патруля, вынужденно выслушивали раскрасневшуюся каэли.

Проходя мимо, Кристиану удалось услышать обрывок её слов. Улхар требовала найти и непременно бросить за решётку того, кто посмел покушаться на её драгоценную жизнь. Ведь негодяй наверняка метил в неё, да смог только умертвить лошадей...

То, что лошади были живёхоньки, девицу мало волновало. Покачивая белыми головами, животные словно понимали пьяный бред хозяйки, и обречённо ожидали возможности вернуться в конюшню. Кучер стоял смиренно, опустил голову и сминая в руках шляпу. Даже не обладая магическим даром, дядька наверняка понимал, что произошло на самом деле. Ведь не по своей воле гнал лошадей, не разбирая дороги. Приказ хозяйский выполнял.

— Этот некромант поплатится за свои деяния! — взвизгнула Улхар, вынуждая Рэйвана поморщиться от противного голоса.

Вир широким шагом следовал за хозяином, так же желая поскорее пересечь площадь и оказаться в тишине.

— Наверняка он был подослан врагами моего отца! — слышалось позади них. — Вы ведь знаете, кто мой отец? Вот! Это точно он! Я чую его отвратительную магию! Стой!

Рэйван тихо выругался, слыша, как стражи кинулись выполнять приказ старшего патруля. Совсем страх потеряли? Всё, лишь бы умолкла дочь управляющего. И откуда взялась на его голову эта девица?!

— Тебе не скрыться, убийца! — снова выкрикнула Улхар.

Вир коснулся рукояти оружия, крепившегося на поясе, стоило стражам приблизиться к ним. Но Кристиан едва мотнул головой, веля помощнику остановиться.

— Именем короля... — начал было говорить один из стражей, но стоило Рэйвану повернуться к нему, как умолк.

— Я — Кристиан Рэйван, благословением короля — ректор академии Ард! — изобразил праведный гнев некромант. — Как смеете останавливать меня? Как смеете упоминать имя короля и при этом обнажать оружие передо мной?

— Хватайте же его! — топнула каэли Улхар.

— Простите, господин, — склонил голову старший патруля. — Сожалею, что не узнал вас.

— Арестуйте! Арестуйте этого гадкого некроманта! И его приспешника тоже! — возмущалась девица.

Топот копыт заставил её ненадолго приумолкнуть. И стражи, и Кристиан обернулись, наблюдая за приближавшимся всадником. Нет, это конечно же был не управляющий. Сам Улхар не стал бы позориться, потому и прислал помощника. Остановив серого коня, высокий худощавый мужчина спешил. Тонкий шрам на его щеке скрывался под аккуратной короткой бородой. Тёмным внимательным взглядом маг обвёл площадь, замечая собиравшихся любопытных горожан. Пора всё это заканчивать...

— Господин Вилмор, — склонил голову старший стражи.

Маг сдержанно кивнул. Полностью игнорируя очередные выкрики дочери своего хозяина, наверняка уже давно ставшие привычными, он повернулся к Кристиану.

— Господин Рэйван, — Вилмор говорил неспешно, словно слова давались ему с трудом. — Я рад, что вы оказались в нужное время в нужном месте, если можно так выразиться. Лошади понесли, и благодаря вашим своевременным действиям госпожа Макэль не пострадала. Господин Улхар непременно будет об этом извещён, и наверняка пожелает поблагодарить вас лично. Но к сожалению сегодня он отсутствует в Валмире.

«Лошади понесли»? Серьёзно? Слова были сказаны таким тоном, что Рэйван понял: это был единственный быстрый способ покончить с нелепой ситуацией и убраться с проклятой площади. Вот только подвыпившая девица с этим была явно не согласна.

— Убийца!

— Простите... — снова кланяясь, пробормотал страж, поморщившись от выкриков за его спиной.

— Он не спасал меня! Вы только посмотрите на него! Посмотрите на него! Он хотел убить... — она замахнулась рукой, но не удержалась на шатких ногах и осела на сырые камни, словно сломанная кукла.

— Не смею вас задерживать, — натянуто улыбнулся Вилмор, жестом предлагая Кристиану идти своей дорогой. — Ещё раз благодарю за вашу помощь.

— Не стоит благодарности, — сухо ответил Рэйван.

Он прошёл мимо помощника управляющего, не собираясь и мгновения больше задерживаться на шумной площади. Вир спешил за ним, продолжая тихо ворчать и хвататься за рукоять оружия, разгоняя любопытных горожан. Уже оказываясь на одной из ближайших улиц, Рэйван шумно вздохнул и пробормотал проклятия. Тёмные узоры стирались с его рук и шеи, когда некромант успокоил всплеск силы. Вспоминая теперь о своей ноше, которую держал в руке, Кристиан опустил взгляд на коробку со сладостями. Лента была в порядке... А сладковатый аромат ощущался даже сейчас, говоря о том, что десерт не превратился в прах.

— Держи! — велел он, передавая коробку помощнику. — Головой отвечаешь.

Так будет безопаснее. Вдруг сегодня ещё кто-нибудь лишится ума, испытывая его терпение на прочность. Как пить дать завтра во всех городских газетах напишут, что ректор Арда спас жизнь дочурки управляющего. На что только не пойдут, чтоб замять сегодняшнее представление. Селма будет в восторге...

— Не тормози, Вир! — уже видя нужный ему дом, велел Кристиан.

Бережно удерживая в руках врученную коробку, помощник поспешил за ним. Как и в прошлый раз, Вир остался ожидать хозяина у крыльца, осматривая улицу. Дом, в котором скрылся Рэйван, был намного больше уютной кондитерской и имел два этажа. Он шагнул на натёртый до блеска пол, в котором, казалось, можно было разглядеть собственное отражение. Высокие окна позволяли дневному свету проникать в просторный нижний зал, буквально заливая его тёплым светом. В стороне уютилось пара диванов в компании небольшого резного столика. Видимо для ожидания явившихся каэли. Кристиан заметил несколько на удивление невысоких деревцев цемиклера. Те своей зеленью оживляли помещение, высаженные в белоснежные горшки. Приблизившись, Рэйван понял, что растения были искусственными. Что и объяснило их размер. Листья и белые цветы неизвестный мастер выполнил на удивление реалистично из лоскутов ткани.

По другую сторону зала Кристиан увидел три деревянных манекена, ряженных в готовые платья. Вполне приличные платья... На второй этаж вела лестница, и оттуда доносились голоса. Один — мужской, и ещё несколько женских.

Он ощущал смещение сил. Маг воздуха... Судя по общей атмосфере дома — им являлся хозяин. Чувал Кристиан и некроманта. Остальные были слишком слабы, чтобы чётко обозначить себя. Его окликнули. Женщина средних лет подошла совершенно бесшумно. Или он так задумался? Рэйван ответил на приветствие.

Миниатюрная, в голубом платье, волосы светлой косой уложены венком. Она мягко улынулась. Есть такие женщины, редкие, к сожалению. Не имея и капли привычной магии, они используют свою, некую непостижимую, заставляющую любое место, где окажутся, становится светлее и чище. Помощница лучшего портного Валмира была именно такой.

— Господин Рэйван.

Ну надо же. В этот раз его узнали, да ещё и не испытав отвращения при этом. Сплетни, распускавшиеся о нём по королевству, не добрались до этого дома? Сейчас Кристиану было всё равно на причины. Нужно закончить то, зачем явился.

— Вы хотите сделать заказ? — открыто улыбаясь, спросила помощница.

Заказ? У него не было времени ожидать, пока наряд сошьют. Как и нет возможности притянуть сюда Спичку для примерок. Нужно выбрать готовое, если повезёт.

— Господин Юлмиз сейчас беседует по поводу одного из срочных заказов. Вы располагаете временем, чтоб дождаться его за чашечкой чая? Или хотите выбрать удобное время?

— Я хочу выбрать из тех, что уже готовы, — пояснил Кристиан. — Мне нужно уже сшитое платье. То, что я могу забрать сразу.

— Неожиданно... — удивилась помощница Юлмиза. — Вы хотите взять без примерки?

— Полагаю, что примерив хоть одно — распугаю всех ваших клиентов.

— С этим можно поспорить, — улыбнулась она, жестом приглашая проходить в смежное помещение, оказавшееся немногим меньше прошлого зала. — Готовых платьев не больше десятка. Как правило, к нам обращаются с желанием шить на заказ. Надеюсь на ваше понимание.

— Безусловно, — Рэйван огляделся.

Тот же зеркальный пол, огромные окна, поднимавшиеся едва ли не до потолка, белоснежные шторы, на фоне которых яркими пятнами выделялись платья. Манекены стояли полукругом. В разноцветных нарядах — словно девицы, что ожидали на балу.

— Вам предложить платье для какого-то особого случая? — поинтересовалась помощница Юлмиза. — Мне необходимо знать некоторые подробности о каэли, которая наденет его, господин. Могу ли я просить вас ответить на несколько вопросов, чтоб подобрать наиболее подходящий вариант?

Вопросы? Размеры... объёмы... возраст... цвет волос или глаз... К хаосу все эти допросы! К счастью в этот раз ему не нужно было гадать, что выбрать. Оказалось достаточно одного взгляда. Серебряное, чёрное, голубое... Или даже то, тёмно-зелёное. Всё не то. А вот оно, единственное, незаслуженно оставленное с краю — было тем самым. Наряд облегал тонкий силуэт манекена, выполненного из чёрного гладкого дерева. Облегал, струился, буквально стекал с него всполохами мягкого пламени длинных юбок. Золотистая невесомая ткань рукавов, строгий корсет, расшитый в тон «медовыми» камнями эмерита... Если можно чем-то передать без слов и короткость пламени, и одновременно его яркость — это идеальный вариант.

— Это, — указал Кристиан на платье.

Глава 5

— Надеюсь, выше ожидание было недолгим, — Юлмиз присоединился к ним, спустившись по лестнице. — Каэль Рэйван. Рад видеть вас.

Лёгкие светлые одежды, лёгкие шаги — шёл, будто не касаясь ногами земли. В присутствии мага воздуха колыхнулись шторы, впуская в приоткрытое окно свежий порыв ветра. Тот, словно ручной зверь, был рад возвращению стихийника. Сухощавый высокий мужчина тепло подал руку гостю, затем широким жестом обведя зал.

— Чем же я могу порадовать вас?

— Меня уже порадовали, — сдержанно улыбнулся Кристиан.

— Дорогая Лисия, — с некоторой долей обиды обратился к своей помощнице Юлмиз. — Вы приняли заказ без моего участия?

— Каэль Рэйван выбрал готовое платье, — пояснила женщина, останавливаясь возле манекена с нарядом. — Только по этой причине я приняла заказ.

— Готовое? — тонкие брови портного приподнялись над маленькими круглыми очками.

Зачем очки магу? Тому, у кого зрение не могло испортиться, как у простого смертного. Но, видимо они служили Юлмизу частью его образа.

— Увы, это подарок. Я не могу привести будущую хозяйку платья на примерку, или просить её назвать все необходимые мерки. Иначе поймёт, для чего я их прошу, — Кристиан снова поглядел на платье. — Уверен, что оно прекрасно подойдёт. Так что вам не о чем беспокоиться.

— Я понимаю вас, — лицо Юлмиза смягчилось и он неспешно прогулялся к манекенам. — Прекрасный выбор. Хотел бы я увидеть ту, что его наденет. Каждому я даю название. Вы выбрали «Танец огня». Стоит сделать шаг — и пламя оживёт, придёт в движение. Я назвал его в честь цветения яльмаров. Вы слышали об этом чуде, каэль Рэйван?

— Нет, — признался Кристиан.

— Жаль, — мечтательно вздохнул маг.

Оживший ветер скользнул у штор и повторил за ним.

— Из этих удивительных деревьев в основном состоят томаринские леса. Цветут яльмары только раз в году, точнее одну единственную ночь. А к утру роняют все свои цветы. И тогда создаётся ощущение, будто лес горит. А на рассвете пламя из лепестков стелется под ногами и сияет так ярко, что впору ослепнуть. Нежный пожар. Опасный и трепетный. Вот что я хотел сказать этим творением. Кстати, это чудо скоро вновь повторится, — щёлкнув ухоженными пальцами, пояснил Юлмиз. — Советую не пропустить момент и лично насладиться этим зрелищем.

— Благодарю за информацию, — Кристиан коротко кивнул.

Спускаясь по ступенькам лестницы, она всё гадала, могло ли воображение сыграть с ней

шутку. Голос был так знаком. Дель ступила с последней ступеньки на блестящий пол нижнего зала. Она неслышно подошла к раскрытым настежь створкам соседней комнаты. Нет. Не ошиблась. Это действительно был Рэйван. Что он здесь делал? Юлмиз славился на весь Валмир тем, что шил только женские наряды. Явиться сюда за костюмом для себя Кристиан не мог. Пришёл за платьем? Но... Для кого?

Дель почувствовала, как сердцебиение участилось. Она остановилась на входе в зал, наблюдая за действиями тех, кто находился в нём. Говорили о платьях. Юлмиз всё сетовал на то, что невозможно примерить перед покупкой. Но тогда бы подарок не получился... Подарок? Кому?

Кристиан прошёлся вдоль ряда платьев, и Дель позволила себе увлечься предположениями. Скоро в академии бал. Ректор должен выбрать пару. Кого же ещё он мог выбрать? Верно же? Ведь их семьи, считай, договорились. Разве может его упрямство что-то изменить? Решил наконец признать их союз и сделать подарок? Наверняка так и есть. Победная улыбка коснулась её губ.

Пусть она позволила некроманту унижить её перед всей академией, лишив статуса главы студсовета. Но с лихвой отомстит, когда ему придётся лично признать её хозяйкой своего замка. Она будет смотреть в эти серые глаза, она будет улыбаться. Непременно. И конечно же изобразит удивление, получив такую узнаваемую белоснежную коробку с золотистой лентой и личными пожеланиями самого Юлмиза. Теми, что непременно оставляет в каждой коробке, в тонком конверте, написав несколько сладких строк счастливой обладательнице обновки.

Как хорошо всё же, что убедила Вильят отпустить её сегодня с занятий. Всё по причине скорого дня рождения младшей из сестёр. Заказанное платье практически готово, и визит к портному никак нельзя было отложить. Иначе его не успеют закончить в срок и отправить имениннице в Деспин.

Но что выберет Рэйван? Мужчины ничего не смыслят в этом деле. Ах, вон то, расшитое серебром. А рукава, украшенные малийским кружевом... Ведь так подойдёт к цвету её волос. Догадается выбрать его? Она примет любое, так и быть. Но не хотелось выглядеть нелепо на балу. Всё должно быть безупречно. Хоть окликай, и вели всё сделать, как должно!

— Вы уверены, в выборе цвета, каэль Рэйван? — меж тем ещё раз спросил Юлмиз. — Вы так таинственны, что я вновь ощущаю волнение. Подойдёт ли? Что скажете о «Звёздной ночи»? Или о «Лунной дымке»?

Указал на то, что она так вожделела, и Дель задержала дыхание. Ну давай же, что молчишь, проклятье! Выбирай его...

— Чёрное? — заговорил Кристиан. — Серое? Никогда. Только это подойдёт той, что сама как солнце...

К молчаливому возмущению Дель, некромант указал на крайнее, то, что никогда бы в здравом уме не выбрала. Сошёл с ума? Разве не помнит, что она предпочитает серебро? Погодите-ка... Внезапно кинуло в жар, и Шаелин отступила на пару шагов, скрываясь в смежном зале. Та, что сама как солнце? Так сказал Рэйван?

— Что?..

Нет, она просто не так поняла. Не мог он говорить о ком-то другом. Не мог. У Кристиана Рэйвана нет возлюбленной. Нет, и не может быть! Не может! Платье для неё! Он ведь покупал его для неё... Пусть лучше всё обстоит именно так. В противном случае, «солнце» пожалеет, покусившись на то, что принадлежит ей. Дель сжала кулаки, сдержавшись, чтоб немедленно не кинуться за объяснениями. Но не выдаст сейчас то, что знает о визите к Юлмизу. Она должна узнать, кто посмел настолько обнаглеть.

Не дожидаясь, пока её заметят, Дель бесшумно покинула дом. Придерживая подол платья, она едва не задела на крыльце Вира, ожидавшего хозяина. Мужчина поклонился, приветствуя каэли. Но та пригвоздила его к месту гневным взглядом, вынуждая замереть и с недоумением глядеть вслед.

— Примерка прошла неудачно? — пробормотал воин. — У женщин всё так сложно...

Оглядывая улицу, Вир не без удовольствия остановил взгляд на противоположной её стороне. Там, где у небольшого фонтана слышался тихий смех и девичьи голоса. Разноцветной стайкой юные каэли собрались вокруг цветочницы, наперебой указывая на корзинку в её руках, выбирая небольшие букеты. Цветы — простые, дикие, перевязанные тонкими цветными лентами. Наверняка собраны на полях за пределами Валмира.

Девицы были хороши... Но всё же вниманием Вира завладела сама цветочница. Длинные вьющиеся волосы, яркие, словно пламя. Простое незатейливое платье, на тонкой талии подвязанное широким расшитым цветами поясом. Белый передник с карманом посередине, из которого выглядывали концы лент. Цветочница вытащила одну — алую. Лента затрепетала на ветру. Девушки принялись что-то бурно обсуждать. Цветочница опустила корзинку и занялась выбранным букетом, меняя голубую ленту на алую по просьбе покупательницы.

Вир бы и дальше любовался незнакомкой, но наконец на пороге дома объявился хозяин. Судя по тёмным всполохам, окружавшим его силуэт, Кристиан Рэйван едва вытерпел визит к портному. Выбор платьев уж точно не для его господина... Вир торопливо принял от него большую белоснежную коробку, перехваченную золотой лентой. На крышку, возле пышного банта, воин рискнул опустить коробочку со сладостями. Теперь держать покупки стало проще, и он не боялся, что уронит хоть одну, рискуя лишиться головы.

— Куда теперь, господин? — спросил Вир, следуя за Кристианом.

Он ещё раз посмотрел на компанию девушек, широко улыбаясь цветочнице. Рыжая незнакомка одарила его ответной улыбкой. Спросил бы её имя. Обязательно спросил бы. Но сейчас должен идти.

— К мосту, — велел Кристиан. — Я перемещусь у ворот Арда. Затем ты вернёшься в город, Вир. Если будут новости — доложишь в любое время.

Поднимая с земли корзинку, Хельга посмотрела вслед мужчинам. Некромант велел своим людям выслеживать их. Что ж, это было ожидаемо. В город они с Яром пришли до рассвета. Сделать это раньше не позволила ни погода, ни состояние товарища. Сейчас Хельга могла не опасаться за его здоровье. Но Кристиан Рэйван уже знал Яра в лицо, как и его улыбчивый помощник. Поэтому подойти к ним ближе могла лишь она, пока без опасности быть узнанной или попасть под подозрение. Хельге хотелось в это верить.

Рэйван, признаться, удивил. Он совершенно не походил на Деверукса — своего деда. Даже тьма, окружавшая его, не вызывала у инрёйг привычного отвращения. Она не казалась ядом и не пахла смертью. В сознании Хельги она рисовалась уставшим замученным зверем, вынужденным волоочь за собой тяжёлые цепи. Вроде как никто не удерживал за них, но уже не было сил скинуть прочь.

После минувшей войны осталось много таких «зверей». Она чувствовала каждого, что порой причиняло почти физическую боль. Таковы были причуды её силы. Как правило, инрёйги, подобные ей, являлись природными целителями, леча физические раны за счёт своей магии. Она же ощущала и раны душевные, исцелить которые было куда сложнее.

Хельга видела, как некрмант остановил лошадей, когда одна из дочерей ненавистного Улхара вновь решила, что ей всё дозволено. Рэйван пожалел животных, не стал убивать... Не стал вредить кучеру. И мерзкой Макэль, когда та вопила у экипажа. Но Хельга не собиралась так легко доверяться ему, несмотря на выказанную человечность. Да. Рэйван не походил на деда. Не походил на простых охотников, готовых на всё, лишь бы заполучить несуществующую печать и разбойничьи сокровища. Не походил и на Фемира Синхелма. Произнося мысленно это имя, Хельга презрительно изогнула губы. Если есть справедливость в этом мире, однажды он ответит за всё содеянное. Однажды каждый узнает, кто... Нет — *что* скрывается за всеми уважаемой личиной героя.

Глава 6

В отличие от Ивон, буквально поселившейся в библиотеке, Трин посещала её лишь пару

раз. Сегодня пришлось отправиться сюда за специальными книгами по рунологии, получив особое задание от каэля Морруса. Трин толкнула тяжёлые створки дверей, оказываясь на площадке, с которой две деревянные лестницы вели в огромный зал библиотеки.

— Каэли требуется помощь хранителя? — слышался у её уха тонкий голосок хранителя.

Лёгкие прозрачные крылья трепетали, удерживая существо в воздухе.

— Здравствуй. Кажется, мне действительно нужна помощь, — согласилась Трин. — В какой части библиотеки я могу найти книги по рунологии?

— Следуй за мной!

Хранитель описал круг над студенткой, и его золотистое свечение стало ярче. Затем полетел в направлении левого крыла библиотеки. Оставалось поспевать за проворным существом, спускаясь в зал и лавируя в лабиринте бесконечных рядов стеллажей. Объявившийся Зиль вздумал играть наперегонки с хранителем, но был остановлен хозяйкой. Фамильяр продолжил с восторгом следить за летящим существом, от нетерпения выпуская и пряча длинные когти. Причём делал это, сидя на плече Трин.

— Ты должен вести себя прилично, — пожурела она духа. — Иначе нас выгонят отсюда. Здесь тебе не площадки боевого факультета.

Трин торопливо прошла вдоль ряда колонн, затем сворачивая в сторону, указанную сверкающим хранителем. Она миновала отделённую часть библиотеки, где были установлены столы и кресла, давая возможность чтения книг не покидая зала. Зачарованные сферы мягко светились, паря над столами, услужливо снижаясь по требованию чтеца. Оказываясь наконец у нужных высоких стеллажей, Трин остановилась. Хранитель описал круг над нею, получая в благодарность печенье, оказавшееся едва ли не в половину роста самого существа. Довольно пропищав что-то на прощание, беспокойный помощник упорхнул, крепко удерживая руками десерт.

Зиль ласкался о шею, пытался заглянуть в лицо, и не давал толком рассмотреть бесконечное множество книг. Замечая нужную на верхней полке, Трин огляделась. Лестница находилась рядом. Пододвинув её, она взобралась по деревянным ступенькам, теперь имея возможность добраться до полки. Книга была тяжёлой, в старом кожаном переплёте, связанной тонким шнурком. Надпись на обложке сохранилась отлично, и Трин с удовольствием провела ладонью по тиснёным буквам. Спускаться вниз не стала, садясь на удобную верхнюю ступеньку лестницы. Пока никому не мешала, и была одна, могла спокойно прочитать нужную информацию.

Скоро Кристиан вновь переместит к себе. Она уже привыкла выбирать уединённые места, зная о приближавшемся времени встречи. Раскрывая книгу, Трин не сдержала улыбки. Она соскучилась. Сегодня Рэйвана целый день не было в замке. Оставалось гадать, куда мог отправиться. Расположив книгу на коленях, она принялась читать, иногда делая пометки в тетради. За столом было бы куда удобнее. Но здесь тише.

Увлечлась чтением так, что не заметила, как стемнело. И действительно испугалась, когда под нею вспыхнули круги печати перемещения. Едва успела прижать к груди книгу, как оказалась в знакомой комнате. Устояв на ногах, Трин заметила Кристиана за своим столом. Что-то дописывая в длинном шуршащем свитке, некромант хмурил брови.

— Обо мне совершенно забыли? — уголок его губ едва дрогнул, выдавая то, что ворчание было показным.

— Нет, — Трин ответила улыбкой, пройдясь по комнате и останавливаясь рядом с Рэйваном. — Просто немного увлеклась.

— И что же такого увлекательного в писаниях почтенного Морруса? — поднял к ней взгляд Кристиан. — Снова даёт задания по своим же книгам?

— Так и есть, — подтвердила Трин, делая ещё шаг к жениху.

Она опустила прихваченную с библиотеки книгу на край стола. Затем собралась

расправить воротник на рубашке Кристиана. Но он опередил, притянув к себе и вынуждая сестру к нему на колени, окутывая знакомым теплом.

— Ты скучала? — спросил он, обнимая за талию.

Но слова звучали так, будто сам признавался в том, что испытывал это.

— Я была слишком занята, чтобы предаваться скуке, — поддразнила Трин.

— Вот как? — серебро в глазах некроманта потемнело.

А едва склонился к её лицу, собираясь поцеловать, как услышал низкое рычание. Вредный комок тьмы, им же призванный, возник перед самым лицом, скалясь и не давая приблизиться.

— Смеешь мешать мне? Все твои жалкие кости всё ещё у меня, мараг. Мне достаточно одного щелчка пальцами, чтобы обратить их в прах и уничтожить тебя, — без тени шутки пригрозил Кристиан. — Или навечно приставить к самому тёмному чулану Арда — ловить мышей и пауков...

В ответ его виновато лизнули в нос, извиняясь ощерились, и деликатно растворились в воздухе.

— Вы только посмотрите на них, — взгляд Кристиана вернулся к Трин. — Что хозяйка, что фамилляр — оба бессердечны и слабы на память.

Трин немного подалась к нему и всё же поправила воротник рубашки. Позволила себе задержать ладони у его лица, коснуться кончиками пальцев шеи, а затем повести ими к подбородку. Колючий... Губы чувствовали то же, когда осмелела, целуя его. А затем устроилась удобнее на коленях, опуская голову на плечо Кристиана. Как же уютно было, как же тепло и безопасно...

Хотя, здесь она поторопилась с выводами. Возможно, некромант был лучшим щитом от всех невзгод, но сам уж никак не являлся безопасным. И когда наконец поцеловал, как и собирался до выходки Зиля, то в полной мере доказал это. Их дыхания смешались, а объятия стали крепче. И только когда почувствовал жар на своих плечах, исходящий от её ладоней, Кристиан отстранился.

— Так ты скучала, Спичка? — спросил он вновь, сплетая пальцы их рук, и давая Трин возможность справиться с чувствами.

— Ты снова обожжёшься... — она попыталась высвободить ладони, но их сжали крепче, не позволяя.

— Тогда придётся заботиться обо мне.

Рунные знаки на запястьях стихийницы то вспыхивали ярче, то, тлея, угасали.

— Я не желаю ранить тебя, — тряхнула головой Трин, кое-как унимая разгоравшийся в груди жар. — Пройдёт полжизни пока моя сила станет стабильна. И каждый день ты будешь в опасности.

— Значит, признаёшь тот факт, что у нас будет этот «каждый день»? — усмехнулся Рэйван. — Ты...

— Я скучала, — призналась Трин. — И...

— И? — он так и не отпустил её рук, отмечая про себя, что хоть глаза девушки и сияли золотом, но знаки с ладоней стирались.

— И иногда мне хочется просто подойти к тебе и взять за руку. Хочется окликнуть, когда вижу в коридоре. И не думать о том, что скажут люди. Иногда мне так хочется быть свободной от шёпота за спиной. От всех сплетен и интриг. Иногда мне кажется, я устала настолько, что больше не выдержу. Но ты веришь в меня. Это так удивительно.

Проведя ладонью по её волосам, Кристиан тепло коснулся губами лба Трин.

— Я не стану лгать, что люди умолкнут. И пусть браки между преподавателями и студентами в Арде не запрещены, и даже имели место быть, но сплетни только усилятся. Это как дождь. Нужно просто переждать. Он льёт сильнее перед тем, как стихнуть.

В дверь осторожно постучали, вынуждая Рэйвана прервать разговор. Тот, кто потревожил их, не был живым. Это некромант чуял прекрасно. Прислужник явился с некими известиями?

Трин поднялась, встал и Кристиан, направляясь к двери. Пришедший умай склонил голову перед ректором Арда, протягивая блестящий серебром поднос. На нём лежал небольшой конверт. Принимая его, Рэйван отпустил умая и прошёлся по комнате.

— Ты получил письмо?

— Склонен предположить, что это, скорее — приглашение, — он вскрыл конверт, разворачивая сложенный вдвое лист.

Читая несколько скупых строк, Кристиан холодно хмыкнул. Ну надо же, как быстро. Улхар возвратился в город и возжелал поблагодарить «спасителя» его пьяницы-дочери? С визитом звал... Что ж, в другой раз он непременно отказался бы. Но это было неплохой возможностью порасспрашивать о томаринцах. Если верить слухам, управляющий распускал и свои — о печати. Мог знать нечто, что пригодится в поисках.

— Что-то не так? — полюбопытствовала Трин.

— Всё в порядке. Нужно будет нанести визит в дом Пира Улхара — управляющего Валмира. Я совершенно не горю желанием видеть его, но раз уж пригласил, то воспользуюсь этим, — Рэйван бросил конверт и письмо на стол. — Улхар мечтает избавиться от разбойников. Скорее всего, идея распустить слухи о томаринской печати принадлежит ему. Хочу расспросить его об этом. Эта земля была в твоих воспоминаниях. Я понимаю, как хочешь открыть для себя правду. Просто дай мне время.

— Я хочу быть полезной тебе, помочь хоть чем-то, — Трин приблизилась к нему.

— Тогда просто оставайся в Арде, чтобы быть единственной причиной, желать возвращаться сюда. Трин? — он опустил ладони на её плечи.

— Да?

— Я говорил ранее, что выберу время отвести тебя в храм Бевана. Там мы принесём брачные клятвы у алтаря.

— Да... — разволновалась Трин, вздрогнув под его ладонями.

Кристиан сжал её плечи сильнее.

— Мне жаль торопить тебя. И я желал бы, чтоб всё происходило при более приятных обстоятельствах. Но в свете последних событий хочу, чтобы моё имя стало тебе защитой, — внимательно глядя на её лицо, твёрдо проговорил Рэйван. — Ты понимаешь меня, Трин?

Она понимала... Прекрасно понимала. А также осознавала и то, что не желала прикрываться им, словно щитом. Зачем ему она — сирота безымянного рода? Зачем ему она, если взамен может потерять всё, что дорого? Трин прерывисто вздохнула, снова вздрогнув в его руках, ощущая озноб.

— Трин? — Кристиан не сводил с неё взгляда.

— Да. Я понимаю...

— И почему мне кажется, что сейчас ты готова кинуться в окно и бежать прочь, позволить спросить?

— Твой дед не позволит этот брак, — наконец произнесла она то, что уже столько времени мучило.

— И это вся причина? — казалось, Рэйван действительно был удивлён.

— А этого мало? — растерянно посмотрела на него Трин. — Деверукс лишит тебя наследства. Он не отдаст тебе Харланд...

— И всё это время ты мучилась подобными мыслями, Спичка?

Неожиданно его мягкий смех зазвучал в комнате, разволновав Трин больше прежнего. Что в её словах вызвало подобную реакцию?

— Разве могут не беспокоить эти вопросы? — возмутилась она.

Кристиан вновь заставил смотреть на него, придерживая её подбородок.

— Я знаю своего деда, Трин. Прекрасно знаю. Поэтому и настоял на письменном договоре. У меня есть его подпись и печать на жалкой бумажке. И там ясно сказано, что я всего лишь обязуюсь жениться в течение года для получения наследства. Но про то, кем должна являться будущая каэли Рэйван, ничего не сказано, — пояснил он, отпуская подбородок девушки и проведя тыльной стороной ладони по её горячей щеке. — Было так темно столько лет. Темно. Холодно. Я рад был обжечься, чтобы вновь ощутить, что жив. И если единственная причина твоего сомнения в том, что боишься навредить мне, я лишь больше уверяюсь в правильности своего выбора. Я не отступлюсь.

Глава 7

Трин с удивлением глядела на большую белоснежную коробку, которую Кристиан опустил на стол. Золотистая лента так замечательно сверкала аккуратным бантом на крышке. Рядом ютилась вторая коробка, совсем маленькая, привлекая к себе внимание приятным ароматом. В ней явно таилось нечто, приобретенное в кондитерской.

— Что это? — Трин приблизилась, когда Кристиан жестом пригласил подойти к его столу.

— То, что надеюсь хоть немного поднимет тебе настроение. Хотел сделать это в качестве поощрительного приза, когда ты выиграла у Димера тот небольшой поединок, — Кристиан усмехнулся. — Но что-то вечно вмешивалось в планы.

— Это подарок? Мне? Ещё один? — её глаза распахнулись от волнения, и улыбку сдержать не смогла.

В прошлый раз Кристиан подарил Зиля. И порой ей казалось, что вместе с ним подарил частичку себя, которая постоянно находилась рядом, где бы ни пропадал некромант. Что же в этот раз? Что могло быть в прекрасной белой коробке? Погодите-ка... Это же не то, что она думает?

— Верно. Подарок. Откроешь здесь, или предпочитаешь сделать это в своей комнате?

— Спасибо, — Трин осторожно потянула за конец ленты на большой коробке. — Я открою его при тебе. Надеюсь, оттуда не выскочит ещё один дух?..

— Хватит и одного, — припоминая выходку Зиля, пробормотал Рэйван.

Развязав бант, Трин рискнула поднять крышку. Она дрогнула в руках, и пришлось задержать дыхание от неожиданности и... восторга. Да. Именно это Трин сейчас чувствовала. Мягкое сияние эмеритовых камней, которыми был расшит корсет платья, отражалось в её глазах. Платье... Кристиан подарил ей платье...

Он молча наблюдал за реакцией невесты. Подарок понравился. Это он видел совершенно ясно. Вот только не мог понять, отчего радость смешивалась с откровенным испугом. Спичка пыталась скрыть эмоции, но безуспешно. Отчего простое платье вызвало столько волнения?

— Оно очень красивое, — Трин прикоснулась к «пылавшей» ткани. — Оно — прекрасно. Спасибо...

Глаза увлажнились, и она закусила губу, надеясь сдержаться. Да что такое? Снова

чувства через край. Все её планы спрятаться во время бала летели к хаосу. Теперь она не сможет отказаться. Не сможет подвести его. И наверняка опозорится перед всеми собравшимися на балу. Или будет мучаться и смотреть, как Кристиан танцует с кем-то из студенток. Трин прекрасно понимала, что это всего лишь необходимость для него. Всего лишь некий ардовский ритуал. Но сердце отказывалось слушать.

— Если понравилось, то почему так взволнована? — с теплом зазвучал рядом голос Кристиана.

Он обнял за плечи, затем привлекая к себе. Время — замри. Остановись. Вот бы стоять так вечно... Трин обняла его за талию, прижимаясь щекой к груди Рэйвана. Вот он — такой полюбившийся мерный стук сердца. И тепло. Так тепло. Точно — Тепло!

— В этом платье я не смогу надеть наручи, — Трин подняла голову, глядя на Кристиана.
— Я могу не сдержаться и натворю дел во время бала. Мне совершенно нельзя там появляться.

— Так проблема в твоей неуправляемой силе? — он постарался не улыбнуться, чтобы не расстроить лгунью ещё сильнее.

— Да, — торопливо кивнула Трин. — Ты лучше всех знаешь, что я могу сотворить.

— И лучше всех знаю, как с этим справиться, верно? — теперь не выдержал и усмехнулся. — Доверься мне. Этого будет достаточно. И так, на всякий случай: даже не смей думать о том, что сможешь не явиться на этот проклятый бал. Не смей бросать меня одного на растерзание толпы.

— Я не брошу, — заверила Трин уже спокойнее.

Ну подумаешь, ещё раз осмеют или будут распускать сплетни о дикарке сироте. И в самом деле, она придёт туда только ради Кристиана. Всё остальное неважно. Справится. Не в первой.

— Ты дала слово, — пристально поглядел Рэйван.

— Я его сдержу, — твёрдо пообещала Трин.

— Сейчас я должен отпустить тебя. Увы, необходимо вернуться к делам.

Отпускал нехотя, целуя на прощание и вручая коробки с подарками. Оставшись один, Кристиан прошёлся по комнате, устало поведя плечами. Затем поглядел на стол, заваленный бумагами. Ещё одна куча планов, расписаний и тому подобного, от чего голова раскалывалась. А затем ещё одна бессонная ночь... Рэйван повернул голову в сторону кровати. Опять вернутся ночные кошмары.

Хотя, в прошлую ночь, когда едва смог сомкнуть глаза, ему снилось нечто необычное. Тихий голос пел песню. Некую колыбельную. Где он мог ранее её слышать? Возможно в детстве пел кто-то из нянек, поскольку голос уж точно не походил на материнский. Или его снова посетили чужие воспоминания? Кристиан глянул на входную дверь. Песня пелась не для него? Кто-то когда-то пел её для Трин? Появилось желание не сдерживать слово и надеть медальон на ночь. Перенести к себе Спичку? Спалит всю комнату. Зато перед этим он отлично выспится...

Оказываясь в тёмном коридоре, неподалёку от лестницы, ведущей к крылу общежитий, Трин придержала коробки. Маленькая, со сладостями, едва не соскользнула с гладкой крышки коробки с платьем. Кальмия дразнила своим ароматом, вызывая желание немедленно попробовать десерт. А ещё — в который раз пожалеть, что не могла разделить эту радость со своим молчаливым другом.

Трин огляделась в поисках умая. Тихий стук вызвал улыбку, сообщая о том, что сегодня она всё же увидит Лейтона. Это не удавалось уже третий день. Он появился, спускаясь с третьего этажа. Мягкое голубоватое свечение стало ярче, когда ардовский прислужник заметил стоящую в сумерках коридора девушку. Лейтон приблизился, кивком отвечая на приветствие, и протянул руки, предлагая помощь.

— Где ты пропадал, Лейтон? — Трин позволила принять коробки. — Я уж было начала волноваться. Вдруг настолько надоела, что ты сбежал?

Умай покачал головой в ответ на её слова и его глаза затлели сильнее. Он немного приподнял в руках ношу, таким образом спрашивая, что же такое нёс.

— Тебе интересно? — усмехнулась Трин, спускаясь с другом по широкой лестнице.

Они остановились где-то на середине, когда девушка пригласила присесть на одну из ступеней.

— Сегодня я получила подарки, Лейтон.

Прислужник указал пальцем куда-то вверх.

— Да-да. Он снова сделал мне подарок. И этот самый подарок делает меня одновременно и счастливой, и несчастной, — вздохнула Трин.

Лейтон бережно опустил коробки на ступеньку повыше, а сам сел рядом с девушкой, вопросительно кивая.

— Почему? Ах, Лейтон... Он подарил мне сладости, и я бы с удовольствием поделилась ими с тобой... — Трин склонила голову на его плечо. — Но могу лишь делиться своими проблемами.

Свечение умая то становилось ярче, то мягко угасало, выдавая чувства. Мерцающим призраком он сидел не шелохнувшись, будто боялся, что она — живая, полная надежд и тревог, исчезнет, уйдёт, растает. И всё привиделось ему, после смерти не нашедшему покоя. И получил он проклятье — бесконечную тоску. Или просто был так жажен? Или было всё мало... Каждого мига, каждого взгляда. Каждого слова...

— Он подарил мне платье, Лейтон. Прекрасное платье. У меня никогда не было такого, — Трин отпрянула от его плеча. — Скоро в академии бал. Знаешь, кажется, наш король очень любит подобные мероприятия. Буквально каждый месяц в Арде ожидается какое-то событие. Я так надеялась придумать отличный план, чтобы пропустить бал, Лейтон. Например, притворилась бы больной. Или сломала ногу, честное слово!

Прислужник кинул на неё скептический взгляд и явно был недоволен таким планом.

— Да. Понимаю, что это ерунда, — сдалась Трин. — Я бы просто солгала что-нибудь. И мы отлично проболтали всю ночь напролёт, пока шёл этот ужасный бал. Но он подарил мне платье. Он попросил поддержать его.

Рука умая опустилась на её плечо, тепло пожимая.

— Да. Конечно, я сдержу слово и не струшу. Я должна его поддержать. Как же иначе. Но я сгорю, Лейтон, — Трин мотнула головой, когда увидела волнение друга. — Нет, слабый контроль силы в этот раз ни при чём. Хотя, это тоже проблема. Я сгорю от стыда...

Снова вопросительный кивок.

— Я не умею танцевать, — на выдохе произнесла Трин. — Я, наверное, единственная девушка в академии, кто никогда в жизни не танцевал. Все брали уроки. Ну разумеется, какая каэли не берёт уроки танцев? А ещё, скоро в Ард явится достопочтенная каэли Делла Орлаг. И все студентки готовы будут поубивать друг дружку за возможность попасть к ней на урок. Но даже если я каким-то чудом смогла бы встретиться с ней, это ничего не даст, Лейтон. За пару уроков можно подправить уже то, что умеешь. Но не научиться с нуля. Может всё же сломать ногу? Кто станет ждать танца от неудачницы с костылём?..

Прерывая её жаркие речи, Лейтон встал со ступени и протянул ей руку. Трин насторожилась, глядя на него. Затем приняла поддержку и поднялась. Не отпуская её, Лейтон проводил вниз, к пустому круглому залу, приглушённо освещённому зачарованными огнями. Они остановились в центре и Трин ожидала дальнейших действий друга.

— Что ты задумал, Лейтон?

Вместо ответа умай галантно склонился перед нею и протянул руку.

— Это приглашение на танец? — осторожно спросила Трин, затем усмехнувшись. — Я отдаваю тебе все ноги. Ты готов пройти через это испытание?

Сияющий призрак едва улыбнулся. Впервые, что привело её в ещё большее замешательство. Сейчас Лейтон выглядел как человек. Пусть очертания его и были словно нарисованы сверкающими красками, нечётко, как набросок неизвестного художника.

Он вновь взял Трин за руки. Как всегда молча, Лейтон опустил одну её ладонь на своё плечо. Вторую оставил в своей руке, поднимая на уровне плеча и предлагая согнуть немного в локте. Трин послушно следовала его указаниям, от волнения чувствуя, что ладони дрожали. Но улыбка умай просила довериться, что она и сделала.

Лейтон опустил свою правую руку на её талию, бережно сжимая правую ладонь девушки. Медленно, осторожно, он повёл Трин. Шаг... Ещё шаг... Поворот... Это оказалось сложнее, чем тренировка на площадке боевого факультета. Но разве могла не справиться сейчас? Шаг... Ещё один...

За высокими окнами совсем стемнело. Скоро ночь опустится на Валмир, вспыхивая бледными звёздами на чистом небе. Но одна из них сейчас была рядом. Светила, вела, дарила надежду. Держала её в своих сверкающих руках, пока в танце кружили в пустом тихом зале.

Глава 8

Возвращаясь в общежитие, Трин гадала: заснула ли уже подруга, или ожидала её возвращения. Совсем темно. И тихо. Она бесшумно прокралась к двери. Придерживая коробки, Трин быстро вошла в комнату.

— Где тебя носило? — возмутилась Лейвр, которая и не собиралась спать, читая в постели очередную книжку в свете зачарованного огня.

Видя коробки в руках подруги, Ивон поднялась с кровати, убирая длинные волосы за спину. Босиком она прошла по ковру, приближаясь к Трин.

— Кто-то приехал навестить тебя? — предположила она. — Поэтому ты так задержалась?

— В некотором смысле ты права, — Трин прекрасно понимала, что бесконечно обманывать подругу мало того что не хотелось, так ещё и становилось всё труднее.

Раз уж вскоре Кристиан намерен сделать её своей женой, то нужно «подготовить» подругу к этому откровению. По чуть-чуть...

Трин опустила на застеленную постель коробку с платьем, и подняла с неё ту, что хранила десерт.

— Это чудесная кальмия в меду. Хочешь попробовать? — предложила она Ивон.

— Ещё спрашиваешь? — загорелись от восторга глаза подруги. — Я пробовала её во время празднования в Валмире. Она действительно чудесна.

Словно договорившись, обе устроились на кровати Трин. Зиль рискнул показаться, больше не остерегаясь гнева некроманта. Объявился на спинке кровати, с любопытством наблюдая за действиями девушек.

— Понимаю, что слишком любопытна, но это же коробка из дома самого Юлмиза, — не удержалась Ивон, указывая на второй подарок одной из своих «оживших» прядей.

В руках девушка держала тонкую деревянную палочку, на которую был наколот кусочек золотистого фрукта. Второй палочкой, заботливо оставленной кондитером в коробке, воспользовалась Трин, пробуя десерт на вкус.

— Всё верно. В ней платье, — подтвердила она.

— И кто же так расщедрился? — ахнула Ивон. — Неужели приехал твой отец? Или прислал кого-то из Ардиана? Несомненно, он взволнован и хотел порадовать тебя...

По выражению лица подруги она поняла, что ошиблась.

— Нет. Это не отец. И даже не его доверенный.

Кальмия была удивительно ароматной. И сладкой... Настолько вкусна, что перебивала привкус горечи от сказанных ею же слов.

— Тогда кто же это? — Лейвр сощурилась и откусила дольку десерта.

Зиль вздумал протянуть когтистую лапу и схватить девушку за змеившуюся прядь волос. Трин молча мотнула головой, веля духу уgomониться. Разочарованный, он втянул сверкнувшие когти, удобнее устраиваясь на спинке кровати.

— Это подарок моего... жениха, — ломким голосом призналась Трин.

— Жениха? — Ивон едва не уронила десерт. — Когда же ты успела? И ни словом не обмолвилась! Но кто же твой жених?

— У моего отца была договорённость по поводу этого брака. Я прошу дать мне возможность пока не называть имени.

— Скажи, он хотя бы молод? Состоятелен? Хорош собой? Боги... О чём я говорю? Что он за человек, Трин? — закидала вопросами Ивон.

— Он достойный человек. Очень добр и заботлив. Рядом с ним мне спокойно. Ему хочется верить. А ещё он смел и силен... — поделилась Трин. — И я считаю его весьма привлекательным.

— И где же обитают такие идеальные мужчины? — скептически поглядела на неё Ивон.
— Или же правда в том, что любовь ослепляет?

— Скорее она позволяет увидеть истинную суть человека. Соприкоснуться душой, — Трин задумчиво глядела на Зиля, который со скучающим видом изображал, что задремал, будто мёртвому духу это требовалось. — Сначала мне казалось это совершенно невозможным. Но теперь знаю, что могу полностью доверять ему. Он так удивителен...

— Шагрим будет очень «рад» этому известию. Он ведь ещё не в курсе твоей помолвки?

— Нет. И ты же не думаешь, что Талл серьёзен в своих чувствах? Ему просто нравится подшучивать надо мной и ставить в неловкое положение. На прошлой неделе я видела, как он обнимался с двумя девицами со второго курса. Причём каждую уверял, что не стоит сдерживать своих чувств и призывал открыться навстречу любви. Когда кто-то действительно нравится, не станешь и смотреть на других, не то, что обниматься с ними.

Трин прислонилась к спинке кровати. Ночной ветер играл лёгкими шторами, проникая через приоткрытое окно. Он мягко касался лица, остужая его, и приносил с собой аромат цветов, росших в террасном саду. Если кто-то очень нравится, то испытываешь желание видеть лишь его, слышать его голос. Испытываешь страх потерять или причинить страдания. Чувствуешь тепло в груди от одной мысли о нём. Возможно, это и есть любовь. В любом случае, иная ей была неведома. Это то, что Трин чувствовала сейчас. Кажется, она была влюблена...

— А как же учёба, Трин? — продолжила расспрос Ивон, расправляя кружевной край ночной сорочки.

— Жених не станет мешать мне. И если не вынудят непредвиденные обстоятельства, я не покину Ард.

— Ты ведь понимаешь, что после твоих слов я сойду с ума от любопытства? — проворчала Лейвр, откусывая очередной кусочек кальмии. — Кто же этот невероятный мужчина? Ты позволишь?

Подруга указала на коробку с платьем. Трин кивнула, предлагая поднять крышку. Боясь перепачкать обновку сладостями, Ивон воспользовалась прядью волос, бережно открывая подарок.

— Ну что ж, одно я знаю точно — у этого парня отличный вкус, кем бы он ни был, — она с восхищением поглядела на платье. — Твой жених будет среди гостей, приглашённых на бал?

Этот вопрос застал Трин врасплох.

— Пока я не могу сказать точно...

— Если он явится, представишь нас?

Не самая лучшая из идей Ивон. Трин нервно улыбнулась.

— А ты? — перевела она тему. — Ты пригласишь кого-нибудь? Ты говорила ранее, что есть некто нравящийся тебе. Но тоже попросила не требовать назвать его имя.

— О нет! — едва не застонала Лейвр. — Не напоминай. Я даже не стану смотреть в его сторону на балу. Иначе буду выглядеть с каждым разом всё нелепее. Своей мнимой влюблённостью я только заполучила проблем, да ещё и создала их прекрасному человеку.

— Ты говоришь о каэле Гарсе? — осторожно спросила Трин.

— Проклятье! — Ивон несчастно спрятала лицо в шёлковых прядях волос. — Я так очевидна? И ты догадалась... Теперь мне стыдно...

— Тебе нечего стыдиться, — Трин согнула ноги в коленях, обнимая их руками. — Уж тем более рядом со мной.

— Я не должна была увлекаться, Трин, — голос подруги звучал взволнованно и она принялась сплетать косу. — Каэль Гарс — идеален. Я прекрасно понимаю, что это вскружило голову не одной мне. Вот только в нас он видит лишь наивных студенток, так банально мечтающих о волнующем романе и первой любви. Он не воспринимает эти ахи и вздохи всерьёз. Что тоже служит ещё одним несомненным поводом для восхищения. И Гарс как всегда прав. Моя излишняя эмоциональность — мой личный извечный враг! Я должна обуздать её. Каэль Гарс — талантливейший артефактор. И это единственное, о чём должна помнить. Благодаря помощи ректора я могу учиться в его группе. Ни за что не потеряю эту возможность.

— А о каких проблемах ты упоминала? — нахмурилась Трин.

— Грымза Вильят до сих пор считает, что я перевелась в группу Гарса исключительно из-за того, что он мне понравился. Она не верит, что я действительно хочу у него учиться. И каждый раз напоминает об этом. При каждой встрече! — возмутилась Ивон. — Это так унижительно. Она так и не простила мне «предательства» в отношении Тэусса. Что уж говорить о самом старикашке. Но это ещё полбеда. У Гарса свой «клуб» поклонниц... Благодаря словам Вильят они решили, что я имею некие планы на него. Мне хватало издёвок насчёт волос. Так теперь ненавидят ещё и из-за своего любимого преподавателя. Это так мучительно, Трин. Я чувствую себя такой несчастной!

— И что ты намерена делать?

— Нужно найти кого-нибудь, чтоб они от меня отстали. Увидят, что я увлечена другим, и не будет повода для этих унижительных обвинений. Мне срочно нужен парень...

— Но кто? У тебя есть некто на примете?

— Нет, — вздохнула Лейвр. — Нужен тот, кто будет вполне симпатичен, будет рядом, и сможет притвориться влюблённым.

На звук стукнувшей створки окна оглянулись обе. Зиль зарычал, вздыбив призрачную шерсть. Шторы шевельнулись, и через мгновение на подоконнике объявился взъерошенный Шагрим.

— Что?.. — Ивон ткнула в его сторону десертной палочкой. — Как посмел? Что ты здесь делаешь, проклятье?! В это время...

— Тс-с-с, — Талл приложил палец к губам.

Под окнами послышалась какая-то возня и хриплый спор. Хрустнули ветки на близрастущем дереве. Кто-то от души выругался. Затем притихшая в комнате троица услышала грубые окрики ардовских стражей. Следом, судя по всему, нарушители бросились наутёк, пытаясь избежать неминуемого наказания.

Едва всё стихло, Трин перевела взгляд на друга. Воротник рубашки наполовину оторван. Одна её пола вытянулась из штанов, свисая мятой тряпкой. Губа разбита, ботинки в грязи, которая так и не высохла во дворе из-за опостылевших дождей. Шнурок, удерживавший огненные волосы, где-то потерял, наверняка в драке. Сейчас спутанные пряди обрамляли слишком довольное для странной ситуации лицо.

— Есть что поесть? — белозубая улыбка Шагрима ослепила.

— Как ты посмел сюда явиться, да ещё и ночью? — опасно зашипела Лейвр, поднимаясь с постели.

Она была так зла, что позабыла, в каком виде предстала перед сокурсником.

— Просто проходил мимо... — Талл прижал большой палец к ранке на губе, желая остановить кровь. — Увидел, что у вас свет ещё не погашен.

— Ты опять с кем-то подрался? — вздохнула Трин, и бросила подруге покрывало со своей кровати. — Накинь на плечи.

Ивон вспыхнула, торопливо укутавшись до самого подбородка, и грозно приблизилась к своей жертве. Волосы отлично выдавали её настроение, опасно змеясь вокруг головы. Помня прошлую стычку, Шагрим отступил на шаг.

— Ты!

— Да?

— Не смей больше никогда вламываться сюда как разбойник!

— Это была вынужденная мера, — ещё на шаг отступил Талл, затем ещё и ещё, пока не упёрся спиной в холодную стену. — Тебя совсем не волнует тот факт, что я мог запросто погибнуть под твоими окнами?

— Ни капли! — сощурилась она, подойдя к нему вплотную. — В следующий раз столкну с подоконника. Клянусь...

— Отлично, — послышался за спиной Ивон голос Трин.

— Что? — произнесли на два голоса товарищи.

— Отлично смотрите вместе, — улыбнулась она.

— Нет... — прекрасно понимая, к чему вела подруга, отмахнулась Ивон.

— Он вполне симпатичен, — продолжила нахваливать кандидата Трин.

— Нет!

— Что значит — нет?! — в свою очередь, хоть и не понимая, что здесь происходило, возмутился Талл. — Я красив!

— Он красив, — усмехнулась Трин. — Если особо не приглядываться.

— Эй! — поджал губы Шагрим, тут же почувствовав, как на ранке выступила кровь.

— Он всегда рядом.

— Да! — подтвердил инрёйг.

— Даже когда не нужно, — договорила Трин. — И уж кто больше него умеет врать и притворяться?

— Да никогда! — категорично заявила Ивон.

— Это идеальный вариант.

Глава 9

День выдался ветреным. Впереди ожидали выходные, и будет прекрасная возможность прогуляться по Валмиру. Именно сейчас нестерпимо захотелось сбежать из академии и побродить по улицам города. Или по той чудесной алее перед домом каэли Мюрн.

Первую половину дня их группа провела на территории боевого факультета. Ветер трепал светлые волосы Хэйла, выхаживающего перед студентами, и оставил мага в покое лишь когда тот применил свою силу. Трин вновь удивилась смещению двух стихий, которыми владел преподаватель. Явление было несколько редким. Огонь и воздух — опасная смесь для мага. Но управлялся Брис с нею с завидной лёгкостью. Она же не могла толком совладать и с единственной...

Часто стал появляться на тренировочных площадках и Фергас. Декан проводил занятия со старшими курсами, но Трин постоянно ощущала на себе его пристальные взгляды. Казалось, что маг изучал её, или пытался уличить в чём-то, только ему известном. Вредить ей больше не пытался. Видимо боялся привлечь внимание к своей персоне после королевского указа. Но спокойнее в его присутствии не становилось. Своей неприязни Фергас не скрывал, хоть и не произнёс и слова в её сторону с прошлого разговора перед аудиторией.

Ян толкнул её плечом в плечо, когда задумалась, глядя на тёмную фигуру декана, видневшуюся на дальней площадке. Трин повернула голову, слушая вновь заговорившего Хэйла.

— Теперь поговорим о щитах, — маг упёр кулаки в бока, останавливаясь перед подопечными.

Ветер вновь расшалился, пытаясь сорвать с мужчины тонкую белую рубашку. Брис что-то тихо прошептал, и его голубые глаза потемнели на мгновение. К неудовольствию студентов, теперь вредный ветер доставал только их, не тронув и волоска на голове стихийника. Довольный, Хэйл продолжил говорить.

— Отражающий щит каждый из вас учит, и в некоторой мере умеет использовать с самых первых этапов познания собственной силы. Поскольку он прост и действует буквально на уровне подсознания. Как любой смертный укрывается руками от удара или брошенного камня, так маг использует вместо этого щит отражения. Какие ещё виды щитов вам известны? Кто назовёт? Юрнер! — Хэйл кивком указал на подопечного.

— Щит отражения, поглощения и трансформации, — неуверенно пробормотал Гай.

— Неверно! Кто скажет, где ошибка? — Брис обвёл их внимательным взглядом.

— Трансформация является частью линейки щитов поглощения, — поправил товарища Тео Кахнер.

Подтверждая правильность ответа, преподаватель широко ухмыльнулся.

— Верно! Щиты поглощения делятся на несколько линеек, — пояснил Хэйл, поднял кулак и начал перечислять, отгибая пальцы. — Рассеивание, трансформация, запечатывание. Первую линейку вы будете изучать на протяжении этого курса. Поскольку достаточно легка по сравнению с остальными.

— «Призракам» хорошо, — с лёгкой завистью в голосе отозвался Раду. — С таким даром можно не напрягаться особо.

Трин поджала губы. Камень в её огород? У неё проблем было куда больше, чем у остальных. Какой уж там дар?

— Призрачность не является даром или навыком, развитым тренировками! — недовольно пояснил Хэйл. — Не разобравшись, ты делаешь глупые выводы.

— Так что же это? — спросил Димер, стоя рядом с Трин. — В этом году двое зачислены на факультет боевой магии с владением призрачностью.

— Ею нельзя владеть, — терпеливо стал пояснять маг. — Призрачность — это своеобразный изъян в ауре мага. Вместо того чтоб быть заключённой в подобие кокона, целостную оболочку, магическая аура нарушена. Оттого и способна соприкасаться с аурой другого носителя магической силы. Этот эффект и может вызвать ослабление щита. Поскольку враг в некотором смысле одновременно находится и перед ним, и за ним. Лицом к лицу с противником. Данное свойство повреждённой ауры веками использовалось среди тайных служб, а также для засылки шпиона в стан врага. И во многом помогло в действиях наших войск во время войны с вердианцами. «Призрак» имеет свои плюсы при толковом умении пользоваться повреждением ауры. Но также и сам оказывается более восприимчив к атакам врага, по понятной причине. Имея достаточно сильный природный дар, и не ленись развивать его, приложив все усилия, можно достичь прекрасного результата. И тогда любой недостаток тоже станет даром, опаснейшим оружием в руках мага. Помните это каждый.

Трин вздохнула, как и Хэйл упирая кулаки в бока. В копилку её «изъянов» добавился ещё один. Хорошо хоть от «призрака» есть своя польза. Именно благодаря ему она при нужном везении имеет шанс вспомнить хоть что-то из прошлого.

— Так какой вид щита использовал каэль Фергас во время отбора, а Синхелм? — обратился к ней Брис.

— Поглощение — рассеивание, — предположила Трин. — Данный вид имеет двухсторонне свойство, поэтому часто используется для своеобразного «уединения», когда есть нужда говорить при посторонних. Щит поглощает любой звук, рассеивая его и не давая вырваться за пределы. Это один из многих способов применения его.

— Ты гляди-ка, — стихийник довольно ухмыльнулся. — Что-то соображаешь. Молодец!

— А почему мы почти все занятия по теории проходим не в аудитории, как остальные? Почему здесь? — расстроено потянул Димер.

Сощурившись, в ответ Хэйл произнёс нечто беззвучно, небрежным жестом выставив перед этим лёгкий щит.

— Что? — пробормотал Димер.

— Ответ спросишь у Синхелм, — кинул преподаватель. Он подтянул шнурок, удерживавший волосы, собранные в хвост и отправился к корпусу. — Перерыв!

— Что он сказал?

— Что?

— А?

Вопросы посыпались со всех сторон и Трин сердито поглядела вслед магу. Щёки её сделались пунцовыми от неловкости. Вот гад... Решил, что это весело?

— Я не стану повторять это! — возмутилась она.

— Да говори уже, Синхелм! — потребовал Гай. — Тут все свои.

Ну уж нет. Развлекать Хэйла она не собиралась.

— Уважаемый каэль Брис хотел сказать, что ты, Димер, пока ещё не настолько... потерял совесть, чтоб спать стоя на его занятиях. Поэтому они и проходят на... свежем воздухе, — стараясь подобрать приличные слова, с усилием произнесла Трин. — Всё от того, что

ты постоянно спишь на занятиях! Понял?

Она не выдержала и сердито пошла прочь, направляясь к небольшому искусственному озеру.

— Так это всё из-за тебя, Димер?!

— Проклятье!

Позади послышался спор одноклассников, и Трин устало вздохнула. Ей нужно немного одиночества. Хотя на время перерыва. Она прогулялась по каменистому берегу озера, глядя на блестящую воду. Листья лилий мерно покачивались на ней, а несколько распустившихся цветов бледно-розовыми пятнами виднелись среди яркой зелени.

Трин остановилась у самой кромки воды. Это ведь то самое озеро, о котором упоминала Зорик? На месте его ранее стояла одна из смотровых башен. Как сказала инрёйг, она была разрушена, то ли из-за случившегося несчастья, то ли после него. Останки башни поднимались над уровнем воды небольшим островком, который уже порос зеленью. Даже какая-то птица умудрилась устроить на старых камнях гнездо. Крылья синие такие, яркие, словно осколок неба...

— Твоя группа уже покинула корпус. Что ты забыла здесь?

Трин обернулась на голос. Фергас всё же решил заговорить с нею, неспешно прогуливаясь вдоль берега, как и она ранее. Маг кинул мимолётный взгляд на обломки башни, и Трин заметила, как сжал зубы с такой силой, что стали видны желваки на скулах.

— Недавно я услышала историю этой башни, — не подавая виду, насколько неприятно было присутствие декана рядом с нею, проговорила Трин.

— И что же ты слышала? — сухо поинтересовался Фергас, остановившись у воды и заложив руки за спину.

— Мне интересны годы учёбы отца. Я хотела узнать о них больше.

— Мой тебе совет — оставь прошлое в прошлом. Оно лежит в руинах. Там ему и место, — повелительным тоном отозвался маг.

— Что же плохого в том, чтоб интересоваться прошлым своего отца?

Не родного... Трин прекрасно понимала, что именно это слово готово было сорваться с губ Фергаса.

— Твой отец... — декан говорил так, будто каждое слово ему давалось с непреодолимым мучением. — Твой отец подыскал тебе жениха. Почему бы не поступить, как должно доброй дочери, и не выйти замуж? Поступи мудро. Покинь Ард. Покинь сама. Прояви уважение к Синхелму. В конце концов ты...

— Сирота, которую он подобрал у обочины. И должна быть благодарна за это до конца своих дней, — Трин посмотрела на него вспыхнувшим взглядом. — Я никогда не забуду этого. Вам нет нужды напоминать. Но хотелось бы знать, откуда у вас столько неприязни ко мне? Разве в письме отец не просил поддержать меня? Уверена, что именно это он написал своему лучшему и единственному другу.

Говорила она ровным голосом, наблюдая за тем, как и взгляд Фергаса наливался опасным золотом. Что происходило с ним? Если раньше это была неприкрытая неприязнь, то сейчас переросла едва ли не в ненависть. Но она всего лишь какая-то студентка-первокурсница. И все проблемы были из-за молчания отца. Сам король дал дозволение остаться в Арде, и Фергасу впору успокоиться. Но он по непонятной пока причине не мог этого сделать. Это было нечто личное, нечто, что не давало магу совладать с чувствами.

Нет, бывает конечно, что человек становится неприятным просто так, раздражает одним своим присутствием. Но не настолько же. К тому же Фергас сам искал с ней встречи. Не она заговаривала первой. И не она подходила к нему.

— Ты одна из тех, кто создаёт проблемы для остальных, — уклончиво ответил Эрвиг.

— Как и ваш старый друг? — не удержалась Трин.

— О ком ты говоришь? — нетерпеливо спросил маг.

Проклятье... Именно проклятье тянуло к этой девчонке, стоило завидеть её. Зачем подошёл? Зачем заговорил? Нет... Он должен узнать. Должен понять. Он ведь не ошибся. Она не просто так явилась в Ард. Выискивает... Задаёт вопросы... Синхелм — глупец! Наверняка напела отцу, что хочет учиться здесь. А он и рад был отправить. Да-да... Наверняка всё так и было. Или нет? Или он сходил с ума? Ведь Синхелм писал, что просто хотел, чтоб дочь поняла свою глупость и сбежала из академии. Она ничего не знает. Просто любопытна и глупа, как все девицы...

— Ваш общий друг. Дэнвей, — заставляя его ощутить немедленный жар в груди, произнесла Трин. — Он тоже был из тех, кто создавал проблемы? Вы и отец пытались образумить его, как и меня сейчас? Но не смогли. Верно? В этой башне...

Трин указала на обломки, темневшие в воде.

— Что тебе известно? — мрачно проговорил Фергас, проследив за её взглядом.

— Когда вы учились на последнем курсе, здесь погиб студент. В этой наблюдательной башне. Ранее их было четыре. Озеро на её месте было создано после несчастья? Или по иной причине? Погибший был первокурсником, как и я. Арис Брант. Единственный сын королевского советника Виберта Бранта.

— К чему ты решила говорить о том, что было так давно?

— Виновным в гибели Бранта признали Дэнвея. Он ведь был вашим другом. Наверняка это невообразимо тяжело. Вы не смогли помочь ни тому бедняге, ни своему другу. Вы с отцом пытались, но к сожалению не смогли.

— Дэнвей — мёртв! Как и заслужил, — сквозь зубы проговорил Фергас, ткнув в грудь Трин пальцем, отталкивая от себя. — Оставь мертвецов в покое, глупая девчонка! Убирайся прочь из корпуса! Догоняй своих щенков — согруппников. И не попадайся мне более на глаза...

Маг пошёл прочь, оставляя её одну на берегу. Синекрылая птица тревожно снялась с гнезда, взлетая в чистое небо и растворяясь в нём. словно душа отлетела, побеспокоенная живыми, устроившими спор у скорбного обелиска.

— Отчего же ты так зол, если все получили по заслугам? — Трин посмотрела ему вслед.

После этого странного разговора только больше уверилась в своих подозрениях. Сердце заныло и, хмурясь, она прижала к груди кулак. Неужели не один Дэнвей был виновен в произошедшем? Или что ещё страшнее — вовсе не был виноват? Но это значило бы... Нет...

Глава 10

Время близилось к обеду. Последнее занятие в первой половине дня подходило к концу, и Ивон бросала нервные взгляды на двери аудитории. Как же неудобно иметь в друзьях парочку боевых магов. Всё потому, что занятия их почти всегда проходят в таком отдалении от главного замка Арда. Добираться до столовой придётся самой. А это означало неминуемую неприятность. Ведь обязательно кто-нибудь из девиц, вздыхающих по каэлю Гарсу, решит достать её.

Почему эти дурёхи не ревнуют друг к другу? Почему пристали к ней? Она просто создана притягивать неловкие ситуации. И вчерашняя идея была сплошным безумием. Сколько же раз за последние месяцы пожалела, что выбрала для поступления именно королевскую академию. В прошлой группе друзей завести не удалось. В новой пока всё ещё чувствовала себя чужой, хоть компания и подобралась куда приятней.

Поддержку Ивон ощущала только от двоих. Нет — троих. Трин, Шагрим и каэль Гарс. Эти три человека на весь Ард были теми, кому могла доверять. Доверять, но уж точно не изображать её возлюбленного. Ивон несчастно поморщилась, вспоминая ночной разговор в комнате общежития. Не нужно было признаваться в своих проблемах. Наверняка их только прибавится благодаря Таллу. Вздумает подшутить над нею, и тогда её репутации и вовсе конец...

Звук колокольчика, возвестивший об окончании занятия, заставил вздрогнуть. Ивон закрыла книгу ещё за пару минут до его окончания, и ровной стопкой сложила тетради, готовая немедленно подняться из-за стола. Верно. Она должна выйти вместе с группой. В такой толчее никому не будет до неё дела. Вот только одноклассники так любили разбегаться по своим делам, едва покидали аудиторию. Раз — и нет их. Наверняка этот факт тоже как-то связан с наложенным на неё проклятием. А в этом Ивон не сомневалась. Именно это могло объяснить всё происходящее с нею. Она — проклята.

Размышляя над своей несчастливой судьбой, Ивон вышла из аудитории в шумный коридор. Конечно же, она не увидела Шагрима. Как наивно было надеяться, что он окажется здесь, ожидая её. Может и совсем забыл о том, что за ним «должок». Верно-верно. Его милостиво пощадили после того, как без предупреждения влез в окно комнаты, да ещё и ночью. Если так и дальше продолжится, то этот гад будет знать, как выглядят все её ночные сорочки. Боги... Талл и в самом деле был единственным парнем, видевшим её полуголой. Ивон поджала губы, сдерживая приступ негодования.

Затем, внезапно ощутив прилив волнения, притормозила в очередном коридоре перед лестницей. А вдруг Шагрим не появился, потому что снова что-то произошло в дальнем корпусе? Опять с кем-то подрался? Или поранился на своей очередной тренировке? Ах...

— Это так ужасно! Каждый день оба возвращаются на кланкеях в синяках и ссадинах.

Теперь тревожась за друзей, Ивон стала спускаться по ступеням лестницы на первый этаж, в просторный холл. Здесь было свежо, поскольку открыты окна и створки входных дверей, впуская полуденное солнце и пахнущий цветами ветер. Людно... Слышится чей-то смех и снова кажется, будто обсуждают именно её. Глупо, конечно. Но ничего не смогла поделать с этим ощущением. Хочется просто сбежать с лестницы, но заставляла себя идти достойно и неспешно. Никто не смотрит на неё, никому она не интересна. Всё это просто нервы. «Ты же не считаешь, что настолько важна?», — мысленно спрашивала Ивон саму себя. Она не была настолько важна, чтоб кто-то желал тратить на неё своё внимание. Ну вот. Всё обошлось. Почти дошла, и без приключений.

— Змея... — ворвался в мысли еле слышимый голос, и в спину полетело заклинание тлена.

Тьма почти коснулась лёгкой ткани рубашки, собираясь обратить её в прах. Но вовремя выставленный щит остановил действие магии некромантки. Это привело девицу в крайнее возмущение, которое поубавилось, стоило заметить чёрную форму боевого факультета.

— Вышла встречать меня, цветочек?

Этот голос был более чем знаком. Ивон резко обернулась, прижимая книгу с тетрадями к груди. Так вот кто «прикрыл» щитом. Она была благодарна. Так благодарна. Но что инрёйг сейчас сказал?

Талл неторопливо прошёлся от открытых дверей в её сторону. Одной ладонью провёл по влажным волосам, убирая медные пряди со лба. Он снова весь вымок до последней нитки. Но ведь не было дождя. Вторую руку Шагрим держал за спиной. Оставалось только гадать, что мог там прятать. Ивон почувствовала, как запульсировало в висках от волнения, когда Талл подошёл, переступая ту невидимую черту, условно именуемую «дружеской». Он встал слишком близко, добавил ко всему склоняясь к её лицу.

Запах озёрной воды смешивался с лёгким ароматом цветочной пыльцы. Всем этим пахло от Шагрима, выдавая то, что совсем недавно находился в одном из Ардовских озёр. Что у них там за занятия такие? Или решил искупаться перед возвращением в замок? Тогда почему в одежде? Или по глупости свалился в воду? Или...

— Знай я, что ты так соскучишься, прилетел бы раньше, — снова поддразнил Талл, не сводя с неё медового взгляда.

В этих глазах нахальные демоны водили хороводы, наслаждаясь смятением подруги. Ивон сдержалась с последних сил, и её ногти впились в мягкую обложку книги. Ах так? Решил отомстить за выбранное наказание? Для него было таким наказанием подыграть ей? Ну и к хаосу... Она так же не горит желанием изображать его девушку. Она будет просто благодарной. Всё остальное неважно. Пусть дразнит, главное, чтоб другие оставили в покое.

Капля озёрной воды упала с волос Талла на её лицо, скатившись прозрачной слезой. Инрэйг немало удивил тем, что осторожно стёр её со щеки тыльной стороной ладони.

— Я плыл за нею до середины озера, — заставляя Ивон растеряться ещё больше, проговорил он. — Поэтому и задержался. Извини.

Шагрим поднял перед нею вторую руку, которую ранее держал за спиной. Цветочный аромат усилился. Ивон удивлённо посмотрела на озёрную лилию, послушно распускившую в руке инрэйга бледно-розовые лепестки. Лёгкая сиреневая пыльца мягко сверкала при солнечном свете, поднимаясь над цветком.

— Ты сорвал её для меня?

Талл улыбнулся, и в уголке губ, на ещё незажившей ранке, вновь выступила кровь. Костяшки пальцев на руке, державшей цветок — сбиты. На скуле темнел синяк. Красавец... Ивон достала платок, и осторожно прижала к его губам, промокнув кровь. Почему не исцелил себя? Не хотел расходовать силы, чтобы осталось больше на махание кулаками? А почему не обратился к одному из целителей? Если не к замковому, то хотя бы тому, что имелся в боевом корпусе. Всё нет времени на подобные «глупости»? Мальчишки...

На какой-то момент Ивон даже позабыла, что они стояли в холле, полном народу. Странное чувство. Приятное... Но об этом не узнает ни одна живая душа. И неживая тоже... Прибыли в замок и остальные студенты с факультета боевой магии, чёрной стаей смешиваясь с яркими воспитанниками Арда. В этот раз обидчице и её подружкам пришлось ретироваться. Некромантка была зла, но ещё больше удивлена. Что и требовалось...

Ивон приняла цветок у Шагрима, открыто улыбаясь ему. Только потому, что играла. Это просто игра. Он ведь тоже сейчас притворялся. Это всё представление. Но лилия была чудесна, как и тот факт, что ради подарка Талл даже полез в воду.

— Спасибо, — аромат цветка кружил голову. — Но где же Трин? Я не вижу её среди прибывших.

— Хэйл задержал её, — пояснил Шагрим, провожая подругу к столовой. — Но сказал, что опустит до конца перерыва, чтоб успела пообедать.

— И в чём такая важность, чтоб задерживать? — расстроилась Ивон.

— Не знаю. Возможно хочет пояснить что-то по тактике. Лучше делать это сразу, не прерывая занятие. Так легче будет усвоить. Трин приходится нелегко. Сама понимаешь.

— Понимаю, — нахмурилась Ивон. — Надеюсь, что и каэль Брис это понимает. Ах... Она всего лишь девушка.

— Верно. Но мы не выбираем свою силу, Ивон. Наш выбор лишь в том, как решаем ей пользоваться. Так уж вышло, что Трин перешла отцовская сила. У стихийников огня это большая редкость. А значит — нужно принимать ответственность. Подобная сила требует особого контроля. Огонь есть огонь.

— Знаю, — Ивон задумчиво покрутила в пальцах длинный гладкий стебель лилии.

— Я читал в библиотеке, в одной из книг по истории, что раньше, когда среди стихийников рождалась женщина с подобной силой — дар запечатывали, — продолжал говорить Шагрим. — Ритуал этот весьма опасен. И последствия его непредсказуемы.

Часто это приводило к преждевременной смерти. И указом предшественника Ламона запечатывание запретили.

— Это ужасно! — возмутилась Ивон, прерывисто вздыхая.

— Согласен. Был и ещё один старый способ. Но он не менее отвратителен, — помрачнел Талл. — Поэтому я рад, что у Трин есть выбор и некая, скажем так, свобода.

— О каком ещё способе ты говоришь? — глаза Ивон испуганно распахнулись.

— Есть те, кто способен иссушить силу, лишить дара, оставив безвольной куклой, тенью. В давние времена девочек с сильным даром, даже не обязательно огненным, отдавали некромантам.

— Хватит меня пугать этими страшными сказками...

— Я рад, что Синхелм не оказался подлецом и подержал дочь. Ты только представь, что было бы, вздумай он устроить договорной брак Трин с каким-нибудь сыном Смерти?

— Я не желаю этого представлять! — возмущённо заявила Ивон. — Жених Трин достойный человек. И не какой-нибудь некромант. Наверняка тоже стихийник огня.

— Что ты сказала? — не поверил своим ушам Талл, даже притормозив на входе в столовую.

— Забудь... — отмахнулась Лейвр, поспешив пройти внутрь.

— Какой жених? Кто он? Кто? — догнал её Шагрим. — И почему я об этом не знаю? Что за ерунда?

Глава 11

Хэйл отдал команду подняться к нему, стоя на смотровой площадке одной из башен учебного корпуса. Прекрасно расслышав его хриплый окрик, Трин вынужденно оставила кланкей и вернулась обратно в здание. Она поднялась по винтовой лестнице наверх, к выходу на площадку. Толкая скрипнувшую дверь, Трин увидела преподавателя у ограждения. Хэйл молча смотрел вниз, и ветер трепал его волосы, прекрасно освежая после тренировки.

— Каэль Брис? — окликнула она.

Маг жестом велел подойти и оперся обеими руками на каменное ограждение. Трин приблизилась, гадая, о чём же хотел говорить с нею. Она так же опустила ладони на почти горячие шершавые камни, из которых было сложено высокое ограждение смотровой площадки. Мимо стаяй пронесли кланкеи, и оставалось только провожать товарищей взглядом.

— Синхелм! — Хэйл повернул к подопечной голову, щурясь от яркого солнца. — Вот скажи мне, что с тобой не так?

— Что вы имеете в виду? — насторожилась Трин, припоминая, где сегодня могла провиниться.

Вроде полдня прошло без происшествий...

— Я заметил, что ты остаёшься в корпусе даже после дополнительного времени по самоподготовке, — Хэйл смотрел на неё внимательно, будто изучал неведомую зверушку. — Я уж как-то больше привык наказывать за пропуск занятий.

— Прошу прощения, — склонила голову Трин. — Но я не знала, что мои действия нарушают устав академии. Я...

— Личное время — время для отдыха, и даётся не просто так, — наставительным тоном заговорил Брис. — И рассчитывается оно не просто так, берясь наугад из головы. Ты решила, что сильнее остальных? Выносливее? Я ведь говорил, что беря больше у одного

дня, ты крадёшь у следующего.

— Я поняла.

— И всё равно будешь втихую продолжать, верно? — хмыкнул Брис.

— Это очень важно, — попыталась оправдаться Трин. — Пожалуйста, позвольте мне продолжить. Я не буду доводить до крайностей. И не хочу лгать вам, что перестану.

— Вы только посмотрите на неё!

— Это ведь моё личное время, — не отступала Трин. — И я могу поступать с ним, как сама того желаю. Так ведь?

Хэйл пробормотал что-то мало приличное, упирая кулаки в бока и глядя на подопечную.

— Ты пытаешься контролировать призрачность. Именно этим занимаешься по вечерам, когда все нормальные студенты разбегаются прочь, — Хэйл нахмурился, вглядываясь в её лицо. — Ты делаешь это каждый день. Я хочу понять, в чём причина этой одержимости?

— Вы ведь сами не так давно говорили на занятии о том, что необходимо развивать свой дар.

— К хаосу мои слова! — не выдержал маг и раздражённо оборвал её слова. — «Призрак» — это не дар. Это проклятье. Для тебя это может стать проклятьем.

— Для меня? Что со мной не так? — не могла понять его Трин. — Талл Шагрим свободно обучается призрачности. Почему мне не разрешено?

— Ты — девица, Синхелм, — сердито заявил Хэйл. — Вот что с тобой «не так»!

— Что? — уж чего-чего, а подобного объяснения она никак не ожидала.

— Ты знаешь, я никогда не вмешиваюсь в личные дела сопляков, находящихся на моём попечении. Но в этот раз меня «вмешали», особо не спрашивая дозволения, — Хэйл прошёлся вокруг неё, затем заставляя себя остановиться и вновь опереться спиной на ограду.

Он сложил руки на груди, глядя на Трин.

— Что вы имеете в виду, говоря, что вас вмешали в мои дела? — помрачнела она.

— Вопросы, вопросы... Так мы далеко не уйдём. Сейчас будешь слушать и отвечать на те, что задаю я. Или я буду очень зол. Ты поняла меня?

Нагревшийся вокруг них воздух убеждал и без слов. Трин кивнула, подчиняясь. Смятение охватило её. Неужели Фергас угрожал Хэйлу? Неужели хотел впутать в это дело и заставить подстроить её отчисление? Проклятье...

Озвучивая пугавшее её предположение, маг заговорил.

— Я знаю о договорённости между твоим отцом и нашим деканом. Да, я говорю именно о твоём «благополучном» отчислении, Синхелм.

Хэйл наклонил голову набок, следя за реакцией своей собеседницы.

— Существование этой договорённости для тебя не новость, — сделал он вывод. — Когда ты узнала о ней?

— Уже после того, как поступила в академию. Но вы откуда знаете о делах моей семьи? Кто рассказал вам? Кто вмешал в эти дела? Фергас? — забросала она вопросами. — Мне очень жаль, что вас впутали в это.

— Я знаю, каково это, когда за тебя решают. Когда вынуждают смириться и принять неизбежное «благо». В чём-то мы похожи.

— В чём же?

— Мы оба разочаровали своих отцов. И, как я понимаю, собираемся разочаровывать и дальше. Поначалу я считал твоё появление в академии чудачеством бывшего вояки. Сам воспитывал дочь, воспитывал скорее как сына. Я считал, что таким образом Синхелм даёт тебе свободу быть собой. Стать тем, кем ты хочешь. Раскрыть свою силу, принять себя. Можно долго перечислять все эти банальные фразы, но я не стану. А на деле оказалось, что выбора-то и не было, верно?

— Да... — глухо отозвалась Трин.

— Теперь ответь, кому он тебя обещал?

— Я не стану называть имени, — твёрдо проговорила Трин.

— Мне плевать на имена. Кто он по сути? — не отступал Хэйл.

Ветер крепчал, злился за его спиной, выдавая настроение мага. Хриплым тихим рыком вторил ему и Зиль, беспокойной тьмой собираясь за спиной девушки.

— Некромант, — она уже поняла, к чему вёл преподаватель.

— Синхелм обещал тебя сыну Смерти? — уголок губ мага презрительно дёрнулся.

— Я не понимаю многих причин поступков моего отца. Но всё же он мой отец. Тот, кто был любим столько лет. Тот, кто был моей единственной семьёй.

— Именно это и не позволяет тебе смотреть трезво. Это нормально. Это естественно. Ожидаемо, — смягчил тон Хэйл. — И в этом твоя беда. В любви мы бываем слепы. Но как твой преподаватель, как куратор, я хочу, чтоб ты была трезва в своих чувствах. Ты должна видеть ситуацию, как есть. Без прикрас, Синхелм.

— Что вы имеете в виду?

— Отец знал о «призраке» до твоего поступления?

— Нет. Это свойство проявилось только в академии. Я и сама не подозревала о нём.

— Теперь он, несомненно, знает. Как и король. А поскольку меня настоятельно «просили» содействовать твоему отчислению, мы с тобой знаем, что никто не собирался давать тебе возможность закончить академию.

— Но королевским указом мне было разрешено учиться. Отец не пойдёт против этого решения. Да и Фергас сейчас не... способствует моему отчислению. Если я буду усердна, если буду стараться, то смогу достойно продолжить обучение.

— Наш правитель никогда ничего не делает, повинаясь душевному порыву, либо в чужое благо. Ты наивна. И я бы никогда не начал этот разговор, если б не твоя одержимость призрачностью, — Хэйл отпрянул от ограждения и приблизился к Трин, глядя на неё сверху вниз своим ярким взглядом. — Ламон оставил тебя здесь вовсе не благодаря заслугам Синхелма. И не потому, что благоволил ему. И поскольку ты продолжаешь заниматься, я уверен, что до сих пор не получала письма от отца с предостережением. Всё потому, что он подчинился прихоти короля. Это ведь так легко, когда... кровь неродная. Прости за жестокость, но говорю, как есть. Красивых слов подбирать не стану, уж таков я человек.

— Вы хотите сказать, — ровным тоном проговорила Трин, хоть руки и дрожали мелко, немедленно сжатые в кулаки, — что меня оставили здесь только благодаря изъяну в магической ауре? Из-за призрачности? Моему отцу не так важен теперь договорной брак? Важнее внимание короля к этой особенности? Но я — никто! Какую ценность могу представлять? Вы обучаете меня. Кто лучше вас знает, что я собой представляю, как маг.

— Лучшей ты не станешь. Тем более на факультете. Но спокойно войдёшь в пятёрку лучших на курсе к концу обучения, если постарайшься, как следует, — проворчал Хэйл. — Но не это важно сейчас. Важно то, каким ты сама видишь своё будущее. Для чего ты

здесь. Ты говорила, что у тебя есть цель. Возможно ли, что она совпадает с видением твоего будущего нашим королём? Ламон до сих пор считает вопрос с вердианцами не закрытым. Он убеждён, что вторая война вполне возможна. И как следствие, будет рассматриваться каждый сильный маг, находящийся на обучении с Арде. Ты представляешь, какая участь может ждать женщину с подобной способностью на службе короля или во время военных действий? Женщина — призрак, да ещё и стихийник огня, более чем редкость. Ты готова служить королю после обучения? Готова стать его личной тенью? Шпионка для особых заданий. Понимаешь, что это значит, Синхелм?

Хэйл подступил ещё ближе, и рычание Зиль усилилось, предупреждая мага.

— Понимаешь, какие способы добычи нужной информации могут понадобиться? Не думаешь же, что твои способности будут использоваться с честью на поле боя, как у любого другого воина, будь он мужчиной? Это иной бой. И грязи в нём может стать поболее той, что сейчас не обсохла на городских дорогах.

— Замолчите...

— Не стану. Моя работа — вбить в ваши головы то, как сохранить их на плечах, Синхелм, — Брис опасно улыбнулся, привычно ткнув пальцем в её лоб.

— Я никогда не стану шпионкой короля. Я никогда не вяжусь в эти игры. Я лучше умру...

— Это самый лёгкий способ, — разочарованно потянул маг. — И самый скучный.

— Я просто хочу учиться. Хочу контролировать свой дар. Я хочу быть свободной! — горячо отозвалась Трин.

Зиль исполинским зверем скрёб когтями по камням, вторя настроению хозяйки. Алые глаза горели огнём, и мараг напрягся всем телом.

— Тогда подумай хорошенько о своих поздних тренировках. Решишь выбрать этот путь — я обучу тебя всему, что знаю. Решишь быть собой — так же поддержу. Это моё слово. И без призрачности ты будешь достойным и сильным стихийником. Но станешь бесполезной для планов короля. Думай, что действительно важно.

— Я поняла...

Если она продолжит, то возможно обретёт воспоминания, и при этом потеряет себя в настоящем. Бросит — прошлое останется в забвении, но даст ей шанс на будущее...

Чем дольше человек живёт с наведённым мороком, тем сильнее сплетается нить заклинания с самым сознанием. Тем труднее разрушить его. Оттого Кристиан и запретил обращаться к специалистам по подобным заклинаниям. Боялся, что последствия вмешательства могли быть необратимыми. Но «призрак» мог бы по капле просачиваться под этот своеобразный щит памяти, давая ей шанс. Рисковать нельзя. Привлекать ненужное внимание — нельзя... Придётся остановить тренировки и молиться, что той раны на её ауре будет достаточно, чтоб подарить хоть каплю надежды вспомнить. Другого выхода пока не видела.

Глава 12

Стоило приблизиться к двери кабинета, как она услужливо распахнулась перед ним, приглашая входить. Кристиан вздохнул, устало поведя плечами. Ну надо же. Кто-то из студентов всё же поправил свою кривую печать с заклинанием «аруса», прилепленную ранее на его дверь. Позаботился, значит. В последнее время подопечные Арда несколько расхрабрились. Почти перестали шарахаться при его приближении в разные стороны. И пугать новичков нелепыми историями о кроважадном роде Рэйванов. Да и о ректоре, расчленяющем по ночам трупы и пьющим кровь девственниц. Он не сделал ничего особенного. С чего так впечатлилась детвора? Спокойно войти Рэйван не успел — его буквально втолкнули внутрь, окутав ароматом цветочных духов.

— Наконец-то я тебя поймала. Ты вообще у себя в кабинете появляешься?

— Годы идут, но ничего не меняется, верно, Зорик? — Кристиан подошёл к столу, опуская на него стопку бумаг.

— Говоришь как старый дед, — возмутилась инрэйг. — Не так уж много этих лет и прошло. Как вообще мог такое сказать практически юной каэли?

— Практически? — скептически осведомился Рэйван. — Юной?

— Ты ведь не станешь с этим спорить, верно, Крис? — предупреждающе сощурилась Маркар.

Яркая, бодрая, она прошла по кабинету, и ветер с открытого окна подхватил медные волосы. Аромат цветов вновь достиг обоняния Кристиана. Сколько помнил, Зорик пользовалась исключительно ими, самой же и приготовленными. Это был её запах. Тот, который помогал узнать о присутствии, даже не видя. Достаточно лишь вдохнуть.

Зорик была старше на пару лет. Сирота, как и он. Война никого не щадила... Забрала и родителей, и двух старших братьев. А после смерти опекуна Зорик, которого Деверукс считал единственным близким другом — стала воспитанницей деда. Сколько ей тогда было? Лет шестнадцать. Прошло около года, как Кристиан потерял отца и мать. В ту пору он не говорил. Практически не спал, мучаясь еженочными кошмарами. Отказывался от еды. Сбежал из замка, теряясь на несколько дней, пока его не находили, вынуждая вернуться обратно.

Но в тот день его нашли не люди Деверукса. За ним явилась Зорик. Нашла сама... Он лежал над обрывом, на одном из огромных валунов, глядя на серое небо в рваных облаках. Зорик забралась к нему, устроилась рядом, и так же принялась смотреть вверх, не говоря ни слова. Прогнать не было сил. Просто не было сил.

А рыжеволосая инрэйг казалась переполненной ею, плескавшейся через край, и делилась, не боясь касаться тьмы. Тьма сжималась жгучим комком нервов, сопротивлялась, кровоточила. Он и сам мечтал в ту пору уйти следом за родителями. Тоска становилась невыносимой. Но каждый раз, подходя к краю обрыва, что-то останавливало, не давало сделать последний шаг. Зорик лечила без спроса, жестоко до слёз, и он плакал. Плакал при ней. Она была единственной, кто видел эти слёзы.

Деверукс велел называть её сестрой. Он ни разу не подчинился этому приказу. Хотя никому бы не признался, сколько раз произносил это слово мысленно. Даже самой Зорик. Но порой неимоверно раздражало ощущение того, что она прекрасно об этом знала...

— Зачем ты меня искала?

Кристиан отогнал непрошенные воспоминания. Он опустил в кресло, жестом предлагая Зорик присоединиться и сесть в свободное, напротив него. Она вручила Кристиану несколько свитков, и приняла его предложение, устраиваясь в кресле.

— Ты в курсе, что в последнее время с твоим проректором невозможно говорить? — пожаловалась Зорик, расправляя складки лёгкого зелёного платья. — Я намеревалась обсудить с нею несколько изменений в графиках занятий. И меня уже в третий раз просто выставили из кабинета, ссылаясь на занятость. Но это чистейшая ложь. Что не так с Вильят, Крис?

Рэйван шумно вздохнул, и потёр переносицу. На днях у них снова вышел конфликт. Селма явилась к нему, вновь требуя изменить решение по поводу увольнения старика Тэусса. Сначала принялась убеждать в том, как ухудшилось здоровье бедолаги после печальных известий. Затем в ход пошли намёки на то, что всё происходящее может «плохо» сказаться на семействе Гарса. Здесь Вильят допустила роковую ошибку. Поняла это быстро, поскольку негодующая тьма едва не поглотила и кабинет, и её. Тэусс опустил до того, чтоб угрожать родственникам Гарса? Хотел убедить в том, что силёнок хватит?

Зорик приподняла медную бровь, наблюдая за тем, как вокруг задумавшегося ректора клубилась чёрная дымка, принимая всё более устрашающие очертания. Очарование какое... Снова захотелось взъерошить братцу волосы, или... Видя, как опасно сощурился

Кристиан, она поняла, что её мысли были разгаданы. Зорик улыбнулась, хлопнула ладонями по подлокотникам кресла и поднялась. Сидеть терпения не хватало. Она прошла к окну, наслаждаясь свежестью ветра.

— Так ты поделишься?

— Признайся наконец, Зорик, — Кристиан откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову и закрывая глаза.

— В чём же? — она присела на подоконник, разглядывая Небесный двор и Круглую башню, вокруг которой носилась стая белых острокрылых нейтин.

Из-за яркого солнца казалось, что перья птиц светились. Звонкий щебет усилился, стоило одной из нейтин отыскать в траве некоего жука, и броситься к нему стрелой.

— Где он сейчас? — тихо спросил Рэйван.

— Всё ещё думаешь, что я шпиону для Деверукса и докладываю ему о всём? Ты ведь следил за мной, Крис, — в её голосе ему снова слышалась улыбка. — Я помню того симпатичного воина. Вир, кажется? Точно. Вир. Не сомневаюсь, что он доложил о том, что я совершенно невинна.

— Ты его любимица. Гордость. Радость. Надежда. И я искренне рад этому факту. Хоть кто-то из нас не разочаровал старика. Но именно это и даёт повод сомневаться.

— Это ведь ревность, надеюсь? — Зорик перекинула волосы на одно плечо, чтобы лучше видеть своего собеседника.

Но Кристиан сидел к ней спиной, конечно же не желая, чтоб она могла прочесть все эмоции по его лицу. Не в первый раз...

— Я не ревную тебя, проклятье! — возмутился Рэйван.

— Я говорю о твоём деде, Крис. И ты это прекрасно понял. Сколько ещё лет вы оба собираетесь упрямиться? Деверукс не вечен.

— Сомневаюсь... — голос Кристиана дрогнул.

— Прости его, Крис. Дай надежду. Он не успел в тот далёкий год. В тот день, — осторожно рискнула заговорить Зорик, немедленно наблюдая тревожные всполохи тьмы вокруг кресла.

В кабинете заметно похолодало, и порыв ветра из окна казался жарким.

— Деверукс не успел возвратиться вовремя. И не может простить себе этого и по сей день.

— Прекрати, Зорик, — глухо потребовал Рэйван.

Но никогда не слушала его. Как и в этот раз. Её сила вновь без спроса обжигала, и через кресло касаясь спины, опускаясь на плечи горячими ладонями, смешиваясь с тревожно клубившейся тьмой. И тьма позволяла, к его ярости, опадая обессиленным зверем к ногам. Как и много лет назад.

— Решила лишиться себя сил? Не трать попусту. Забыла, чем кончилось в прошлый раз?

— Прекрасно помню. Тебе пришлось тянуть меня на спине до самого замка Харланда.

— Из-за тебя я повредил спину. Ты тяжела, как камень.

— И был очень зол.

— Верно. Как и сейчас.

— Я была рада найти тебя тогда.

— И я... Как и сейчас, — повторился Кристиан.

— Это стало возможно благодаря Деверуксу, — она ощутила усталость, вынужденная усмирить свою тающую силу.

— Тебя использовали. Ты не зла? Хотя, разве ты способна злиться?

— Он не использовал меня, Крис. Он попросил о помощи.

— Деверукс умеет просить? — Рэйван нервно усмехнулся, поднимаясь с кресла и поворачиваясь к Зорик. — Должно быть поистине невиданное зрелище.

— Однажды вам придётся поговорить откровенно, Крис. Хотя бы раз. Возможно, для этого придётся связать обоих, а лучше — затащить на священную землю, где оба будете бессильны. Будете просто дедом и внуком.

— У него была возможность быть просто дедом. Но он предпочёл иную роль. И она ему удалась, Зорик. Довольно с меня этого разговора.

— Вовсе не я его любимица, — упрямо продолжила Зорик, игнорируя настроение некроманта. Не станет же и в самом деле крушить Ард? Или станет?.. — Ты всегда был его гордостью. Надеждой. И вечным напоминанием того, что он не смог защитить единственное, что дорого. Да, у твоего деда очень сложный характер и с годами он превратился в холодного демона. Так говорят о нём. Но все эти годы Деверукс также как и ты страдал в одиночестве. Всё из-за чувства вины, что не умер в тот день вместо сына. Что не встал перед внуком, заслонив собой, и позволил беде случиться. Он проклинал себя все эти годы...

— Хватит говорить за него, Зорик! — вспыхнул Кристиан. — Хотя раз в жизни, но он должен сам сказать это. Хотя раз. Да. Деверукс винит себя. Да. Его сын погиб. Логично страдать от этой потери. Она безмерна. И из всего рода остался лишь я — вечное разочарование. Тот, кто зачем-то выжил. Его сын — тот единственный, кого Деверукс был способен любить, пожертвовал собой ради никчёмного мальчишки. И все последние годы я чувствовал лишь то, что эта жертва была напрасной!

— Кристиан, — Зорик шагнула к нему. — Деверукс чувствует то же самое. Чувствует себя никчёмным отцом, который зачем-то выжил, но не спас единственного сына. Чувствует себя никчёмным дедом, поскольку не смог ни открыть свою душу, ни исцелить твою. Он сам своё единственное ненавистное разочарование. Деверукс не мог заставить тебя вдохнуть глубже, заставить заговорить. Но мог заставить кричать, когда спорил с ним. Он провоцировал тебя, надеясь, что хоть так ты сможешь очнуться, сопротивляться, сражаться, пусть и с ним. Я знаю это. Поскольку наблюдаю за вами двумя уже столько лет. Вы похожи. Вам обоим больно.

— Я просто устал... — тихо на выдохе проговорил Кристиан.

— Я знаю. Как и он.

— Где сейчас Деверукс?

— Я виделась с ним в столице перед тем, как возвратилась в Ард, — призналась Зорик. — Тогда мы говорили в последний раз.

— И как же здоровье дорогого деда? — сухо поинтересовался Кристиан.

— Крис, твоя «ссылка» в Ард была вовсе не блажью Деверукса. Он сделал это вовсе не потому, что хотел подчинить тебя или...

— А что это, по-твоему? — развёл руками Рэйван. — Он действительно верит, что я душевно исцелюсь в этой преисподней? Проникнусь любовью ко всем этим сводящим с ума юнцам, и позволю похоронить себя под ворохом расписаний занятий?

— Но согласишься, отлично же отвлекает от ненужных мыслей, когда на них и минуты не остаётся? — Зорик поспешила улыбнуться, сдерживая его гнев. — Ты отлично справляешься.

— Да ну? — с сомнением поморщился Рэйван. — Я совершенно не подхожу для этой работы.

— А кто подходит? Те, кто опустили моральное состояние академии на сегодняшний уровень? Всеми твоими предшественниками руководила только корысть и желание через воспитанников Арда занять выгодные связи. Исключением был твой дед. Деверукс ненавидел Ард не меньше твоего. Но королю, помнится, пришла в голову «великолепная» идея назначить его ректором своей академии. Лишь потому, что в тот день на Деверуксе была фиолетовая накидка. Ты ведь знаешь нашего короля. Отказаться невозможно. Вот и пришлось подчиниться. А ты не преследуешь свои интересы. Ты не ищешь выгоду. Всё что нужно — просто оставаться самим собой. Ты помог этим детям. Ты вступился...

— Зорик. — Рэйван устало вздохнул. — Ты не настолько хорошо знаешь меня. Я был далеко не бескорыстен в своих поступках. Половина из них сделана из-за того, что меня вывела из себя Вильят. Вторая... Тут личная выгода. Она и держит меня в Арде на сегодняшний день.

— Эта «личная выгода» будет держать тебя в Арде ещё пять лет, как минимум, — покружилась вокруг него Зорик, вынуждая поворачиваться вслед за нею. — Так что времени предостаточно.

— Боги... — Кристиан снова зажмурился и потёр переносицу. — Остановись, голова кругом.

— Я приготовлю для тебя отвар из своих трав, — перестала кружить Зорик. — И я прекрасно всё вижу. Не думал же, что утаишь от своей обожаемой сестры то, что влюблён?

— О чём ты говоришь? — от неожиданности замер Рэйван.

— О странной девочке, которая говорит сама с собой на южной лестнице и по ночам танцует с мертвецами, — Зорик заботливо поправила воротник Кристиана.

— Ты...

— Счастлива за тебя.

— Ты...

— Не собираюсь кому-либо рассказывать об этом

— Ты...

— Пожалуйста, Крис. Подумай хорошенько. Ты собираешься продолжить поиски? Хочешь добиться возвращения Деверукса в Ард?

Кристиан задумчиво молчал, опершись рукой на высокую спинку кресла. Он был бледен, и почти белые волосы только усиливали это ощущение. Зорик уже в который раз пожалела, что завела потревоживший разговор. Но сейчас беспокоило нечто иное. Или — нет. Скорее радовало. Брат, а именно им считала стоящего перед нею некроманта, до сих пор не возразил. Не бросил нечто колкое в ответ, и не проклял Ард, желая избавиться от него. Сомневался? Неужели Кристиан сомневался? Неужели у них с Деверуксом появилась надежда?

Глава 13

Её гордость была более чем задета. Но следовало явиться в кабинет Вильят, чтобы поблагодарить за предоставленную возможность. Она смогла покинуть Ард во время занятий только с разрешения проректора. Дель торопливо прошла по широкому коридору. Солнечный свет, лившийся из окон, рисовал яркими пятнами по полу, и сегодня невероятно раздражал. Сдерживаемая тьма лёгкой вуалью окутывала силуэт Дель, затем опадая, и стелясь невесомым шлейфом. Отвратительное настроение!

Увиденное и подслушанное в доме портного лишь добавило негодования. Не радовали больше ни предстоящий день рождения младшей любимой сестры, ни ардовский первый бал. И куда подевалась её «королевская» выдержка и самообладание? Она превращалась

в жалкую истеричку, поддаваясь эмоциям. Это никуда не годилось!

Во всех бедах хотелось винить выскочку Синхелм, а теперь и Кристиан туда же... Ещё и старшая сестра подливала масла в огонь, высмеивая её перед остальными сёстрами. Ну а как же! Сколько Дель себя помнила, так и было.

Отец зол как демон. А матушка несколько раз лишалась чувств, когда они получили письмо из Арда с уведомлением о вынесенном дочери позорном наказании. Избежать родительского гнева помогло только то, что удалось свалить вину на Амиаса, и лить слёзы в два ручья, убеждая, как невинна и несчастна. Но с Кристианом всё обстояло иначе.

После разговора с Деверуксом о возможной помолвке, отец был положительно настроен на этот союз. Не то чтобы она мечтала выйти замуж, едва окончив академию. Таис — старшей сестре, первой полагалось обменяться клятвами в храме. Тайно Дель надеялась, что испытает хоть малую влюблённость перед тем, как назовёт избранника своим мужем. И уж точно Кристиан Рэйван не был самым завидным женихом в Камеладере. Но так по-детски хотелось отомстить. Сделать больно!

Унижение — вот что должен испытать Рэйван после того, как и она была публично унижена. Кто посмеет смотреть на неё косо, когда ректору придётся объявить об их помолвке? Таис умолкнет наконец и перестанет потешаться над её неудачами. А отец усмирит свой гнев. Да и сама. Она сама получит удовлетворение, когда увидит, что Кристиан сдался воле старших их семей. Так и будет. Иначе... Иначе последний год обучения превратится в пытку. Как и визиты домой на каникулах.

Дель нервно одёрнула камзол и расправила складки бордового форменного платья. Она уже собралась постучать в дверь кабинета Вильят, когда на противоположном конце широкого коридора открылась другая дверь — ректорская. Дель немедленно пригладила волосы и замерла, надеясь через мгновение увидеть Рэйвана. Но происходило нечто, по её мнению, откровенно возмутительное.

Мелькнул зелёный подол платья, и в коридор вышла инрэйг Маркар, сейчас замещающая декана факультета целительства. И ладно бы просто вышла, так нет — вздумала весело рассмеяться, отшучиваясь с Кристианом. Он и сам приблизился к открытой двери, провожая Маркар, и проклятье — улыбался в ответ.

— Обязательно прими тот отвар, что я рекомендовала, Крис, — опекающим тоном продолжила говорить Маркар. — Его принесут тебе позже. Ты обещал мне.

— И подчинюсь, — сдался Рэйван.

Уже уходя, инрэйг собственнически потянула ректора за воротник рубашки и запечатлела поцелуй на его щеке. Дель задохнулась от этих действий, забывая то, что лучше всего исчезнуть из коридора, пока не заметили. Что эти двое делали? Эта женщина... Порыв ветра из открытого кабинета так эффектно подхватил пряди волос Маркар. Они сверкали ярким золотом на солнце, лившемся из высоких окон. И невольно припомнились недавние слова Кристиана в доме портного Юлмиза.

Что он тогда сказал? Чёрное и серое платье никогда не подойдёт той, что сама как солнце? Зорик Маркар действительно сейчас походила на солнце. Так о ней говорил Кристиан? Для неё покупал платье? Решил нарушить традицию и пригласить на первый танец не студентку, а преподавателя?

Кристиан смотрел на Маркар с таким теплом. С таким теплом, проклятье... Отчего-то захотелось плакать, и комом сдавило горло. Жгла обида, к ней беспощадно присоединилась злость, причём злость на саму себя. Так неожиданно, словно кто ударил по лицу. Хотелось оплести весь Ард паутиной проклятий. Стереть с него все краски, и стереть улыбки с лиц стоящих неподалёку людей. Как смели быть счастливы, когда она так несчастна? Вкус у Рэйвана оказался отвратителен... Как Кристиан мог увлечься этой женщиной?

И как теперь поступить ей? Маркар не была студенткой-первокурсницей, как Синхелм. С нею невозможно спорить во дворе замка, или угрозами заставить отступить. Не нашлёшь проклятье и не опоишь отворотным зельем. Инрэйг была хитра... Так о ней

высказывались другие студентки. Эта почует опасность. И тогда всё закончится тем, что с позором придётся вылететь с последнего курса академии, подобно Амиасу. Нет... Так рисковать Дель не могла. Как прикажете вернуться в родовой замок с таким клеймом?..

Она должна придумать, как сохранить лицо в подобной ситуации и решить всё до того, как каждый в Арде узнает о связи ректора с преподавательницей. Похоже, лучшее, что она могла сделать — это первой отвергнуть Рэйвана. Публично. Да. Она должна заявить об этом при свидетелях. Отлично подойдёт один из коридоров академии, где обычно толкается толпа студентов. Остальное за неё сделают сплетники. Дель высказалась бы прямо сейчас. Но осталась одна в коридоре, поскольку Маркар покинула его, а Рэйван собрался закрыть дверь, возвращаясь к себе.

Или всё же удача на её стороне? Несколько студенток, едва удерживая огромное количество свитков, показались со стороны лестницы. Только бы свернули сюда... Так и есть. Наверняка несут все эти пыльные бумажки Вильят.

— Что вы здесь делаете? — нахмурясь спросил Кристиан, наконец замечая студентку, притихшую у кабинета проректора.

Он придержал дверь, ожидая ответ.

— Я всего лишь должна была поблагодарить каэли Вильят за оказанную поддержку, — неспешно развернулась к нему Шаелин. Болтавшие без умолку студентки приближались, даря ей неплохую возможность отыгаться. — Но раз уж встретились сейчас, то хочу прояснить ситуацию, сложившуюся между нами.

— А между нами существует некая ситуация? — Кристиан уже пожалел, что заговорил с нею, но уж слишком подозрительно выглядела, стоя здесь, как привидение.

Он отступил немного, позволяя беспрепятственно пройти нескольким девчушкам. При виде его, студентки по привычке пришли в волнение, и половина свитков с шелестом посыпалась на пол.

— Прошу прощения! — встрепелась та, что стояла ближе к ректору, и кинулась подбирать упавшие вещи.

Присоединились к ней и остальные.

— Несмотря на договор между нашими семьями, — торопливо начала говорить Дель, — я вынуждена отказать вам, каэль Рэйван!

Брови Кристиана приподнялись от удивления. Замерли и шуршащие свитками студентки, словно цыплята, устроившиеся вокруг ног некроманта. Задрали головы, и поочерёдно переводили взгляд с Дель на него, и обратно.

— Да ну? — понимая её наивную игру, Кристиан сложил руки на груди, ожидая продолжения. — Значит, отказываете мне?

— Да! — гордо приподняла подбородок Дель.

— Отвергаете мою руку и сердце?

— Да!

— Как жестоко.

— Вы должны смириться.

— Хватит ли сил? — уголок губ Рэйвана дрогнул.

— Иного выбора вам не остаётся, — «жестоко» продолжила Дель.

— Сообщаете об этом так холодно, бросая в лицо посреди коридора?

— Да... — почувствовав едва приметную дрожь в полу, а также характерную вибрацию воздуха, Дель нервно опустила взгляд к ногам ректора.

Проклятье... Разве эти дурочки не должны радоваться новым сплетням? Не должны быть удивлены или испуганы? Все были с первого курса, потому и заставил кто-то из старших переносить хлам из библиотеки. Но несколько пар горящих глаз смотрели на Дель с неприкрытой неприязнью. Что происходило?

— Что ж, — вздохнул Кристиан, — я принимаю ваш отказ.

Не собираясь больше тратить время на нелепый разговор, он развернулся, вновь собираясь взяться за ручку двери. Та услужливо распахнулась сама, ускользнув от его руки.

— Куда вы? — возмутилась Дель.

— Рыдать. И пить в одиночестве, — кинул он, возвращаясь в кабинет.

— Что?.. — пробормотала Дель, от возмущения едва усмирив силу.

Глаза её потемнели, а чёрная дымка опутала ладони, проявляя рунные знаки.

— Высокомерная дрянь... — зашелестел шёпот, и Дель едва не сбило с ног магическим порывом ветра.

Измятые свитки вновь посыпались на пол, а возмущённые защитницы ректора поднялись в полный рост, расправляя платья.

— Да как смеете? — начала было защищаться Шаелин, но резкий голос за спиной заставил умолкнуть всех студентов.

— Что здесь происходит? — Селма обвела их гневным взглядом, выходя в коридор. — Как смеете шуметь здесь?

Прося прощения, первокурсницы наспех собрали оброненные свитки, и поспешили к проректору.

— Велено было отнести к вам.

— Здесь все списки, что вам необходимы.

— А вы, Шаелин? — сердито глянула на неё Вильят. — Какой пример подаёте первому курсу? Раз уж вызвались помочь, то делайте всё, как следует.

Проектор нервным жестом указала на несколько валявшихся свитков.

— Я вовсе не...

— Спорите под дверьми! Позволяете подобное неуважение к важнейшим записям Арда! Вы знаете, сколько лет этим свиткам? Ваши руки пусты. Собирайте оставшиеся, и следуйте в кабинет!

— Вы не правы, — попыталась оправдаться Дель.

— Вы спорите со мной? — воздух заискрился вокруг Вильят.

Слушая возмущённые голоса, раздававшиеся за дверью, Кристиан со стоном опустился в кресло.

— Моя голова...

И где спасительный отвар, обещанный Зорик? Кристиан прижал пальцы к виску, зажмуриваясь. Боль пульсирующими волнами накатывала, вынуждая стискивать зубы. Происходило нечто странное, и шумные девицы в коридоре были ни при чём. Чёрный рисунок принялся проступать на коже, оплетая предплечья, поднимаясь по груди к шее. Тьма встревоженным зверем отозвалась в груди. В следующий момент, оглушительный грохот и звон бьющегося стекла наполнили замок.

Глава 14

Высвобожденное проклятье липкой дрожащей паутиной расплзлось по стенам столовой. Стремительно, словно пытаясь проглотить каждый кусок камня, замирая на мгновение лишь там, где касалось солнечных пятен на стенах. Призванный харлах был довольно сильным. Отвратительным куском несформировавшейся плоти виднелся в самом тёмном углу, у потолка. Передние из шести тонких костлявых ног изогнулись, ударяя по стене. На ней появились опасные трещины. Звон стекла вновь оглушил, когда кто-то из преподавателей заставил вылететь оставшиеся окна. Всё верно. Нужен свет. И больше свежего воздуха. Тварь этого не любит и немного ослабитя.

Кристиан перенёсся с помощью медальона, немедленно оглушённый испуганными криками студенток, пытавшихся сбежать из столовой. Кто-то со старших курсов неловко пробовал остановить тварь, что было похвально. В большей степени от того, что «виновник» случившегося до сих пор был жив. Это обнадеживало. И сегодня в Арде смертей не будет...

Харлах — мерзкий демон. И уж больно вкусна ему тьма, сокрытая в некромантской сути. От того и подпитывается ею. От того и ощущается его присутствие во всём теле. Тварь растёт, формируется... Ищет всеми своими горящими глазами того, на кого была наслана. А едва убьёт — растает, обращая лужей смрадной жижи. Отличный убийца. Идеально подходит, когда не хочется нанимать того, кому придётся платить, или оставлять в свидетелях. Вот только на кого заказ? Кто-то из студентов? Кто протащил в замок артефакт с проклятьем?

— Всем лечь на пол и не двигаться! — хрипло выкрикнул Рэйван, чувствуя, как тупой болью отозвалась голова.

Дар Колум — один из преподавателей стихийников, повторил приказ, веля замереть студентам, находившимся рядом с ним у перевёрнутых столов.

Кто-то послушался, а кто-то, к негодованию старших магов, продолжил попытки сбежать, дразня харлаха. Тварь дёрнулась, стоило одному из студентов броситься к выбитому окну.

— Проклятье... — тьма скользнула по руке, привычно формируя кнут, и Рэйван сделал выпад, ударяя существо по ногам, не давая коснуться мальчишки.

— Прочь!.. — срывающимся голосом прокричал студент, укрывая голову от атаковавшего чудовища и приседая у подоконника.

Он вжался спиной в стену, продолжая испуганно вскрикивать.

— Не двигайся! — зло велел Рэйван.

Так вот кто цель... Чей он сын? Кристиан не мог припомнить имя мальчишки. Да и не так важно оно в этот момент. В другом случае лучшим вариантом было переместить цель в другую часть Арда, подальше отсюда. Но только ухудшит ситуацию, когда имелось дело с подобной тварью. Здесь работает привязка к объекту. Сильнейшая привязка. Переместится мальчишка — переместится и харлах.

Кристиан повторил захват, и существо противно заскреблось чудовищными когтями по стене, пытаясь сорвать удерживающую петлю. Глаза горели углями, а из пасти вырвался противный писк, немедленно вызвавший желание заткнуть уши.

— Нет... нет-нет... — став бледным, как сама стена за его спиной, студент попытался сотворить щит.

— Я же сказал — не двигаться!! — тварь рванулась резче, питая силы гневом некроманта и пытаясь ударить передними лапами свою испуганную жертву.

Чёрный рисунок полностью покрыл тело Рэйвана. Тьма клубилась вокруг его ног, стелясь по полу, усыпанному опасными осколками стекла. Вплеталась в нити проклятья, добавляя свой узор и прочно удерживая паутину.

Предугадывая дальнейшие действия ректора, Колум, маг воздуха, проговорил

заклинание. Медленно, сверкая, острые осколки поднимались в воздух, собираясь кольцом под потолком. Кружась в вышине, зачарованное стекло ожидало своего часа, готовое обрушиться на тварь.

Стремительно следуя по паутине, чёрные нити заклинания, сплетаемые некромантом, подбирались к харлаху. Едва сдерживая тварь, он дождался того момента, когда нити достигли цели. Оглушающий визг усилился, существо забилося, пытаясь высвободиться из парализующего кокона, не дававшего подобраться к жертве. Харлах всё ещё не оставил попытку иссушить силу Рэйвана, упуская тот факт, что попался в сети такого же «монстра», способного впитать его энергию. Верно. Он — монстр... Тут уж кто кого. Кристиан стиснул зубы, справляясь с болью во всём теле и продолжая творить свою магию.

Тварь металась, всё больше опутываясь обжигающей сетью, и издавала пронзительный клич. Она нависала над студентом, находившемся в полубморочном состоянии. Разинув пасть, пыталась дотянуться до его лица. Мальчишка вжался в стену, заливаясь горячими слезами и беззвучно шепча ни то заклинание, ни то молитву.

Зашептал и Кристиан. Его голос шелестел, повторяя древние слова. Тварь слабела, отдавая свою силу зачарованным нитям, перетекавшую затем к ладоням некроманта. Глаза Кристиана вспыхивали, словно у ослабевавшего харлаха, а лицо и шея бледнели, укрываясь тончайшей сеткой паутины проклятия. Он поставил ноги шире, стараясь устоять, и не дать твари вырваться. Кристиан чувствовал её страх, так, словно он принадлежал ему. Обречённость. Ледяной ужас и ненависть.

Чувства вспыхивали в сознании ярко, жарко, отражаясь в глазах диким отравленным пламенем. Он горел. Всем своим существом, до кончиков пальцев, до края сознания, боясь потерять себя в диком огне. Проклятье было сильным, и ненависть наложившего его была сильна, кем бы он ни был. Ещё немного. Он выдержит. Выстоит. Тьма поглотит тьму. Смешается. Станет ровной гладью. Безмятежной. Оглушающе тихой... Только нужно выстоять. Сегодня никто не умрёт. Сегодня он справится. Сможет. Он уже не тот мальчишка, стоящий один посреди поля боя. Сегодня всё иначе...

— Действуй! — Рэйван сам не узнал свой голос.

Не видел сейчас ничего, кроме красной пелены перед глазами.

— Щит! — разобрал он команду, отданную Колумом.

Наверняка приказывал той группе студентов с боевого факультета, которых успел заметить, когда переместился в столовую. Была ли среди них Спичка? Кристиан мечтал о том, чтоб её здесь не оказалось. Чтоб была в безопасности. Чтоб не видела его... таким...

Ощутил вибрацию щита. Она окружала. Выходит, детишки решили укрыть его, а не себя... Боялись, что его изрежет стеклом, с противным звоном обрушившимся откуда-то сверху? Так и есть. Вибрация усилилась, подтверждая сопротивление щита. Поражённая тварь истошно завизжала, буквально пригвождённая к полу осколками. Не теряя драгоценного времени, Колум отдал следующую команду.

— Катхам!

Печать огнетворца? Отлично. То, что нужно. В следующий момент воздух вокруг раскалился, обжигая дыхание, обжигая руки, в которых по-прежнему держал зачарованные нити, опутывавшие тварь. Затем неожиданный удар по ладоням. И жар отпустил их, отпустил теперь ненужную паутину. Оборванная, она вспыхивала, искрясь и тая пеплом в голодном пламени, поглощавшем бесформенное тело харлаха.

Сил стоять больше не было. Он опустился на колени, тяжело упираясь кулаками в горячий каменный пол, и пытаясь справиться с головокружением. Зрение возвращалось. Удалось сконцентрироваться на покрытой пеплом цветной плитке, которой был выложен пол. Вся потрескалась... Вильят с ума сойдёт... Все дети целы?.. Окна же без стёкол, так почему нечем дышать?.. И отчего так тихо?..

Алая капля упала на плитку, впитываясь жадным пеплом. Затем ещё одна, и ещё.

Кристиан обтёр рукавом лицо, перепачкивая манжету рубашки собственной кровью, которая пошла носом от слабости.

— Вы... в порядке?..

Этот голос он узнал бы из тысячи других. Как и силуэт, который смог разглядеть перед собой. И горевшие рунные знаки на руках. И испуганные, широко распахнутые глаза, сверкавшие золотом. Трин... Так вот кто снова применил боевую печать, не умея толком ею пользоваться? Надо бы наказать... Или обнять... Или выпить... Воды. Много воды. Ледяной. Чистой. Как же хотелось пить...

Битое стекло захрустело под подошвами ботинок, когда Трин подбежала к нему, протягивая руку и помогая опереться на неё. Кристиан принял поддержку, скользнув рассеянным взглядом по её лицу. Сам был бел, как снег, а глаза едва стали возвращать себе серый оттенок, растворяя отвратительную черноту. Стиралась она и с кожи Рэйвана, где ранее проступала неким подобием паутины. Как мог так рисковать собой? Решил, что бессмертен? Неистово захотелось обнять, и чтоб все исчезли, оставляя их. Но это было невозможно. И сейчас Рэйван нуждался в ардовском целителе куда сильнее, чем в её объятиях.

— Все прочь из столовой. Здесь не прикасаться ни к чему, и не смей убираться или впускать кого без моего приказа! — глухо пробормотал Кристиан, нехотя отпуская руку Трин, и обводя плавающим взглядом разгромленное помещение. — Кто ранен — к целителю. А ты...

Рэйван поискал взглядом «виновника» погрома. Мальчишка нашёлся на том же месте. Ноги не слушались бедолагу, потому и остался сидеть, вжимаясь в стену.

— А ты — явишься ко мне в кабинет. Я жду объяснений... — он сухо прокашлялся в кулак.

— Вам нужно к целителю, — запротестовала Трин, крепче сжимая его руку.

— Поверьте, каэли, сейчас мне нужно совсем иное... — Кристиан осторожно высвободил руку, и неловко прикоснулся к груди, активируя медальон.

Сжимая кулаки, Трин глядела, как растаял его силуэт. Почему не послушался? Её возмущению не было предела. Ему нужна помощь. Нужна поддержка. Нужно...

— Не расстраивайтесь, Синхелм, — тяжёлая ладонь Колума опустилась на её плечо. — Ваше участие несомненно оценено. Но в случае подобного поглощения тёмной силы, целитель не поможет. Здесь требуется особое «противоядие», и для этого используется собственная сила некроманта. Сегодня вы отлично постарались. Ваш преподаватель будет рад узнать об этом.

Трин представила себе реакцию Хэйла и нервно одёрнула перепачканную куртку. Вот уж — да... Рад будет безгранично...

— А каэлю Рэйвану нужно некоторое время для нейтрализации яда харлаха, — тем временем договорил стихийник, сопровождая и её, и группу оставшихся студентов к выходу из столовой. — Вам не стоит волноваться. Он не смертелен для мага такого уровня. Хоть и пресквернейшее ощущение.

Не волноваться? Колум просил о невозможном. Она должна лично убедиться в том, что с Кристианом всё в порядке и уже обдумывала варианты.

Глава 15

Откусить голову? Или лучше... Кристиан шумно вдохнул, поскольку тошнота накатилась новой волной, а затем задержал дыхание. Мальчишка, бледный и взъерошенный, стоял перед его столом, в край которого некромант вцепился обеими руками. Тьма в нём смешивалась, поглощала ту, что была враждебной, ту, что до сих пор вызывала желание прикончить хлипкого человечка, шмыгавшего носом.

— Говорите, Найрок... — требовательно пробормотал Кристиан, но и сам едва разобрал произнесённые слова.

Студент встрепнулся, благоразумно отступил на шаг от ректора, и принялся нервно ерошить светлые волосы.

— Да говорите же, проклятье! — в этот раз буквально зарычал Рэйван.

— Да... да... — отозвался мальчишка. — Завтра должен был... Только завтра...

Голос сорвался, превратился в нервный всхлип.

— Рэм, — нарочно обратился к нему по имени Кристиан. — Здесь вы в безопасности.

Наглая ложь... И не понятно кого сейчас больше убеждал в этом, но проговорил некромант. В другой ситуации он бы просто ушёл прочь из Арда на несколько дней. Но сейчас нужно выяснить подробности. И оставить всё на Вильят просто не мог.

— Оно сидит... В вас сидит?.. — прошептал Рэм, и глаза его испуганно расширились.

— Никто во мне не сидит, — возмутился Рэйван, и тут же прижал пальцы к вискам. — Эту тварь сожгли перед вашими глазами. Сами же должны были видеть. Это просто... яд. Последствия работы с подобными существами.

— И вы...

— Не собираюсь умирать, проклятье. Не отвлекайтесь. Так что же вы должны были сделать завтра? О чём говорили?

— Завтра день моего рождения... Я должен был открыть их завтра... — упираясь взглядом в пол, и не смея смотреть на ректора, сейчас напоминавшего демона, принялся пояснять Рэм.

— Так, — поощряя собранность студента, кивнул Кристиан. — Прошу объяснить подробнее.

— Завтра в академии выходной. Так удобно... Совпал с моим днём рождения... — всё ещё непослушным от волнения голосом заговорил Найрок. — Я и четверо моих друзей собрались отпраздновать завтра в городе. Ничего, что бы могло нарушить устав Арда...

Студент замотал головой, рискуя поглядеть на ректора.

— Дальше.

— Подарки передавали мне в последние несколько дней. Я терпел... Не открывал их, хотел дождаться нужного момента...

— Но отчего же не дождались, Найрок? — мрачно осведомился Кристиан. — Неужели ничего не заподозрили? Вы хоть потрудились узнать, от кого были переданы все эти «дары»?

— Говорю же вам, что их было слишком много. У нас столько родственников... Я всех и не упомяну. Приходили и от друзей, и от их семей... От знакомых отца и матери... Я привык, что подарков всегда целая гора и признаться, практически никогда не читаю записок к ним. Только от близких...

— Всегда целая гора, значит? — Кристиан задумчиво потёр перепачканный пеплом подбородок.

Рэм собрался было сказать об этом ректору, но не решился, вновь поникнув.

— Что вынудило вас открыть этот подарок именно сегодня?

— Я не выдержал... — пробормотал Рэм. — Хотел показать его одноклассникам. Парес хвастался подарком старшего брата. Это был нож великолепной работы тамирского мастера. Такие очень ценны. Я мечтал о таком. Давно просил у отца. Но он сказал, что подарит, если только первый курс закончу на отлично...

— И?

— Я старался, — с жаром поднял взгляд Рэм. — Мои отметки лучшие в группе. Я писал об этом отцу. И когда увидел среди подарков ту коробку... У меня даже сомнений не было по поводу отправителя.

— Коробку? Её не нашли в столовой. Возможно сгорела, когда была активирована печать Катхам.

— Я бросил её на столе, — принялся вспоминать Рэм. — А нож выронил, когда... когда всё началось... Он жёг руку...

— Конечно, — медленно кивнул Рэйван, глядя на студента взглядом голодной тьмы.

Проклятье вздумало оживиться, рискуя вплестись в его родную силу, но было безжалостно заблокировано. Правда голова вновь пошла кругом, а глаза едва не почернели. Рисунок на коже проступил, поднимаясь над воротником мятой рубашки, и медленно принялся таять, послушный некроманту.

— Я нашёл нож, — Кристиан тяжело прислонился к спинке кресла.

— Вам плохо? — с участием спросил Найрок.

— Лучше, чем той твари, — глухо отозвался некромант. — Найденный нож не был творением рук тамирца Воргеса, о котором вы мечтали, верно?

— Да. Я выглядел настоящим глупцом, решив похвастаться им перед товарищами. Если бы проверил раньше... — Рэм запнулся, понимая, что случилось бы, сделай он это в комнате общежития. — Нож — подделка. Такой можно купить во множестве сувенирных лавок. Он ничего не стоит.

— Но тот, кто прислал его, был в курсе вашей просьбы к отцу.

— Выходит, что так...

— И был уверен, что вы так будете захвачены радостным предвкушением, что наивно не проверите сопровождающее письмо.

— Да...

— Я могу сказать с большой долей уверенности, что проклятие наведено женщиной.

— Женщина? — искренне удивился мальчишка.

— Верно. Я чувствовал это, касаясь его. Эта обжигающая ненависть. Это всепоглощающее чувство одиночества и отчаяния. Это не просто желание избавиться от единственного наследника влиятельного рода, — сухо проговорил Кристиан.

Он поднялся и прошёлся к окну, стараясь обойти студента большим кругом. Проклятье тянулось к нему, рвалось из груди, яростно сопротивляясь, когда не смогло коснуться Найрока. В висках застучало, и Рэйван прислонился плечом к стене, рядом с открытым окном. Вдохнул полной грудью вечерний воздух. Свежий, холодный. Он немного отрезвлял.

— Это личная месть, полагаю, — договорил он. — И эта женщина уже в курсе, что её «дар» был открыт.

— Я за свою жизнь даже не ссорился ни с кем всерьёз... А уж так, чтобы до убийства дойти... — возмутился Рэм. — Кто же она?

— Проклятье довольно сильное. Его создал опытный маг. Создал лично. Это говорит нам о том, что женщина, скажем так, не совсем юна. Она знакома с вами очно или ей была доступна вся необходимая личная информация, включая даже то, что хотелось получить в подарок от отца.

— Что вы хотите этим сказать? — растерянно звучал голос Найрока, и Кристиану казалось, что звучал из другого мира.

Изображение перед глазами плавало, вызывая очередной приступ тошноты. Снова глубокий вдох... выдох... вдох... выдох...

— Каэль Рэйван!

Проклятье... Отчего мальчишка так громко говорил? О чём он сам только что говорил?..

— Что вы подразумевали?..

— Вашему отцу уже послано письмо, где изложена суть случившегося в Арде. Вскоре он получит его, и полагаю, прибудет в академию. Либо пришлёт доверенного человека, — голос снова охрип.

Нужно воды. Много воды. Рэйван заставил себя отпрянуть от стены, и шатко приблизился к столу. Поднял графин с водой, и принялся жадно пить прямо с него. Остановился, лишь осушив до дна. И всё было мало.

— Вы единственный сын Лоруса Найрока, — попробовал снова заговорить Кристиан. К счастью, это вполне прилично удалось, но всё же продолжало казаться, будто жевал стекло. — И ваш отец занимает влиятельную должность. Он управляющий города Цемерин. Верно?

— Да...

— У управляющих есть одна важная, и порой не очень приятная обязанность, которая может повлечь за собой и не очень «приятные» последствия.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорю об обязанностях судьи, чьи полномочия возложены на многих управляющих с дозволения короля. Ваш отец имеет данное разрешение, — терпеливо пояснил Кристиан.

Солнце садилось, и демон в нём любовался закатом, нагло радуясь тому, что скоро стемнеет... Дневной свет был неприятен, хоть и не так сильно, как в первые часы после воздействия яда харлаха.

— Это лишь моё предположение, не больше. Один из возможных вариантов. Но артефакт с проклятием мог быть изготовлен тем, кого ранее осудил ваш отец. Либо кем-то из его родственников. Людям свойственно верить в собственную невиновность, причём, чем больше вина, тем сильнее вера в обратное. Возможно кто-то решил таким образом отомстить вашему отцу. Смерть единственного сына — достаточная цена за несправедливый суд.

— Мой отец всегда справедлив! — поспорил Рэм.

— А разве для сына может быть иначе? — устало улыбнулся Рэйван.

На лбу выступила испарина, и жутко хотелось улечься на один из холодных камней Харланда, и смотреть в небо, не отрываясь. Упитья им... Стереть всё из памяти. Как бы он желал утратить её, словно Трин. Трин... Где она сейчас? Чем занята? Теперь Рэйван желал коснуться её, увидеть. Чувствовать... Захотелось так неистово, что стиснул зубы. Такого лютого одиночества он не испытывал с того дня, как осиротел. Но сейчас это чувство смешивалось с чужим. С чужим одиночеством. Это часть чужой силы, отданная в жертву проклятию, отзывалась в груди.

— Женщина. Некромант. Средних лет. Был кто-то подобный вхож в круг вашей семьи? Или довелось знать кого-то подобного?

— Мой отец на сильно жалуется... некромантов... — неловко принялся смотреть в сторону Рэм. — Извините... Я не хочу сказать, что ваша суть или... Я настолько благодарен... Я...

— Я понял, — прервал его бормотание Рэйван.

— У нас не было близких знакомых среди некромантов, — пожал плечами Рэм. — Отец, а за ним и мать, действительно избегали близкого общения с ними. Со всем уважением, но

таков уж его характер. Что касается должности управляющего, и обязанностей судьи — то я не в курсе его дел.

— Даже так? — искренне удивился Кристиан. — Отец разве не планировал, что пойдёте по его стопам? Каким он видит ваше будущее?

— Я свободен в своём выборе.

Хм... Честное слово, давно он не испытывал зависти... Кристиан расстегнул удушающую пуговицу на воротнике рубашки. Разговор утомил, но был необходим.

— Все подаренные вам вещи на данный момент будут изъяты, по понятной причине, для проверки.

— Да, — поник студент.

— Также вам запрещено покидать Ард до моего личного распоряжения. Вы поняли меня, Найрок?

— Да... — тихо отозвался он.

— Вы живы, и это — главное. Подбодрил, как мог Рэйван. — Расследованием покушения на вас займётся специальный отдел стражей Валмира. Их капитан уже связался со мной и ему передастся вся полученная информация. Скоро преступник будет в курсе, что его попытка не удалась. И он зашёл слишком далеко, чтоб отступить. Поэтому я надеюсь на ваше благоразумие и содействие расследованию. Вы услышали меня, Найрок?

— Я не покину академию. Я... Надеюсь, что этого человека поймают, и он ответит за содеянное...

— Дождёмся ответа вашего отца. Полагаю, что он располагает большей информацией, способной помочь.

— У вас... у вас снова идёт кровь... — голос Рэма понизился до испуганного шёпота.

Кристиан провёл ладонью по лицу, вновь замечая алые разводы на пальцах. Снова пошла носом...

— Я позову на помощь? — осторожно спросил мальчишка.

— Нет. Ступайте, Рэм. Будьте среди друзей. Не оставайтесь сегодня один. Послушайтесь совета.

— Я благодарен вам. Я никогда не забуду... Вы... самый лучший.

— Да ну? — Рэйван поднял голову, достал из кармана платок и зажал нос.

— Вы... настоящий, — продолжил нахваливать студент.

Чувствуя неловкость, смешанную со смущением, Кристиан несчастно вздохнул.

— Найрок...

— Вы не должны уходить! — добил его последним заявлением второкурсник, и торопливо покинул кабинет, бесшумно закрывая дверь.

— Что?..

Глава 16

Ужинать пришлось в общежитии. Пока столовую пытались восстановить после сегодняшнего происшествия, довольствовались компанией соседей по комнате. Известия о попытке убийства Рэма Найрока, и героическом спасении его ректором академии, распространялись молниеносно. Причём каэля Колума и не припоминали в пересказываемых друг другу историях. Те обрастали всё большими и большими

подробностями, практически полностью состоявшими из выдумки. Но кого это интересовало? Кристиан Рэйван в который раз стал героем, кинувшись спасать одного из студентов, рискуя своей жизнью...

— Представляешь? А потом он...

— Я присутствовала при этом, Ивон, — напомнила Трин.

— Да... — усмирила восторг подруга. — Ужасный случай. Мне просто повезло, что уже покинула столовую в тот момент.

— Согласна с тобой, — Трин с последних сил сдерживалась, чтоб не сбежать из комнаты.

Лёжа в постели, она всей душой надеялась, что Ивон вскоре заснёт и даст ей возможность уйти незаметно. Чувствуя её нервозность, бил хвостом по полу Зиль. Ивон выше подтянула одеяло и покосилась на призрачного зверя, огромного и пугающе сверкавшего глазами-углями.

— Это нормально? Почему оно такое огромное?

— «Оно» нормальное. Так... бывает. Нам всем нужно отдохнуть, — предложила Трин, стараясь, чтоб сказанное не звучало приказом.

— Ты права, — деликатно прикрываясь ладонью, зевнула Ивон.

Затем перевела взгляд на приоткрытое окно, где покачивались лёгкие шторы. И что собственно она там ожидала увидеть? Своего фальшивого возлюбленного? Талл не пострадал сегодня в столовой. Эта мысль неожиданно согревала. Хорошо, что все живы...

— Он наверняка тоже спит, — слышался голос подруги. — Последуй его примеру, Ивон.

— Доброй ночи, — смущённо пожелала Ивон, удобнее устраиваясь в постели.

Волосы серебряным шёлком укрыли её подушку и часть одеяла, когда легла набок, закрывая глаза.

— Доброй ночи, Ивон, — ответила Трин, теперь мучительно дожидаясь, пока подруга крепче заснёт.

Она не видела Кристиана с того самого момента, как он покинул разгромленную столовую. И не слышала ничего о его теперешнем состоянии, не считая нелепых сплетен. Как он? Что с ним? Почему не призвал к себе, как делал каждый день? Почему не принял её помощь, поддержку? Если нужно, то забрал бы и всю её силу, но исцелился...

Трин прерывисто вздохнула, и Зиль поднялся передними лапами на постель, устраивая возле подушки огромную голову. Смотрел с участием, затем лизнув расстроенную хозяйку в нос. «Я так волнуюсь...», — говорила Трин мысленно. «Я знаю...», — отвечал ей безмолвно яркий взгляд марага.

Ночь мягко опустилась на Валмир, погружая в тревожный сон и замок Арда. Возможность покинуть общежитие появилась лишь ближе к полночи, поскольку Ивон несколько раз тревожно просыпалась. Быстро переодевшись в рубашку и штаны, Трин бесшумно покинула комнату. Нарушить запрет на выход из общежития мешали двое стражей. Пришлось идти на хитрость и использовать беспокойного духа.

Зиль объявился у нескольких блестящих старинных доспехов, мирно стоявших в простенках между окнами. Принялся с препротивнейшим звуком скрести по металлу когтями, вынуждая охрану отреагировать на шум. Трин воспользовалась возможностью незамеченной пробраться к тёмной лестнице и стала торопливо подниматься по ступенькам на второй этаж.

Ещё немного. Ещё одна лестница. Проходной зал. Галерея с такими же старыми доспехами в простенках, пугавшими в ночной тишине. По пути пришлось ещё раз прятаться от стражей, но наконец достигла нужной части замка. Теперь оставалось

надеяться, что Кристиан находился у себя в комнате. А ещё, что не запер дверь, как делал это в ректорском кабинете. Приближаясь к двери, Трин оробела в какой-то момент. Вдруг Кристиан будет сердит, что пришла без спросу? Или решит, что она слишком...

Мучаться в сомнениях ей не дали. Дверь распахнулась перед лицом Трин. Сильная рука втянула за рубашку внутрь комнаты, освещённой лишь мягко мерцающими свечами.

— Что ты здесь делаешь, Спичка? — зазвучал над её головой голос Кристиана.

Звучал тихо, выдавая усталость. Зол не был... Но тёмный взгляд пугал, и казалось, что наблюдал за нею не только человек, а и некий тёмный зверь, сокрытый в нём. Трин задержала дыхание, когда Кристиан поднял руку и тыльной стороной ладони провёл по её щеке.

— Ты должна была оставаться в общежитии.

— Знаю.

— Но рискнула нарушить ректорский приказ.

— Верно... И теперь я здесь.

— И теперь боишься меня? — не спросил, скорее, делал вывод для себя самого.

— Нет, — упрямо заверила Трин, глядя ему в глаза. — Не тебя.

— Чего же тогда?

Светлые волосы вновь беспорядочно падали на лоб и глаза. Рубашка Кристиана была расстёгнута, открывая взгляду грудь, на которой тьма рисовала свои удивительные узоры. Они поднимались к шее некроманта, и терялись за ремнём его брюк.

— За.

— За?

— Я боюсь не тебя, а за тебя, — сердито пояснила Трин. — Как мог исчезнуть и не дать мне даже жалкой вести, что в порядке?

— Не хотел.

— Что? — возмутилась Трин, по-своему понимая ответ.

— Не хотел, чтоб видела меня таким, — договорил Кристиан, рискуя опустить ладони на её плечи.

Он чувствовал, как дрогнула в его руках, будто робкое пламя свечи. И боялся коснуться сильнее, чтоб оно не угасло, оставляя в полной тьме. Светла девочка. Чистый огонёк... Так же напугана, прекрасно чувствуя, как слаб его контроль, и как холодна тьма, клубившаяся у ног.

— Я всё равно... Всё равно вижу тебя, как есть... — шёпотом повторила Трин его недавние слова. — Поэтому неважно, какой облик примешь. Я... Я так хочу помочь. Но до чего же бесполезна. Просто говори со мной. Просто скажи, что не умираешь от ран и не страдаешь в одиночестве. А если нуждаешься, то возьми мою силу. Сколько нужно. У меня её — через край. Как и глупости...

Выпить. До дна. Ощутить этот вкус. Этот свет. До последней капли. Проклятье... Голова шумела, а сердце глухо колотилось в груди. Демон внутри его слабел, терял силу, но отравляя кровь ядом, требовал поддаться соблазну. Она ведь так близко. Так близко. Такая хрупкая в его руках, несмотря на обладание смертельной стихией. Ведь не станет использовать силу. Так доверчива и наивна. И его тёмная суть соглашалась, вторила проклятью, наполняя рисунок на теле чернотой. Он поднялся к вискам, оплетая всё тело. Кристиан замер, не смея позволить воплотиться хоть одной из звучащих в голове мыслей. Прочь... Они принадлежали не ему. Он должен отпустить Трин. Должен велеть вернуться в безопасность своей комнатухи в общежитии и крепко запереть дверь.

«Уходи...», — требовал он мысленно.

— Останься... — сорвалось с его губ.

Их разделял последний шаг, и Трин преодолела его. Кристиан походил на демона, и голос его сейчас звучал иначе, хрипло, грубо. Но протянув руки, она рискнула обнять жениха за талию и прижалась щекой к его груди. Он был холоден, как статуя, и если бы не знакомо бившееся сердце, сочла бы, что обратился в камень.

Захотелось немедленно согреть его, и Трин крепче сжала кольцо рук. Свечи загорелись ярче, а за спиной Кристиана вспыхнул жарким пламенем камин.

— Решила... сжечь... и мою комнату?.. — без сил проговорил он.

— Иди за мной.

Кристиан позволил увлечь себя. Как и Трин он опустился на тёмную шкуру, лежавшую перед камином. Прислоняясь спиной к креслу, стоявшему рядом, она потянула Кристиана за руку, вынуждая лечь и опустить голову к ней на колени.

Не сдержав ревности, Зиль воплотился с другой стороны от Трин, увеличиваясь до внушительных размеров, тем самым желая получить предпочтение хозяйки. Но видя, что бывший хозяин сегодня явно нуждался в ласке больше, чем обычно, прилёг на пол рядом, наблюдая за действиями живых. В его глазах отражалось пламя, разгоравшееся в камине, а хвост подрагивал, выдавая то, что всё ещё был недоволен тем, что некроманта предпочли ему.

Трин провела ладонью по колючей щеке Кристиана, призывая его закрыть глаза и отдохнуть. Послушный заботе, он чувствовал лёгкое касание тёплых рук, и то, как Трин с нежностью перебирала пряди его волос, глядя по голове. Тепло. Свет. Они исходили от неё, при каждом касании проникая в тело, и даря долгожданное облегчение. Склоняя к нему голову, Трин коснулась губами виска Кристиана. Чёрные тени рисунка стирались, таяли, отпускали его, позволяя намного расслабиться и задремать. Сколько она так просидела, потом припомнить не могла. Но умудрилась заснуть, не справившись с усталостью.

Разбудило лишь настойчивое солнце, вздумавшее слепить из открытого окна. Трин сощурилась, чувствуя, как глаза увлажнились. Сколько сейчас времени? Попыталась подняться, но кольцо сильных рук удержало на месте. Боги... Они и в самом деле проспали до самого утра на полу перед камином? Тот уже давно угас. Да и не утро вовсе. Ещё раз кинув взгляд на небо, видневшееся через окно, Трин прошептала проклятья. Судя по положению солнца — скоро полдень. Полдень!

— Выспалась? — прозвучал сонный голос за её спиной.

— Да...

— Тогда — доброе утро, — Кристиан развернул её к себе лицом.

— Скорее... — она растерялась под его внимательным взглядом. — Скорее — добрый день...

— День? — пришла очередь Рэйвана удивиться её словам. Он поднял взгляд к окну.

— Ивон давно проснулась. Придётся врать ей и придумывать, что встала рано и ушла в город. Я должна... Как ты? Как чувствуешь себя? Ты в порядке?

Поцелуй остановил поток взволнованных слов.

— Я в порядке, — конечно несколько приврав, доложил Кристиан.

Он был бледен, и щетина только усиливала это ощущение. Но глаза вновь обрели цвет чистого серебра, а пугающий рисунок стёрся с тела. Выходит — справился. Смог преодолеть действие яда харлаха? Она могла больше не сходить с ума от волнения?

— Ты голодна? — просто спросил он.

— Да, — призналась Трин, вспоминая, что вчера удалось только позавтракать.

— Что ж, в благодарность я угощу тебя обедом в Валмире, — стараясь быть серьёзен, заявил Кристиан, поднялся со шкуры и потянул за собой Трин.

— В «благодарность» лучше останься в комнате и отлежись, как следует.

— Ты предлагаешь мне пытку, Спичка? — деланно возмутился он. — Остаться в стенах Арда и пытаться отлежаться? Мне нужно в город в любом случае. Сегодня запланирована встреча с управляющим Улхаром. Я должен воспользоваться случаем и увидеться с ним.

— Но ты ещё слаб. Разве нельзя перенести эту встречу? — разволновалась Трин, заглядывая ему в лицо.

— Я в порядке, — заверил Кристиан. — Не думаешь же, что явился бы в дом к этому человеку, зная, что свалюсь без чувств, как юная каэли?

На него посмотрели с сомнением.

— Обещаю, — постарался улыбнуться Кристиан.

— Врун, — не поддалась Трин.

Глава 17

Прекрасно зная, что не уснёт, с прошлого вечера Селма не покидала кабинет. Уже в который раз она то кружила по нему беспокойным призраком, то вновь подходила к столу. Останавливалась, глядя на незаконченное письмо, и не могла решиться взять перо.

— Проклятье... — прошептала проректор, нервно сжимая и разжимая кулаки.

Она должна, просто должна разрешить сложившуюся ситуацию в свою пользу. И бесконечно мучило бессилие против самонадеянного мальчишки! Вчерашняя выходка, словно нарочно укрепила его положение в Арде. Спаситель? В который раз — спаситель... А воспитанники академии только и рады восторгаться и пересказывать друг другу совершеннейшие нелепицы о героическом ректоре.

Если раньше можно было сыграть на реакции родителей, разослав по нужным адресам «правильные» письма, то теперь это делалось невозможным. Как пить дать половина юных каэли уже отписались маменькам, наполняя послания ахами и вздохами! Кристиан оказался прав, угрожая тем, что король и слушать не станет о претензиях в его сторону. Но она должна сделать хоть что-то. Хоть что-то, чтоб не допустить надвигающийся «переворот» в Арде. Если так пойдёт и дальше, Кристиан Рэйван ввергнет королевскую академию в хаос!

Всё должно остаться, как и прежде. Правила. Порядок. Они нерушимы! Они создавались столько лет. Кто как ни она способен поддержать Ард и возвеличить его? Не это ли желание короля? Вильят резко подалась к столу. Схватив наполовину исписанный лист бумаги, нервно скомкала его, и отбросила прочь, не заботясь сейчас о порядке в кабинете.

Ламон ошибся. Ошибся! Ах, зачем только связался с родом Рэйванов? Деверукса назначил ректором, лишь пойдя на поводу у собственного настроения! А Кристиан... Ламон произнёс тогда нечто о том, что он прекрасно сможет понять юные умы воспитанников академии, поскольку и сам довольно молод. Молодость! Как можно опираться лишь на это?!

Пусть и не сможет отправить прошение королю. Но она способна ответить Кристиану за неуважение другим способом, чтобы сохранить своё лицо. Подчиняться его приказам Селма не собиралась, считая это унижительным. Мальчишка склонен к героизму, но есть кое-что, на что он просто не способен. Это и станет её шансом. Кристиан Рэйван никогда не сможет достойно организовать бал. А так уж вышло, что Ламону Великолепному важнее это событие, а не грубые подвиги...

Всё, что нужно — это просто уйти. Навестит мать, что не делала уже столько времени, а всему виной забота об академии. Вильят оперлась ладонями на край стола. Её губы тронула злорадная улыбка. Бал весьма важен для Арда. Будут гости студентов, некоторые родители явятся. Всё должно быть как всегда безупречно. Но Кристиан никогда не справится, о чём и доложат королю. Опозорится сам. Поймёт, что не может без неё, и пожалеет, что не поддержал.

Она уже слышала шаги в коридоре. Наконец-то изволил явиться в свой кабинет? Самое время известить ректора о принятом решении. Он сам предлагал ей отдохнуть. Что ж. Она просто обязана подчиниться...

Кристиан не стал закрывать за собой дверь, слыша раздражающий стук каблуков в коридоре. Сегодня все звуки казались слишком громкими. И особенно не хотелось спорить. Но необходимо было заглянуть в кабинет, чтобы завершить пару дел перед уходом в город. Во избежание пока ненужных сплетен, с Трин договорились встретиться уже в Валмире, в той самой таинитовой алее, что так приглянулась ей у дома Мюрн.

Не так далеко от этой части города находилось вполне приличное заведение, совершенно зря обделённое вниманием горожан. Но сейчас это было только плюсом, поскольку слишком мала вероятность повстречать знакомых. Готовил местный повар отменно, а десерты могла оценить даже самая большая привереда...

— Кристиан! — отвлёк от мыслей голос Вильят.

Он унял головокружение, вдохнул поглубже и повернулся к своему проректору.

— Какими новостями порадуешь сегодня?

Рэйван был бледен, как тень, особенно в этих чёрных одеждах. Но она здесь не ради выказывания сочувствия и должна быть тверда.

— Я не задержу тебя надолго, — заговорила Вильят, делая пару шагов от двери и останавливаясь.

— Слушаю тебя, Селма.

— Я вынуждена признать, что в последнее время здоровье моё не настолько крепко, как хотелось бы...

— Ты переутомилась. Стоит отдохнуть и поберечь себя, — нахмурился Кристиан.

В его голосе слышалось участие, и этот факт отозвался уколом где-то в груди. Вильят поджала губы, пытаясь собраться с мыслями. Сам похож на мертвеца, а проявляет заботу?.. Но нет. Нет. Она не поддастся. Она должна быть тверда и завершить то, зачем сюда пришла.

— Ты совершенно прав, — согласно кивнула Селма. — Пожалуй, так и поступлю. Затем и потревожила сегодня.

— Ты хочешь покинуть академию? — теперь Рэйван смотрел на неё с интересом, будто ожидая, что ещё могла заявить.

— Да.

Он устало улыбнулся. Так просто, что Селма вновь ощутила себя предательницей.

— Ты приняла верное решение, — кивнул он шумевшей головой, для большей устойчивости придерживаясь рукой за край стола. — Ступай, Селма. Отдохни. Увидься с семьёй.

— Я покину Ард завтра. На рассвете, — предупредила проректор, делая шаг назад, и берясь за дверную ручку. — Мною будет подготовлена рекомендация на замещение должности проректора. В академии есть пара прекрасных преподавателей, которые подойдут для этого.

— Благодарю, — произнёс некромант, прекрасно понимая, что не воспользуется списком

Вильят.

Решила, что приставит к нему шпиона? Что за женщина? Она действительно устала, и поступала мудро, решая сейчас уйти. Но ведь не просто так выбрала момент. Что задумала? Всё же решила отправить донос королю и теперь бежала с тонущего корабля? Или виной всему вчерашнее происшествие в столовой? Погодите-ка... Нет. Конечно же — нет. Неужели собралась «подставить» его с организацией предстоящего бала? Боги... Сейчас это меньшее, что его волновало. Но не стоит расстраивать проректора и говорить об этом. Пусть езжает с уверенностью, что бросила ему перчатку.

Ветер ворвался в открытое окно и Кристиан с благодарностью принял его прохладные объятия. Они освежали и наполняли бодростью, такой необходимой сейчас.

— Не стану задерживать. Я сказала всё, что хотела.

— Тогда — доброго пути, Селма. На тот случай, если до твоего отъезда больше не увидимся.

— Спасибо... — она задержалась на мгновение, будто собиралась добавить нечто, но только выдохнула, и вернулась в коридор, закрывая за собой дверь.

Кристиан слышал, как стихли её шаги в коридоре, когда вернулась к себе. Он повернулся и посмотрел в окно. Свежо. Светло. Ему тоже пора. Он задышался в каменных стенах. Нужно больше пространства, больше воздуха. Нужно увидеть Трин...

Он отрешённо расстегнул пуговицу воротника, и рука скользнула ниже, к груди, касаясь медальона. Наверняка сглупил, и желудок тут же подтвердил его опасения, едва не вывернувшись при переносе. Всё же стоило потратить время и добраться до ардовских ворот пешком, на своих двух. Верно. Только пешком. Лошадь, экипаж — всё равно, что усестись на карусель. А так можно просто идти и дышать. Всё, что нужно.

Город встретил привычным оживлением. Радовали взгляд разноцветные дома, утопавшие в яркой зелени и цветниках. Кристиан прислушивался к каждому звуку, будь то скрип проезжавшего экипажа, или голоса горожан. Всё, лишь бы не обволакивала сознание беспокойная тьма, затуманивая его остатками вязкой паутины поглощённого проклятия.

Он миновал шумную площадь, а затем и бесконечный рынок, наконец оказываясь на одной из широких улиц Валмира. Вон она — знакомая цветущая аллея, а за ней теряются дома всех возможных оттенков. Опадающие бледно-голубые лепестки таянита устилали дорогу. Будто само небо опрокинулось на землю, наполняя округу свежим ароматом.

Трин стояла под деревьями, подняв голову и позволяя ветру кружить вокруг неё цветочным вихрем. Лепестки оставались на распущенных волосах. Прекрасна. Даже в чёрной факультетской форме, в которой обязывали появляться в городе всех студентов. Даже в ней. Кристиан понял, что остановился, наблюдая за невестой, так и не преодолев оставшегося расстояния между ними.

Мысли кружили, как лепестки таянита. Он. Она. Что ждёт их обоих? Каким станет выбранный ими путь? Чужая воля стала причиной того, что они встретились. И желая доказать всему миру, что свободны, они открылись друг другу. И сейчас — он дышал. Он чувствовал себя живым, даже несмотря на схватку с харлахом. Как и хотел Деверукс. Если верить словам Зорик, он ведь этого хотел? План деда удался... Точнее, это удалось Трин. Она вдохновляла. Была радостью. Надеждой. Светом. Сейчас это чувство стало особенно острым, и только богам известно, в чём причина. Да и есть ли разница?

— Я сдержал обещание! — Кристиан улыбнулся, когда Трин почувствовала его присутствие и обернулась.

— В прошлый раз ты обещал, что будешь гулять здесь, и восторгаться окрестностями, — усмехнулась она в ответ, идя навстречу.

— Ты уверена, что хочешь это слышать, Спичка?..

Глава 18

Ощувив голод в полной мере, Трин наконец позволила себе утолить его. Местный повар действительно был мастером, не зря это ранее отметил Кристиан. К её немалой радости, удалось убедить поест и жениха, походившего на привидение. Не желая расстраивать Трин, Кристиан заставил себя попробовать каждое блюдо. Удивился сам тому, что еда уняла головокружение. Они сидели за небольшим квадратным столом, так близко друг от друга. В уютном помещении было светло и малоллюдно. Свет из окна падал на Трин и золотил её волосы. Рэйван протянул руку и убрал пару лепестков, запутавшихся в прядях.

— Как ты чувствуешь себя? — поинтересовалась Трин, перехватывая его ладонь.

Тёплая. Это успокоило её.

— Я в порядке, — привычно заверил Кристиан. — Тебе не стоит тревожиться.

Она не поверила, но не стала спорить.

— Когда ты отправишься к Улхару?

— Мне нужно будет встретиться с Виром перед этим. Обсудить некоторые вопросы. Потом придётся заглянуть в дом управляющего.

— Что он за человек?

— Не тот, с кем бы я предпочёл вести беседы, — усмехнулся Кристиан, теперь сам беря Трин за руку и сплетая их пальцы. — Скажи мне, удалось вспомнить хоть что-то за последнее время?

Она задумалась, и глубокая морщинка пролегла на лбу. Хотелось бы похвастаться своими успехами, но делиться было практически нечем.

— Каждую ночь мне снится одна и та же колыбельная. Её поёт женщина. Этот голос мне знаком. Хочется думать, что он принадлежал моей матери. И иногда при этом я вижу, как кто-то склоняется надо мною, и надеюсь, что вот-вот увижу лицо. Но всё размыто...

— Всему своё время, Трин, — успокоил Кристиан. — Ты не должна отчаиваться. Память вернётся к тебе. Либо же мы постараемся выяснить всё иным путём. Будем надеяться, что встреча с Улхаром даст свой результат. Я расспрошу его о Томарине. Сейчас этой землёй владеет некий Самус Элфэр. Стоит разузнать о нём.

— Я никогда не слышала это имя.

— Я тоже. Вечером я буду владеть большей информацией.

— Всё могло бы решиться так просто... — взволнованным шёпотом произнесла Трин, и отрывисто вздохнула. — Если бы только отец ответил хоть на одно моё письмо. Если бы он отозвался и поговорил со мной. Он мог бы рассказать...

— Трин, — Кристиан крепче сжал её ладонь. — Посмотри на меня.

Она подчинилась, и вновь отвела взгляд, поскольку вдруг вздумалось заплакать. Это никуда не годилось.

— Трин. Даже если старые воспоминания не вернуть, ты не должна так переживать. У тебя вся жизнь впереди, чтоб создать новые. Те, что никто не отымет. Знаешь, возможно, боги оберегают тебя, посылая забвение.

— Но это не так, — она мотнула головой. — Я чувствую, что должна вспомнить. Чувствую. Это невыносимо...

— Порой помнить куда невыносимей, — горько произнёс Рэйван.

— Ты повторяешь это снова. Ты обещал пояснить однажды, что значат эти слова.

— Верно... — Кристиан стал ещё бледнее, но улыбнулся для неё, так и не отпуская руки.

— Мои воспоминания не отпускают меня уже много лет. И так же свежи в памяти, будто всё случилось вчера. Сколько раз я просил богов о забвении, Трин. Как бы я хотел стереть свою память. Но понимаю, что это непростительная слабость.

— Что же ты так желаешь забыть? — спросила она с тревогой, отвлекаясь от того, что беспокоило саму.

— Мне было тринадцать в ту пору, — решился заговорить Кристиан.

— И война с вердианцами была в самом разгаре.

— Верно, — устало кивнул он. — Харланд — приграничная земля. И уже долгое время находился в осаде. Отец был серьёзно ранен и не мог достойно противостоять врагу. Их оказалось слишком много. Вердианцы — стихийники огня. И Харланд полыхал. Горел. Задышался в чёрном дыму, который закрывал солнце, превращая день в сумерки. Замок — пал. Мать...

Кристиан умолк, но казалось, что не заметил этого, продолжая говорить мысленно. Чёрные узоры поднимались из-за воротника рубашки, выдавая его чувства.

— Мать... С нею в замке оставались женщины и дети. Мать сражалась до последнего. Она была храбра. Отчаянна. Порой, даже слишком. Отец всегда говорил, что ещё не родился тот, кто сможет одолеть её в бою. Но он ошибся... Отец погиб на моих глазах. Закрыв собой меня. Я смотрел в глаза его убийце. Смотрел, и меня захлестнула такая ярость... Ненависть... Мне казалось в тот миг, что тьма поглотит меня изнутри. Она заволокла всё сознание. Ослепила. Оглушила. Лишила всех чувств, оставляя только звериное желание убить. Уничтожить. Разорвать. В тот день моя сила проснулась в полной мере. Это был самый сильнейший всплеск, который я когда-либо ощущал. Я убивал его. И вновь поднимал. И вновь убивал... И вновь... И вновь... И мне всё было мало... Не мог контролировать силу и поднял всех на поле боя. Включая собственного отца. Все эти души... Все эти души, глядевшие на меня через погасшие глаза... Они были повсюду... Деверукс и его люди прибыли в Харланд только спустя трое суток. Тогда дед и нашёл меня в поле. После тех событий я не разговаривал несколько лет. Немного прийти в себя помогла Зорик. Да...

Видя, как и без того огромные глаза Трин распахнулись сильнее от удивления, Рэйван кивнул.

— Зорик — воспитанница Деверукса. Для меня она — сестра. Хоть и не по крови. Ей пришлось изрядно повозиться со мной. Но результат... Это то, что ты видишь перед собой, Трин. Война окончена. Прошли годы. Но не проходит и ночи, чтоб мне не снился тот бой и случившееся после него. И я знаю, что должен помнить. Должен помнить, какой ценой я жив. Но порой становлюсь жалок и мечтаю забыться. Поэтому, если потеря твоей памяти связана с мороком, то я могу понять наложившего это заклинание. Если, конечно, с помощью запечатывания воспоминаний не пытались скрыть нечто иное.

Оглушённая его словами, Трин не могла подобрать слов, чтоб ответить. Собственные проблемы показались такими ничтожными. Лицо горело от переполнявших эмоций, а глаза наполнились слезами. Нет. Она не посмеет плакать. Не посмеет добавлять ему...

— Я поделился с тобой вовсе не для того, чтоб ты меня жалела, Спичка, — смог улыбнуться Кристиан, завладев и второй рукой девушки.

Горячие. Её ладони были горячими. На них золотом проступили руны, и некромант повторил узор, рисуя его большим пальцем.

— Я помогу тебе всем, чем смогу. Просто не смей отчаиваться. Выше нос. Ну же...

Он улыбнулся. Так открыто, по-мальчишески, будто и не раскрыл раненную душу минуту назад. Шмыгнув носом, Трин приподняла дрожащий подбородок выше, как Кристиан и требовал.

— Ещё выше, — поддразнил он. — Ты невеста самого ректора Арда. Он невероятно храбр, и слишком красив. Так будь же горда этой честью.

— Ты забыл упомянуть о невероятной самоуверенности, — возмутилась Трин, меж тем

задирая подбородок ещё выше, и теперь сама силилась сдержать ответную улыбку.

— Это лишь одна из граней моего чудесного характера. А теперь — изволь доесть обед, пока он окончательно не остыл. Иначе я не смогу спокойно оставить тебя и заняться Улхаром.

Сложив руки на груди, нахмурилась и пытаясь обдумать услышанное, Яр прислонился спиной к прохладной стене. Стоя у приоткрытого окна, он прекрасно мог слышать разговор, оставаясь скрытым густой листвой дерева от сидевших за столом. Война... Сколько душ искалечила? Сколько оставила сиротами? Сколько их таких — израненных? У каждого свои пожары за спиной, свои потери и пролитые слёзы. Яр прекрасно понимал некроманта. Более чем. И то того хмурился сильнее, проникнувшись его речами. А так же пытался осмыслить и другое подслушанное в разговоре.

Трин... Он не ошибся, хвала богам. Это действительно была она. И действительно утратила память. Поэтому не смогла узнать его. Синхелм велел навести морок, когда забрал её? Хотел сделать покорной игрушкой? Вынудить забыть всё, что было в прошлом?

Яр сильнее прижался к стене, когда дверь неподалёку открылась, и на крыльцо вышли Трин и Рэйван. Пришлось дожидаться, пока отойдут подальше, и лишь потом последовать за ними. Некромант обмолвился, что собирается навестить негодяя Улхара. Что-то сегодня уж больно сам походил на мертвеца. И еле на ногах держался. Как бы не раздражал, а волнение взялось откуда-то, что заставило томаринца тихо выругаться. С чего ему переживать за этого наглеца? Возмнил себя подходящей парой для Трин? А она? Что нашла в нём?

— Что этот сын Смерти себе позволяет?.. — Яр едва не вышел на дорогу из тени раскидистого дерева, укрывавшего его, когда Рэйвану вздумалось поцеловать девушку. — Кто давал ему права касаться её? Проклятье... Что он делает?

Всё от того, что нет рядом ни матери, ни отца... Трин выросла. Стала привлекательной девушкой.

— Слишком привлекательной...

Глава 19

Дом управляющего наверное был единственным, обнесённым высокой каменной оградой. Все остальные строения не имели таковой, разделённые между собой лишь самой природой. Где ручьём, где аллеей, где простыми цветущими зарослями.

— Дождись меня, — велел Кристиан Виру, когда приглашённый охраной, поднялся на широкое крыльцо дома.

— Да, господин, — воин смотрел ему вслед, пока некромант не скрылся за двустворчатыми дверьми, украшенными искусной резьбой.

Сад перед домом был прекрасен, и притягивал взгляд. Как и неспешно садившееся солнце над кронами шелестевших тёмной листвой деревьев. Стук копыт отвлек Вира, и он повернулся к внушительному двору, наблюдая за тем, как подъезжал уже знакомый экипаж. Вы только гляньте! Сама недавняя пьяница пожаловала.

Подбежавший слуга подал руку хозяйской дочери, помогая той спуститься со ступеньки. Придерживая платье, Макэль нервным жестом велела мужчине отойти в сторону и не загораживать обзор. Глянула на крыльцо и вполне симпатичное лицо исказилось от презрения.

— Ты! — ткнула она пальцем в Вира, опёршегося на кованые перила. — Кто посмел впустить сюда этого человека?

Макэль зло огляделась во дворе.

— Госпожа, — рискнул заговорить слуга. — Он прибыл со своим господином. Ваш отец

ужинает с каэлем Рэйваном. Тем самым, кому мы должны быть благодарны за то, что вы целы и невредимы...

— Что? — округлились глаза Макэль. — Этот сын Смерти — убийца! Отец выжил из ума, приглашая подобного ему в наш дом!

Подметая длинными юбками двор, Макэль решительно двинулась к крыльцу, собираясь обрушить праведный гнев на своего родителя.

— А ты! — поднимаясь по ступенькам, она снова посмотрела на невозмутимого Вира. — Жалкий приспешник. Ты не некромант. Стихийник воздуха, я полагаю. Слаб и никчёмен.

Макэль приблизилась к нему, смерив взглядом с головы до ног.

— Зачем же судить, не проверив? — хмыкнул воин.

Пухлые губы девушки изогнулись в холодной усмешке.

— И какова же величина твоего дара?

— Не уверен, что благородной каэли стоит задавать такие вопросы постороннему мужчине, — широко ухмыльнулся Вир. — Но смею вас заверить, что я очень... одарён.

— Наглец! — пощёчина заалела на небритой щеке воина.

Девушка сбежала, прячась в родительском доме, оставляя Вира в одиночестве продолжать любоваться закатом. Он искренне понадеялся, что очередное представление не ожидает его хозяина, и Улхар приструнит дочь. Рэйван сегодня был не в состоянии слушать женские истерики.

Не в состоянии... Именно об этом подумал Кристиан, едва не отгородившись от истеричной дочери управляющего щитом, чтоб поглотил хоть половину громкости её визгливого голоса. Но казалось, что не существовала магия, способная на это.

— Отец! — топнула ногой Макэль, стоя перед сидящими в гостинной мужчинами.

— Дорогая, — сдержанно ответил Улхар, но по дрогнувшим бокалам на небольшом столе, стало ясно, что был на грани. — Ступай к себе. Если нуждаешься в чём-то, то Румия позаботится о всём. Позже я пошлю за тобой, и сможешь высказаться о том, что тебя волнует. Сейчас — оставь нас.

Последние слова произнеслись с такой ровной холодностью, что Кристиан мысленно хмыкнул. Кажется, Улхар и сам давно устал от выходов дочурки. Пунцовая, Макэль вынужденно отступила, кидая последний гневный взгляд на гостя.

— Ты привёл в дом убийцу! — развернувшись, она торопливо покинула гостиную, оставляя Кристиана наедине с хозяином дома.

— Полагаю, пора задуматься о том, чтоб привести в дом будущего зятя, — вздохнул Улхар, подкрутив пышные усы. — Я прошу простить мою дочь за подобные слова. Неразумное дитя.

— Вам не стоит беспокоиться об этом, — подыграл Кристиан. — Полагаю, она всё ещё переживает по поводу случившегося и просто напугана.

— Пожалуй, так и есть, — так же изобразил уверенность Улхар, желая отвлечься от неловкой ситуации. — Лошади понесли, и благодаря вашим своевременным действиям Макэль не пострадала. Я благодарен.

— Я всего лишь оказался неподалёку. Рад, что всё завершилось благополучно, — он вынужденно улыбнулся, мечтая покинуть этот дом.

Горел камин, хоть и так было достаточно тепло, а теперь делалось душно. Стояли многочисленные вазы с цветами, которые очевидно были любимы госпожой Улхар. Их пьянящий сладкий аромат раздражал и вызывал головокружение. Хотелось полностью расстегнуть ворот рубашки и наконец выйти на крыльцо, вдохнуть полной грудью свежий воздух.

Улхар чувствовал себя отлично в подобной духоте, откинувшись на спинку кресла. Лёгкая седина тронула виски. Некогда чёрные волосы его были собраны в аккуратный хвост. Располневший с годами, мощного телосложения человек. Пуговицы на его жилете держались на одном мужестве, грозясь отлететь при следующем неосторожном движении.

— С нынешней молодёжью невозможно говорить, — покачал головой Улхар и потянулся за своим бокалом. Тёмное вино колыхнулось в нём, подсвеченное горевшим в камине огнём. — Деверуксу повезло с внуком. Вы так молоды, а уже занимаете ректорский пост. Похвально.

— Благодарю, — Кристиан рискнул пригубить вино.

В меру сладкое. Но слишком тёплое...

— Чем же я могу отблагодарить вас, Рэйван? Я не привык оставаться в долгу.

— Что ж, — некромант неспешно покрутил в пальцах бокал. — Как вы ранее отметили, на мне академия. Следовательно, и беспокойная толпа юных впечатлительных душ.

— Сочувствую... — сделал большой глоток Улхар.

Кристиан сдержанно улыбнулся.

— Иногда студенты покидают Ард и выходят в город. Это меня беспокоит, как ректора. Я наслышан, что в Валмире всё ещё проблематичная ситуация со всяким сбродом, в том числе именующим себя томаринцами.

— О да! — бокал звякнул о блестящую поверхность стола. — Вынужден признать, что ваше беспокойство вовсе не надумано. Но ситуация под контролем! Мои люди работают над этим.

— Вы имеете в виду слухи о томаринской печати?

Улхар поджал губы, вновь потянувшись за бокалом.

— Вы неплохо осведомлены, Рэйван.

— Как я уже говорил — должность обязывает.

— Задумка с печатью отлично сработала. Эти ублюдки перебьют друг друга за несуществующий артефакт, и тем самым очистят город от собственного присутствия. Я покончу с томаринцами. Их в Валмире осталось не так много. Единицы, полагаю.

— Я вам верю, и благодарен за заботу о городе, — надеясь, что голос звучал естественно, проговорил Кристиан. — Но чем так приманивает разбойников этот Томарин? Я, признаться, совершенно не знаком с этим местом. Поделитесь своими мыслями? Это поможет понять ситуацию и успокоить воспитанников Арда. К тому же королю при следующем визите в академию будет любопытно...

— Да-да! — прокашлялся в кулак Улхар, и снова отпил вина.

Кажется, становилось понятно, в кого удалась Макэль.

— Чтобы успокоить студентов и его величество, я конечно скажу вам, что знаю. Да это и не тайна вовсе. Вы не слышали о той истории, поскольку были тогда ещё совсем юны. Так, полагаю.

— Что же это за история? — нахмурился Кристиан, и вино в бокале потемнело, вторя его мыслям.

— Это случилось давно, — начал повествовать Улхар. — Ещё не родилась моя Макэль. Больше двадцати лет назад. Тогда в Томарине хозяином был Аркел Дэнвей. Не самые лучшие владения. Близость гор и сплошные леса. Но уж кому, что по нраву. Аркел был достойным человеком. Чего не скажешь о его сыне Райане.

— Что же с ним не так? — ножка бокала едва не хрустнула в пальцах, и Рэйван от греха

подальше отставил его на стол.

— Мальчишка был обвинён в убийстве. Кажется, ещё студентом значился, когда всё случилось. Точных подробностей не знаю, не люблю копаться в грязном белье чужих семей.

— Сын был казнён? — боясь услышать ответ и разочароваться в своих предположениях, спросил Кристиан. — Или же отправлен в тюрьму?

— Вроде как даже до суда не дошло. Что-то тогда приключилось в дороге. Время-то беспокойное было. Весь конвой и задержанный, как говорили в округе — все убиты были. Тогда дело видимо и закрыли. Ну, раз виновный и так получил по заслугам. А на сам Томарин как будто проклятие сошло с той поры... Жаль старика Аркела. Сын у них единственный был — поздний, — Улхар допил вино и вновь наполнил свой бокал, затем опомнившись и потянувшись к бокалу гостя.

— Райан Дэнвей был единственным сыном? — Кристиан отрешённо кивнул, соглашаясь, хоть и не собирався дальше пить.

Проклятье... Неужели его теория провалилась? Он так рассчитывал на неё. И теперь всё прахом.

— Всё верно. Других детей у Аркела не было. От того наверное сердце и не выдержало. И жена его ненадолго пережила. Ушла следом... А там и война вовсю разгорелась. Разбойники обнаглели вконец. Стало их намного больше. Совсем страх потеряли! Возомнили, что Томаринские леса им принадлежат! Изничтожить бы всех... — Улхар сухо прокашлялся в кулак. — Сама земля досталась в наследство Самусу Элфэру — это племянник старой хозяйки. Да только ни разу и не объявился в Томарине. Боятся, что либо разбойники по его душу явятся, либо само проклятие доберётся.

— Я благодарен, что поделились информацией, — пробормотал Рэйван. Выходит, время потрачено впустую.

Когда же наконец смог покинуть душный дом управляющего, то с некоторым облегчением оказался под покровом прохладной ночи. Но мысли всё равно неслись жарко, не давая покоя нывшей голове.

— Как всё прошло? — спросил Вир, следуя за ним по улице города. — Удалось разузнать хоть что-то?

— Я разочарован, Вир, — устало повёл нывшими плечами некромант. — Полагаю, что слишком рассчитывал на эту встречу.

Окружённая мерцающей крошкой звёзд, луна в небе светила так ярко. Отражалась в лужах, пыталась заглянуть в глаза, словно так же выпрашивая.

— Вы надеялись, что кто-то из Томарина может оказаться родственниками госпожи Трин?

— Верно, Вир, — шумно вздохнул Рэйван. — Это было бы вполне логично. Все её воспоминания связаны с Томарином. Но единственный, кто мог быть её отцом, умер слишком молодым и слишком давно. Возраст не совпадает, Вир. Проклятье... Либо Трин должна быть гораздо старше, либо Райан Дэнвей должен был стать отцом гораздо позже. Но не мог. Ибо был убит. Других детей у старого хозяина Томарина не имелось. Придётся искать дальше.

— Мне очень жаль, — с участием произнёс Вир. — Возможно госпожа помнит эту землю, поскольку гостила там. Возможно она знала Дэнвеев. Возможно их знал Синхелм и заезжал туда. Вариантов множество.

— Сейчас мне неистово хочется иссушить до последней капли Синхелма и получить всё, что сокрыто в его голове! — зло проговорил Рэйван. — Добровольно он ничего не скажет...

Он не договорил, поскольку дурнота неожиданно вернулась, вынуждая ухватиться за плечо помощника.

— Что? Что такое?

— Погоди... — Кристиан исподлобья поглядел на дальний кусок улицы.

Туда, где чернели дома, окружённые бесформенными силуэтами садов. Тьма в груди оживилась, беспокойно клубилась у его ног, укрывая землю. И шёпот... Он действительно слышал его, или это просто очередной порыв ветра? Приглядевшись, Кристиан заметил, как лёгкая чёрная тень мелькнула между домами, тая. Пропала тень — немного отступила и слабость, только подтверждая его опасения.

— Господин? — слышался встревоженный голос Вира.

Но остатки поглощённого ранее проклятия прокрадывались в сознание, тревожили, звали, как и едва слышимый голос, звучавший в голове эхом. Неудавшийся убийца Рэма Найрока объявился? Оставшаяся магия в его крови, чуждая и отвратительная, всё ещё связывала их, откликаясь. Если окончательно растает, то можно потерять след. Мальчишка будет в смертельной опасности. Некромантку, наложившую проклятье, нужно остановить, пока у него ещё есть возможность.

— Нужно известить капитана Брутуса, Вир. Скажешь ему, что покушавшийся на Найрока всё ещё в городе, и я нашёл его след. Отправляйся к стражам. Приведи их. Дух укажет тебе путь, — Кристиан сотворил заклинание, и едва повёл рукой, как чёрный рисунок на ладони ожил, соскальзывая с пальцев в тёмное небо. Ещё миг, и тень закружила вокруг воина, принимая очертания птицы.

Глава 20

След путался, прерывался, то являлся ему едва мерцающей призрачной нитью, то таял, оставляя посреди ночных улиц засыпавшего города. Мешались неразборчивые голоса в голове, не давая сосредоточиться на единственном верном, принадлежавшем беглянке. Да и бежала ли? Или заманивала, почуяв их связь?

Бесчисленные лужи блестели, словно кто рассыпал по дороге осколки звёздного неба. Нарушая их гладь, Кристиан бежал вперёд, разбрызгивая грязную воду. Снова шёпот... Там, впереди, среди редких прохожих, он заметил тёмный силуэт в накидке. Огибая ожидавший кого-то экипаж, Рэйван последовал за некроманткой. Почуввав его беспокойную силу, лошади занервничали, едва не привставая на дыбы. Копыта их звонко застучали по брусчатке.

Он спешил дальше. Улица, ещё одна, и ещё... Небольшой старый мост, тёмный ручей под ним, такой тихий, будто вода в нём застыла. Где же беглянка? Кристиан притормозил и огляделся. Не самая благополучная часть города... Домишки потрёпанные, и в ночи казались одноцветными, серыми. Дороги сплошь земляные, после прошедших ливней превратившиеся в едва подсыхавшие потоки вязкой грязи. Где-то тревожно взывала собака. Снялась с крыш стая ночных птиц. Он слушал, каждый звук, вплоть до шелеста листьев. Но в какой-то момент стало слишком тихо, оглушающе. Будто напрочь утратил слух.

И тогда тьма в его крови вновь отозвалась. Тревожно, ноющей болью в груди, не давая толком дышать. Кристиан шёл вперёд, ведомый той, кто призывал, смешивая его силу с оставшейся своей. Он позволил, желая закончить бесконечные поиски. Стёр испарину с лица рукавом рубашки, и перевёл дыхание. То, что увидел впереди, вынудило притормозить на мгновение, но затем всё же шагнул к высоким кованым воротам.

Старое городское кладбище. Здесь не увидишь богатых надгробий или склепов. Место упокоения бедняков, да безымянные могилы, оставшиеся после войны. Ограда уже принялась ржаветь, как и ворота. Окрасила ладони ржавчиной, которая, благодаря скудному освещению луны, казалась кровью. Кристиан заставил себя толкнуть ворота.

Кладбища... Он ненавидел кладбища. Сотни душ. Большая часть которых не знала покоя и никогда не узнает. Все эти люди... Рэйван ощутил, как кинуло в жар от слабости. Изображение перед глазами покачнулось, и он оперся рукой на ближайший надгробный камень. Нет. К хаосу. Он здесь лишь за тем, чтоб разобраться с той, что покушалась на

мальчишку. Всё остальное — прочь из головы. Прочь из памяти.

— Так вот кто принял проклятье, — тихо зашелестел голос.

Ветер донёс его до Кристиана, вынуждая обернуться. Женщина шла между могильных камней, касаясь их ладонями, которые укрывали ритуальные рисунки. Длинная накидка скрывала лицо незнакомки, не давая Рэйвану разглядеть её.

— Ошибкой было остаться в городе, — во рту противно пересохло, и голос не слушался толком.

— Ошибкой было вмешаться, — она остановилась на свободной части кладбища.

Могильные камни за спиной казались молчаливыми духами, слушавшими их странный разговор. Чёрный туман клубился у ног Кристиана. Осторожно стелился по влажной земле, касался холодных камней, с грубо высеченными на них надписями. Сколько... Сколько же их тут... Вон там — дети. Мал мала меньше... Видимо всю семью земля прибрала. Дальше — бесформенный кусок камня, и на нём лишь несколько полустёртых рун. Тьма замерла перед ним, не смея коснуться. Захоронение послевоенное. Все разом, без имён и упокоения. Такие — беспокойные, на чьих душах кровь, пусть и оправданная, легче всего поднять. Стоит коснуться камня и сотворить заклинание. Даже его сил хватит. Но от одной мысли делалось дурно. Будто снова был не собой, а тем мальчишкой на побоище.

— Я чувствую тебя. Чувствую, как невыносимо тебе пребывание здесь, — она провела ладонью по камню, будто приласкала зверя.

Чуяла его? Несомненно. Пусть связь эта была слаба, но позволяла некромантке считать его эмоции. Оттого и привела сюда, зная, что на кладбище он будет наиболее уязвим. А он поддался, хоть и знал итог. Глупо? Глупо... Но разве мог упустить её?

— Я тоже чувствую тебя, — заговорил Рэйван.

Нужно потянуть время. Она ослаблена, ведь пришлось потратить немало силы на создание проклятья. Капитан Брутус — стихийник земли. Таких как он подобные места питают своей энергией. Вытянув её из земли, он удержит некромантку.

— Я тоже чувствую тебя, — заговорил Рэйван. — Твою ненависть. Отчаяние. Одиночество.

Нити заклинания чёрным туманом продолжали опутывать кладбище. Он позволит некромантке говорить, лишь бы отвлечь и закончить. Она не сможет поднять мертвецов из-за того, что их магия смешалась бы, и заклинание исказится. Неудачно трансформированная печать призыва — и они сами поплатятся за это. Не станет же эта безумная женщина хоронить их обоих здесь? Или станет?..

— Осуждаешь меня?! — выкрикнула она, расставляя руки, поднимая их ладонями вверх.

Порыв ветра подхватил перепачканные в грязи полы накидки женщины. Кристиан услышал тихое постукивание. словно от тех лёгких разрисованных палочек тонга, подвешенных на разноцветных нитях, которые продаются на каждом углу валмирского рынка. Звук усилился, ритмом вторя тому, как трепетала тяжёлая вымокшая ткань. Рэйван понял наконец, что происходило. Весь край накидки некромантки был украшен тонкими костяными шипами, что соприкасаясь и издавали глухой звук.

Глаза женщины затлели бледным светом, вспыхнули им и рисунки, нанесённые на руки. Она забормотала заклинание, резко выставляя руки вперёд, растопырив пальцы. Смертельным веером взмыли в воздух десятки шипов, устремляясь в сторону Кристиана.

Ответное заклинание вынудило их замереть в воздухе, сдерживая совсем рядом, и отвлекло от того, чтоб закончить с плетением печати над землёй.

— Что бы ты сделал с тем, кто отнял у тебя самое дорогое? — она оскалилась безумной улыбкой и ткнула в него перепачканным грязью пальцем. — Ты!

Глядя, как дрожали шипы, пытаясь пробиться сквозь щит, она зло зашипела. Рэйван

почувствовал дрожь в земле, и некоторые надгробные камни стали крениться. Он ощутил тошноту и противный звон в ушах. Стоять. Он должен стоять. Должен удержаться. От слабости вновь носом пошла кровь, и он зло обтёр её рукавом. Силы таяли. Проклятье! Где же Вир и стражи?

— Я знаю, что ты сделал, мальчик, — меж тем продолжила бормотать некромантка. — Я знаю. Я вижу это. Тебе ведь понравилась месть? Понравилось убивать? Верно? Я лишь сделала то же самое!

— Не ровняй нас...

Щит ослаб, поскольку Кристиан вынужден был продолжить творить заклинание, запечатывающее кладбище. Несколько шипов преодолели защиту. Один рассёк скулу, второй пронзил плечо. Стиснув зубы, Рэйван вырвал костяную занозу, чувствуя, как рубашка вымокла от крови в месте раны.

— Ты пыталась убить невинное дитя! — злость придавала сил. — Призывая харлаха, ты могла убить многих! Таких же невинных! Заставила бы пережить их матерей подобное отчаяние?

— Что ж, сын так же нетерпелив, как и его отец! Тот тоже спешил осудить моего Стиана! Не желал и слушать, что мой сын невиновен! Найрок убил моего ребёнка и поплатится за это! Я не знала, что его выродец откроет артефакт в академии. Это вышло...

— Да брось! — мрачно кинул Кристиан, уворачиваясь от летевших шипов. — Тебе плевать на тех мальчишек, что оказались бы рядом с жертвой. Подумаешь, сынки богатеев, таких же негодяев как тот, что убил твоего сына. Ты лишь планировала, что убийство произойдёт в городе и сможешь лично наблюдать за этим. Только и всего! Только поэтому надеялась, что Найрок откроет подарок в Валмире.

— Он виновен! Как и его отец! Виновен по крови! Если моего Стиана больше нет, то и ему не жить! Пусть прочувствует на себе, каково потерять единственное, что дорого и имеет смысл!

Надгробия вокруг вновь пришли в движение. Остро запахло сырой землёй и тленом. Бледно осветилась выплетенная печать Ройхан, наконец законченная Кристианом. Она окружила обоих, дрожа и сопротивляясь силе обезумевшей женщины. Перед глазами то темнело, то вновь прояснялось. Он продержит печать ещё несколько минут. И если Брутус не поторопится, то Валмиру надолго запомнится эта ночь...

— Я знаю твою боль. Но мальчишку не отдам...

Затаив дыхание, Яр осторожно обходил кругом обоих некромантов. Главное сейчас не коснуться печати. Сейчас его не почувят. Слишком много душ вокруг. А в нём — ни капли силы. Тёмная магия искрила на старом кладбище, а неустойчиво мерцавшая печать вовсе не внушала доверия. Глупый некромант! Решил погеройствовать в таком состоянии? Выглядит так, что хоть самого в гроб заколачивай.

Проклятье... И что он здесь делал? Он — жалкий смертный, вооружённый лишь парой ножей. Хельга ведь учила, что любое кладбище — это священная земля. Здесь некроманты теряют силу. Так что же не сработало в этот раз? Подобное могло произойти, если только земля была осквернена убийством священнослужителя. Неужто кто-то постарался? Рэйван совсем слаб. Что с ним случилось? Куда девал свою силу, ведь ранее походил на демона. Не испил кровь девственников перед выходом в город?

Яр чувствовал, что взмок от волнения. Рубашка противно липла к спине. Сунуться меж двух некромантов... Он — безумец. Точно — безумец. Медальон жёг грудь, будто и так не знал, что перед ним обладатели силы. Глядя на покосившиеся могильные камни, и то, как шевелилась чёрная земля в округе, он одними губами повторял все известные молитвы. Даже то глупое защитное заклинание, которое однажды подслушал в трактире. Будто оно могло помочь простому человеку.

Ну что ж... У него будет один шанс. Только один. Сумасшедшая некромантка прикончит на месте, как только узнает о его присутствии. Поэтому промахнуться никак нельзя.

Кристиан Рэйван будет ему должен. Да. Если они оба выживут.

Седые космы разметались по плечам женщины, когда порыв ветра сбил капюшон накидки. Та вилась за спиной, как демонские крылья. Она вновь выкрикнула нечто, пытаясь отвлечь Рэйвана, и сотворила очередное заклинание. Некие шипы или иглы, он не мог понять в темноте, атаковали некроманта, подчиняясь силе врага.

Вот он — шанс. Она увлечена попыткой убить Рэйвана, а тот в свою очередь — желанием удержать щит. Яр крепче сжал привычные ножи. Ладони мокли от волнения. Он должен. Должен суметь. Ноги вязли в грязи, и томаринец встал устойчивее, чувствуя усиливавшуюся в земле дрожь. Ещё мгновение — и лезвие сверкнуло в ночи, устремляясь к своей жертве, настигая её.

Удар пришёлся в спину, вынуждая некромантку глухо вскрикнуть и пошатнуться. Она повернулась к своему неожиданному убийце, тяжело оседая и протягивая руку, на которой в последний раз вспыхнули руны. Хрипя, пыталась бормотать проклятия, но силы оставили её, вынуждая рухнуть у холодных камней, умолкая.

— Томаринец... — наконец заметил его Кристиан, но умолк, также как и Яр, чувствуя продолжавшуюся дрожь в земле.

Кажется, стражи на подходе. Понял это и Яр, быстро пряча оставшийся нож в крепление на поясе. Пора убираться. Вот уж с кем не собирался встречаться, так это со стихийником земли. В последнее время он ненавидел земляных. А капитан стражей им и являлся.

— Нужно будет поговорить, Рэйван! — кинул он на прощание некроманту, скрываясь в ночи.

— Непременно... — пробормотал Кристиан, слыша шаги прибывших стражей, и взволнованный голос Вира.

— Решили, что можете делать мою работу, каэль Рэйван? — высокий и худощавый, Брутус приблизился к нему, кидая короткий взгляд на лежавшее тело убийцы.

— Что вы, Брутус. Я лишь немного увлёк её беседой... — без сил отозвался Кристиан.

— Из-за вас мне бумажек писать вдвое больше, — видя, как пошатнулся некромант, капитан подставил своё плечо, поддерживая его.

Затем нервно встряхнул белоснежный платок, вытащенный из кармана форменного камзола, и вручил Рэйвану, чтоб обтёр лицо от крови.

— Нож, позвольте спросить, принадлежит вам?

— Понятия не имею, откуда он здесь, — Рэйван принял платок и прижал его к раненной скуле промокая кровь. — Пытаясь поднять полкладбища, она просто споткнулась об него.

— Я так и думал... — кивком капитан велел своим людям заняться телом. — Полагаю, вы тоже случайно споткнулись?

— Верно.

— Несколько раз.

— Вы просто читаете мои мысли.

— И что же делали на этом старом кладбище? — чёрная бровь Брутуса изогнулась.

— Так не было меня здесь.

— Показалось?

— Совершенно верно.

— Так и напишем... — вздохнул капитан.

— Верно. Зачем лишнюю бумагу переводить?

Глава 21

Воспользоваться медальоном для переноса, сил не осталось. Да и был рад пройти на своих двух, как простой смертный. Ночь тиха и безмятежна, будто и не случилось ничего. Пересекая внутренний двор замка, и бредя теперь по одному из тёмных коридоров, Кристиан поморщился и коснулся повязки на плече. Рубашка, одолженная у Брутуса, была тесна и трещала по швам при каждом движении. Придётся отсылать помощника к портному за обновкой для капитана.

Весь замок спал, за исключением нескольких умаев, наводивших порядок, чтоб поутру не беспокоить обитателей Арда. Кристиан кивнул тяжёлой головой каждому прислужнику, отвечая на молчаливое приветствие. Кем они были, каждая из неупокоенных душ? Находясь здесь, а не скитаясь по свету бесплотными духами, они словно получали отсрочку. Возможность смирения с неизбежным, хоть малое исцеление души и шанс уйти с миром. Окружённые живыми, умаи и сами чувствовали себя таковыми. Порой, даже слишком...

В одном из проходных залов Рэйван остановился. Увлечённо, не замечая постороннего присутствия, один из ардовских прислужников занимался тем, что уж никак не входило в его обязанности. И, тем не менее, действие это завораживало, вынуждая некроманта не мешать, и любоваться им.

Наклоня свечу, и позволяя горячему воску стекать на пол, умай рисовал им. Плавно ложились линии, вторя мягким линиям длинных волос. Вырисовывали контур глаз и улыбки. Такой знакомой, что сердце в какой-то момент отозвалось, наполняясь одновременно и тихой теплотой и грустью.

— Ты талантлив, — проговорил он, и рука умая замерла со свечой.

Лейтон поднялся с каменного пола, и обернулся к хозяину Арда, склоняя голову в приветствии. Он встал рядом с недорисованным портретом так, будто желал защитить своё творение.

— Я в порядке, — заверил Кристиан, видя, куда устремился встревоженный взгляд умая.

Алое пятно проступило через повязку, испортив рубашку. Кажется, в этот раз без помощи Зорик не обойтись. К ардовскому целителю идти совершенно не хотелось, поскольку не собирался давать повода новым сплетням. Лейтон ни капли не поверил его заверениям, и покачал головой. Силуэт его мягко мерцал, делая лицо Рэйвана ещё бледнее. И кто из них сейчас больше походил на восставшего мертвеца? Кажется, об этом и думал умай, когда некромант встал рядом, вновь любясь портретом. Как жаль, что нельзя сохранить его...

— Похожа, — Кристиан склонил голову набок, рассматривая нарисованное белым воском лицо своей невесты.

Лейтон так же, но с некой печалью склонил голову, повторяя за ректором. Затем настойчивым жестом указал на его плечо.

— Да. Обещаю, что позабочусь об этом, — подчинился Кристиан. — Но сейчас скажи мне. Она знает о цене вашей дружбы?

Плечи умая напряглись. Он медленно отрицательно мотнул головой. Призрачный ореол вокруг умая мерцал всполохами, выдавая чувства.

— Конечно же Трин не знает. Разве может быть иначе? — Кристиан сложил руки на груди, немедленно ощутив боль в плече, и прислонился к холодной стене. Он снова посмотрел на рисунок. — В Арде с три десятка умаев. Деверукс решил, что это взаимодействие будет полезно и воспитанникам академии, и неупокоенным душам. Все прислужники в Арде были призваны дедом. Он заключил договор с каждым. При нём трое покинули академию, найдя упокоение. При мне — двое. Это прекрасный результат, Лейтон. Я должен это признать. Так уж сложилось, что я не смогу продолжить данную

традицию. И каждый из вас вновь отправится в мир, в тот момент, когда сердце Деверукса Рэйвана остановится. Но я искренне надеюсь, что каждый из умаев академии найдёт свой путь к свету раньше, чем боги призовут моего деда. Ты был особенным для Деверукса. Поскольку по неизвестной мне причине стал беспокойным духом Арда, долгое время пугая его юных обитателей.

Лейтон неловко повёл головой.

— Я не осуждаю, — устало улыбнулся Рэйван. — Деверуксу ты понравился. Он заключил договор, чтоб ты мог остаться в Арде, раз твоя мятежная душа того желала. И верил, что это для тебя — шанс. Время. Возможность.

Умай кивнул, сжимая в руке подсвечник. Воск продолжал капать с него на пол, застывая восковыми слезами у ног прислужника.

— Я вижу, что свет твоей души так ярок. Осталось немного и сможешь обрести покой. Полагаю, что в большем причиной тому дружба с Трин. Она способна зажечь даже самую тёмную душу...

Лейтон снова кивнул, мерцая призраком.

— Но дружба с Трин убивает тебя в некотором смысле, Лейтон. Открываясь ей, ты нарушаешь заключённый договор.

Прислужник встретился с ним взглядом. Кристиан выдержал его, продолжая говорить.

— Умай должен быть нем. Безлик. Должен служить во благо и не тревожить живых своим прошлым. Не должен раскрывать себя и являть истинный облик. Сколько из названных пунктов ты уже нарушил, Лейтон? Ведь как только нарушишь последний — исчезнешь. Вновь рискуешь стать неприкаянным духом, продолжив скитаться по свету. Мёртвые не должны привязываться к живым. А живые — к мёртвым. Таков порядок. Таковы правила, будь они неладны... Я не могу запретить тебе эту привязанность. Это твоё право. Твой выбор. Но до конца ли осознаёшь итог? Возможно правильное уйти с миром. Ведь и Трин будет страдать, когда узнает, какова была цена этой дружбы. Она желает тебе упокоения, — Кристиан опустил руку на плечо умая, пожимая его, и отправился к лестнице. — У неё доброе сердце, друг мой...

«Доброе...», — мысленно согласился с ним Лейтон. Он смотрел Кристиану вслед, пока тот поднимался по лестнице. Мальчишка... Додумается обработать толком рану или обратиться к целителю? Ему пенял на то, что Трин будет переживать, а сам что? Своих же слов не слышал?

Добираясь до части замка, где располагались личные комнаты преподавателей, Кристиан задержался перед нужной ему дверью. Спит ведь? И как пить дать начнёт отчитывать. Ну что ж... Обречённо вздохнув, он тихо постучал. Ждать пришлось недолго. Зорик не стала даже спрашивать, кого принесло в ночной час. Распахнула дверь, окинула гостя беглым взглядом, и сердито велела заходить.

— Во что ты опять ввязался? — возмутилась она, жестом указывая Кристиану на кресло. — Садись немедленно!

— Простая заноза, — попытался оправдаться Рэйван, тяжело опускаясь в предложенное кресло.

— Боги... — Зорик нахмурилась, глядя на алое пятно, украшавшее явно чужую рубашку. — Где ты взял эту одежду? Кот тебя ранил? Что случилось? От тебя разит тьмой... Чужой тьмой.

— Это рубашка капитана стражей. Он расследует дело о покушении на Найрока. Можешь просто немного... Я не хочу идти с этим к Серласу. Целитель слишком любопытен.

— А я — нет? — поджала губы Зорик. — Расстёгивай рубашку.

Он послушался, открывая взгляду сестры пропитанную собственной кровью повязку.

— Зла не хватает... — прошептала она, становясь рядом с ним у кресла.

— Тебе и не должно его хватать. Ты — инрёйг.

— И с верой в это ты шёл сюда, Крис? — вздохнула Зорик.

— Несомненно... — Рэйван ощутил покаяние и нараставшее тепло в плече, когда сестра зашептала заклинание, опуская на него ладонь.

Пальцы с нежностью коснулись и скулы, где остался порез от шипа. Кожу стянуло, запекло, вызывая желание тряхнуть головой, но Кристиан терпел, позволяя исцелять его.

— Отдыхай, — велела Зорик. — Закрой глаза и дыши спокойно. Скоро полегчает.

— Не смей тратить больше, чем необходимо, — не поддался её словам некромант. — Достаточно будет и ...

— Я сама решу, когда будет достаточно, дорогой братец! — опасно понизился голос Зорик. — Так что там с расследованием?

— Для Найрока больше нет угрозы, — уклончиво ответил Кристиан.

— А для тебя всё ещё есть, — пригрозила она, склоняясь к нему ниже. — Всё ещё есть.

— Женщина, покушавшаяся на студента, была убита этой ночью. Она мстила за своего сына, осуждённого и казнённого по обвинению Лоруса Найрока.

— Она ранила тебя? — Зорик ласково взъерошила его волосы.

Всегда так делала, сколько Кристиан помнил. Но сейчас не было желания ворчать или уворачиваться от этой ласки.

— Её слова били больней... — вздохнул он. — Но главное — мальчишка в безопасности.

— Я хочу, чтоб и ты был в безопасности. Ты слаб. И вновь так рискуешь. Пора это забывать.

— Забывать что? — с удивлением посмотрел на неё Кристиан.

— Что тебе больше нет, ради кого жить. Сейчас ведь всё иначе? И тебе придётся объясняться уже не передо мной. Не хотела бы я оказаться на твоём месте... — нараспев проговорила Зорик, потрепав его по небритой щеке, как ребёнка.

Глава 22

Сон не шёл к нему. Приведя себя наконец в порядок, и переодевшись, Кристиан потрянул головой, убирая с глаз влажные после душа пряди волос. Он надел чистую рубашку, застёгивать не стал, повёл плечами, проверяя ощущения. Боль практически исчезла, и затянувшаяся рана лишь доставляла некоторый дискомфорт. Зорик не послушалась, истратила слишком много, но выбраться из её цепких рук было делом невозможным. Не отпустила, пока не «спасла». На скуле всё же остался тонкий шрам от пореза, но и тот пропадёт через пару дней.

Кристиан остановился у окна. Пряча руки в карманы брюк, он смотрел на ночной двор. Тихо. Безмятежно. Только мысли метались, не давая голове покоя. Теперь ему есть, ради кого жить. Так сказала Зорик? Теперь есть тот, благодаря кому хочется устоять на краю. Есть свет и есть тепло. Холод и мрак отступали. Втягивали свои когти. Прекращали терзать его душу, стоило подумать о той, что находилась где-то на другом конце замка. Спит? Наверняка нет. Ему хотелось, чтоб не спала. Чтобы хотела увидеть так же сильно, как и ему сейчас.

Медальон на груди Кристиана блеснул металлом в свете яркой луны. Он поднял руку и коснулся артефакта. Несколько печатей проявилось на полу, приходя в движение. Ещё мгновение — и знакомый силуэт возник в их свечении, походя на призрак. Тёмные

потоки волос осыпали плечи и спину, контрастируя с белоснежной тонкой ночной сорочкой. Румянец возмущения окрасил щёки, а руны проступили на руках, которые Кристиан придержал за запястья, ощущая, насколько горячи. Тьма и пламя — странный союз. Но сейчас не хотелось рассуждать об этом.

— Ты... — её дыхание участилось.

— Я, — улыбка тронула его губы.

Злилась. И от того выглядела ещё желанней. Пусть злится. Он не хотел видеть её слёз. Никогда. И никогда не хотел быть причиной их.

— Ты снова пострадал? — Трин приподнялась на цыпочки, пытаясь ближе разглядеть его лицо.

— Скорее — моя рубашка.

Кристиан коснулся её губ лёгким поцелуем.

— Ещё и шутишь?

— Я устал быть серьёзен, Спичка, — ладони Рэйвана скользнули по её рукам вверх, опускаясь на плечи.

— Ты ведь не с управляющим подрался?..

— Нет, — усмехнулся он. — Просто споткнулся. В городе темно. Дороги толком не видать. Нужно будет написать королю, чтоб сместил с должности Улхара, раз не может развесить фонари.

Трин поджала губы, которые ему вновь захотелось поцеловать. Хотелось касаться её. Ощутить нежность кожи под пальцами и прохладу шёлковых волос.

— Останешься, — тихо произнёс Рэйван.

Вопрос или требование? Была ли разница? Сердце Трин учащённо забилося.

— Останусь, — она произнесла вслух? Или мысленно?

Теперь стояла перед ним, пытаясь скрыть смущение. В тёплых отблесках свечей и горевшего камина казалась нереальной. Прекрасной... Кристиан склонил к ней голову и взял за подбородок. Поцеловал, едва касаясь и будто проверяя, не собралась ли бежать прочь, осознавая происходящее.

Словно читая его мысли, Трин рискнула обнять Кристиана за шею. Волосы его всё ещё были влажными. От него пахло так знакомо. А тепло тела обволакивало, кружило голову. Теперь сама прижалась к его губам, тем самым подтверждая молчаливое согласие. Вместо печати... Так сказал он когда-то.

Кристиан ответил, и в этот раз поцелуй был далеко не нежен, зовущий, требовательный. И он никак не мог насытиться им. Всплеск силы, вызванный новыми неизвестными чувствами, хлынул по венам, наполняя Трин до кончиков пальцев. Свечи вспыхнули ярче, и золотом стихия принялась рисовать по её телу замысловатым рисунком, превращала волосы стихийницы в огненные потоки. Кристиан окунул руки в сверкавшие пряди, осыпавшие спину Трин. Она горела звездой в его объятиях, и согревала своим светом, не причиняя боли.

— Ты прекрасна...

Он спустил с плеч бретели её ночной сорочки, позволяя невесомой ткани упасть к ногам девушки. Повторяя золотой рисунок, провёл кончиками пальцев по ложбинке между грудями, чувствуя биение сердца. Оно стучало так сильно, что заглушало его собственные мысли.

— Ты тоже... — прошептала Трин, отзываясь на ласку.

Она едва касалась его обнажённой груди ладонями. Будто всё ещё боясь ранить своей

силой и обжечь. Трин сняла рубашку с Кристиана, бросая вслед за собственной сорочкой. Осмелев, неумело гладила плечи и спину жениха, любуясь игрой мышц. Такой отклик ещё больше разжёг его желание. Кристиан смотрел на её лицо, пылающее от избытка эмоций. Боги... Как же она прекрасна. И принадлежала ему. Только ему. Всегда.

Не сдерживая себя, Кристиан вновь целовал её, прижимая всем телом, проводя ладонями по обнажённой спине, укрытой завесой длинных огненных волос. Трин обвила его шею руками, позволяя увлечь к кровати. Едва упёрлась ногами в её край, остановилась, будто в последний раз замирая в нерешительности. Затем, отгоняя прочь ненужные сомнения, потянулась к ремню на брюках Кристиана. Едва справилась с пряжкой, как вытащила из шлёвок и бросила на стоявшее рядом кресло. Кристиан позволил освободить его от оставшейся одежды, не оставляя более преград между ними.

Не давая Трин вновь поддаться сомнениям, он увлёк за собой на прохладную постель. Жар тела Кристиана окутал, а губы не дали сорваться словам, прерывая их поцелуем. Трин ответила, скользя ладонями по плечам и спине, порывисто глядя его. Ей казалось, что теряет связь с реальностью, погружаясь в нахлынувшую волну наслаждения. Это незнакомое чувство пугало своей бесконтрольностью, но она желала продолжения.

Кристиан что-то глухо прошептал, смешивая их прерывистые дыхания. Но слова сейчас не имели значения. Её сила накатывала волнами, то наполняя удивительным жаром, то медленно тая. Трин водила кончиками пальцев по груди Кристиана, очерчивая проступавший на ней чёрный рисунок. Он был прекрасен... Удивителен... Трин прильнула к нему всем телом.

Кристиан желал её так неудержимо, что биение собственного сердца оглушило его. Он подвёл руки под ягодицы невесты и прижал её к себе. Чувствовал, как преодолел некую преграду, которая осталась позади ощущением тёплой тесноты, когда приняла его в себя.

Трин буквально вспыхнула от новизны и силы ощущений, подаваясь к Кристиану навстречу. Россыпь тающих искр укрыла их. А взметнувшееся следом пламя танцевало вокруг постели, смешиваясь со всполохами голодной тьмы. Кристиан успокоил Трин поцелуем, не в силах остановиться. Доверяясь ему, она позволила увлечь себя в омут новых чувств. Она принадлежала ему. Только ему, растворяясь в собственной стихии и в этом чувстве.

Позже, когда страсть их утихла, и Трин безмятежно уснула, Кристиан осторожно укрыл её. Затем он долго стоял, глядя на неё, спящую. За что судьба дала ему этот подарок? С ней он никогда не будет знать покоя. И никогда не будет одинок. Никогда... Сейчас это слово имело совсем иной смысл. Оно не было наполнено холодом и одиночеством. С Трин всё иначе. Рядом с ней ощущалось это удивительное чувство покоя и умиротворения. Наверное, это и было счастье...

Будить не хотелось, но близился рассвет. Утром Трин захочет оказаться в своей комнате. Кристиан склонился к ней и провёл тыльной стороной ладони по плечу.

— Трин.

Пришлось позвать ещё раз, ожидая, пока откроет глаза. Они на мгновение сверкнули золотом, затем угасая, и обретая свой привычный карий оттенок. Трин приподнялась на постели, тут же подтягивая повыше край одеяла. Сорочку Кристиан оставил рядом с нею, не желая лишний раз смущать и делая вид, что любовался предрассветным видом на ардовский двор.

— Скоро подыметесь солнце, — предупредил он, слыша, как Трин рискнула откинуть одеяло и одеться.

— Я... Я заснула. Тебе нужно было сразу разбудить меня... — слышался её взволнованный голос.

— Для этого не было причин. Тебе нужен отдых.

— Тебе он нужен не меньше, — поспорила Трин, обхватывая себя руками, и пройдясь босиком по комнате. — Твои раны не зажили толком.

— Ни одна из них не стоит твоего волнения, Спичка, — Кристиан повернулся к ней, прислоняясь к подоконнику.

— Скажи... — она нашла в себе мужество смотреть на него и даже вполне похвально скрыла смущение. — Скажи, как прошла твоя встреча с Улхаром?

Приблизилась, остановилась за шаг, вызывая желание обнять и успокоить. Но Рэйван понимал, что сейчас ему благодарны за то, что просто ничего не предпринимал.

— К сожалению, эта встреча не принесла собой ожидаемого результата.

— Улхар не знает, кем был хозяин земли Томарина? Или он не захотел говорить с тобой? — в комнате было прохладно, и Трин подошла к Кристиану ближе, ощущая исходившее от него тепло.

Конечно же это было глупо, разве могла и в самом деле ощущать его с такого расстояния, не прикасаясь? Но позволила себе эту наивную фантазию, действительно согреваясь под его взглядом, стоя так близко.

— Нет, управляющий был достаточно разговорчив, — Кристиан подался вперёд, и всё же привлёк к себе невесту, согревая в кольце своих рук. — Но услышанным я был разочарован. Признаю, что и в самом деле решил, будто кто-то из Томарина мог оказаться частью твоей настоящей семьи. Улхар сам того не зная опроверг это.

— Что же он сказал?

— Сейчас земля перешла в наследство Самусу Элфэру — племяннику прошлых хозяев. Но больше двадцати лет назад Томарином владел Аркел Дэнвей.

— Дэнвей? — удивилась Трин.

Глава 23

Понимая, что разговор мог затянуться, Кристиан поднял её на руки и отнёс в постель, предлагая укрыться. Трин возмущилась, напоминая о его раненом плече, но никто не слушал. Устраивая её на кровати, Кристиан вернулся к окну. Сложил руки на груди, отмечая про себя, что в этот раз плечо лишь заныло, но рана не открылась. Стоило в который раз сказать спасибо Зорик. И проведать её сегодня. Уже жалел, что обратился за помощью. У этой женщины отсутствовало чувство самосохранения.

Трин закуталась в одеяло, глядя на Кристиана. Хвала богам, он уже не походил на приведение, значит, она могла хоть немного унять беспокойство. Хотя появилось то, что теперь добавило волнений. Дэнвей? Кристиан сказал, что Томарином ранее владели Дэнвей? Являлся ли Аркел родственником того студента, что был когда-то другом её отца?

— Тебе знакома фамилия Дэнвеев. Ты вспомнила её? Или где-то слышала ранее?

— Я слышала её в Арде. Но возможно это лишь совпадение, — предположила Трин.

— Улхар рассказал мне о несчастьи, постигшем этот род. Это произошло слишком давно, тем самым, исключая возможность твоей принадлежности к Дэнвеям. Либо есть нечто, что мне пока неизвестно. У Аркела был единственный наследник. Сын. И более двадцати лет он был обвинён...

— В убийстве... — договорила за него Трин. — Его обвинили в убийстве Ариса Бранта. Он был сыном королевского советника Виберта Бранта и студентом академии Ард.

— Откуда ты знаешь об этом? — пришёл и черёд Кристиана удивляться. — Я не знал этих подробностей. Управляющий не упоминал имя жертвы и принадлежность обоих к Арду.

— Так уж вышло, что я слышала об этом от некоторых преподавателей. Мне хотелось узнать о годах учёбы отца. Дэнвей был его другом. Как и Фергас. Когда они были на последнем курсе, то что-то произошло в одной из смотровых башен боевого корпуса.

Случился сильнейший пожар, в котором погиб Брант. Из того, что удалось узнать, мой отец и Фергас пытались. Но им не удалось. Так Дэнвей был осуждён? Почему ты решил, что время этого происшествия исключает наше родство?

— Он был слишком молод, когда умер, чтоб приходиться тебе отцом. Дэнвея убили во время конвоирования в Деспин. Не выжил никто, ни он, ни сопровождавшая охрана. Других детей у Аркела не было. Он умер вскоре за сыном, как и его супруга. Годы не совпадают, Трин. Суд так и не состоялся. Якобы после этого происшествия дело закрыли. Я могу порасспрашивать капитана Брутуса. Но во время войны в Валмире многие здания сильно пострадали, и некоторая часть ценных документов была утеряна. Хотя, вдруг нам повезёт?

— Прошло столько лет... — Трин обняла Кристиана за талию, прижимаясь щекой к его груди. — Сможет ли кто-то вообще помочь в этом вопросе? Я лишь одна из тысяч. Столько людей погибли после вторжения вердианцев. Столько пропало без вести.

— Будем верить, — Кристиан крепче обнял её. — Никогда не оставляй веры, Трин. А сейчас тебе лучше вернуться в свою комнату, если не хочешь объяснять соседке, где пропадала всю ночь.

Улыбка тронула губы Рэйвана и Трин вспыхнула в его руках. Дразнил её? Но уж точно был прав. Ивон и так стала крайне подозрительна в последнее время. И причин на то было более чем достаточно. Ведь если не пропадала у Кристиана в комнате, то по ночам продолжала брать уроки танца у Лейтона. И надо признать, делала некоторые успехи, уже не отдавливая ноги своему бедному приятелю...

— Мне пора, — с самым серьёзным видом заявила Трин, перекидывая волосы на грудь и тем самым хоть немного прикрывая себя.

Но взгляд серебряных глаз некроманта говорил о том, что все её попытки — жалки. И он прекрасно помнил, что скрывалось за завесой шёлковых волос и невесомой тканью ночной сорочки. А последовавший прощальный поцелуй лишь подтвердил эти мысли. Голова кружилась, и вовсе не от артефакта, применённого для переноса Кристианом. Она была пьяна им, не желая освободиться от этих удивительных чар.

Оказываясь в собственной постели, и с головой укрываясь одеялом, Трин всё ещё ощущала поцелуй. А также и нечто, довольно быстро отвлекшее от романтических мыслей.

— Где тебя носило, позволь спросить? — не предвещавший ничего доброго, прозвучал голос Ивон, когда стянула с неё край одеяла одной из прядей собственных волос.

— Если я скажу, что хожу во сне, ты ведь мне не поверишь, да? — Трин нервно улыбнулась.

— Даже не пытайся врать! — сердито сощуриваясь, подруга предупреждающе ткнула в её сторону пальцем. — В последнее время ты постоянно куда-то пропадаешь. И если я в прошлые разы велась на то, что ты уходила сама, наивно полагая, что сплю, то в этот раз ты перенеслась с помощью артефакта. Ведь не станешь отпираться, Синхелм?

Ивон поднялась с кровати, сверля Трин пристальным взглядом.

— Не стану, — сдалась она. Ладно, однажды с враньём пришлось бы покончить. Придётся считать, что этот момент настал. — Я действительно перенеслась при помощи артефакта.

Довольная, что оказалась права, Ивон прогулялась по комнате. Потом остановилась, в некоторой растерянности глядя на подругу.

— Погоди. Но в Арде только один такой артефакт.

— Верно, — обречённо кивнула Трин.

— И он принадлежит ректору академии.

— И это тоже верно.

— Ты украла артефакт Рэйвана? — Лейвр, по её разумению, выбрала самый правдоподобный вариант.

— Нет, конечно, — Трин поднялась с постели, понимая, что поспать всё равно не удастся, а небо за окном всё светлело. Скоро прозвучит сигнал подъёма. Нужно переодеться и привести себя в порядок. — Он сам использовал медальон.

— Сам?

— Сам.

— И сам переместил тебя сюда?

— Да.

— На рассвете.

— Да.

— В одной ночной сорочке...

— Да.

— Нет.

— Да, — вздохнула Трин, открывая свой шкаф и снимая с перекладины вешалку с формой.

— Нет... — огорошено продолжала бормотать Ивон за её спиной.

— Да, — усмехнулась Трин.

— Но тогда...

— Кристиан Рэйван и есть мой жених, — Трин прошла мимо подруги, направляясь в ванную комнату. — Мне очень жаль, что приходилось скрывать это и от тебя, и от Талла. Но для этого были причины. Надеюсь, что ты простишь меня и поддержишь.

— Что?! — испуганно развернулась к ней Лейвр, припоминая все страшилки, которыми недавно делился Шагрим. — Это... Это... Но он ведь некромант, Трин. То есть. Ты ведь знаешь о том, что они могут сделать с...

— Ивон, — притормозила Трин. — Ты же не серьёзно сейчас?

— Прости, — Ивон принялась нервно плести косу. — Прости. Я немного не в себе. Да. Так и есть. Ты и Рэйван. Рэйван и ты... Боги...

— Да. Для меня это тоже до сих пор кажется чем-то нереальным. Я и такой человек, как Кристиан. Многим мы будем казаться совершенно неподходящей парой. И полагаю, что каждый, кто не стеснён манерами, сочтёт своим долгом сообщить мне об этом. Но я справлюсь, Ивон. Справлюсь. Потому что Кристиан Рэйван стоит того, чтоб рискнуть. Он прекрасный человек. Удивительный. У него доброе сердце.

— Кто в Арде станет спорить о том, что у Рэйвана не доброе сердце, после всего, что произошло? — Ивон со вздохом присела на край кровати Трин. — И не смей думать, что не подходишь этому некроманту! Я просто слишком ошеломлена... И всё Шагрим! Наговорил мне всякой ерунды...

— В каком-то смысле Талл был прав.

— Что? — ахнула Лейвр.

— Мне сложно говорить об этом. Но отец хотел моего союза с некромантом именно по причине дара огнетворца. Таким образом, он желал избавить меня от тягот обладания силой, полагающейся лишь мужчинам.

— Трин! — Ивон поднялась с постели, приближаясь к подруге. — Как Фемир мог

задумать лишить тебя силы?

— Мне не остаётся иных предположений, поскольку все претенденты, выбранные им — некроманты. Отец не хотел, чтоб я поступала в Ард, Ивон. И он рассчитывал, что благодаря «помощи» его друга, я быстро вылечу из академии, сдаваясь его воле. Но Кристиан поддержал меня. Помог поверить в себя. Стал тем подарком судьбы, который я совершенно не заслуживаю. Я принесла ему столько тревог. Но его сердце всё равно открыто мне. И я чувствую то же самое.

— Я испытываю грусть и одновременно — зависть... — Ивон мечтательно вздохнула. — Так вот у кого такой отличный вкус. И вот кто подарил то великолепное платье. И сладости. Ах... Теперь даже вопроса не возникает, кто откроет бал и будет танцевать первый танец с ректором!

— Не напоминай... — несчастно зажмурилась Трин. — Я всё ещё надеюсь, что Кристиан выберет кого-нибудь для поддержания традиции, и я не опозорюсь перед всеми.

— Точно. Ты же не умеешь танцевать, — Ивон припомнила их беседу на городском рынке. — Тогда нас ждёт отличное зрелище, подруга. Этот бал точно запомнится надолго...

Глава 24

Воистину — слухи правят этим миром... Начало учебной недели началось именно с них, распространявшихся по академии с поразительной скоростью. Кто-то из старшекурсников показывал мятые страницы городских газет, кто-то шептал на ухо товарищам, а кто сплетничал, не таясь, обсуждая последние новости в коридорах и аудиториях.

Но все они сходились к одному: недавней ночью, ректор академии Ард, в компании капитана городской стражи, напившись до беспамятства, пытались раскопать несколько могил на старом кладбище. Наверняка для сотворения проклятия или наведения мора. Злодейство было остановлено местными жителями, среди которых есть не смертельные, но потери. Как итог: капитан стражей Йен Брутус был уволен, а ректору, бесчестно воспользовавшемуся своими связями, как всегда всё сошло с рук...

Мнения студентов разделились. Кто-то согласился, что ради важного дела можно и кладбище перекопать. Кто-то всё же мыслил трезво, полагая, что наивно верить всему написанному в каких-то газетах. Нашлись и те, кто в самом деле задумался, что ж такого интересного пытались накопать ректор и стражи на городском кладбище.

Наспех проведя совещание, на котором объявил о «побеге» Вильят и том, кто временно её заменит, Кристиан покинул душный зал совещаний. Мрачным демоном он шёл по коридору, сминая найденную на одном из подоконников газету. Та обратилась в прах, просыпавшись между пальцами некроманта.

— Крис, — окликнула его Зорик, замечая, как брат направился к северному крылу замка, явно собираясь подняться на одну из смотровых площадок. — Да стой же!

Придерживая длинную юбку, она всё же догнала его, переводя дух. Кристиан позволил ей следовать за ним, сбавляя шаг. Был так зол, что даже упустил тот факт, что мог перенести их обоих с помощью медальона. Но пока шёл, немного успокаивался. Оно и к лучшему. Сгоряча мог сотворить нечто, о чём несомненно пожалеет. Это хорошо, что Зорик рядом. Это позволяло сдержаться.

Ступени винтовой лестницы окутал чёрный туман. Он клубился, принимал причудливые пугающие очертания, ластился к ногам Зорик. Но она бессовестно игнорировала угрозу, следя за братом, идущим впереди. Кристиан подал ей руку, помогая подняться на площадку. Их встретил свежий, и довольно сильный ветер. Он остужал, доносил до них голоса студентов, находившихся внизу, на внутреннем дворе, и шелест листвы с близрастущих деревьев. Кристиан оперся на каменное ограждение площадки, и Зорик присоединилась к нему.

— Ты никогда так остро не реагировал на газетные сплетни, Крис. Валмирские писаки

постоянно придумывают небылицы о тебе. Уж слишком ты полюбился им. Но в этот раз ты так зол.

— В этот раз они впутали хорошего человек, Зорик. И этот хороший человек пострадал из-за меня, — сухо проговорил Рэйван. — Брутус действительно был уволен. Это не сплетни. Начальство, увы, не терпит подчинённых умнее себя. И не любит тех, кто отказывается выполнять глупые приказы. Я знаю капитана как достойного офицера и прекрасного специалиста. Того, кому можно доверять. Как и он мог доверять мне до сегодняшнего дня. Но сегодня всё это доверие было разрушено.

— Уверена, что капитан будет оправдан, — Зорик с участием посмотрела на него, убирая за спину волосы, которые немедленно подхватил ветер. — Эта статья — сплошная нелепица.

— Это не имеет значения. Они просто воспользовались ситуацией. Можно конечно унизиться и попытаться воздействовать через Улхара. Уж очень он пуглив становится, стоит приплести к разговору короля. Но...

— Ты не виноват, — Зорик коснулась его плеча. — Не терзай себя.

— Я устал. Я правда очень устал. Мне опостылела необходимость решать псевдоважные вопросы. Я ломаю голову над тем, как организовать бал, вместо того, чтоб потратить время на то, что этого действительно стоит! — Рэйван кинул на сестру потемневший взгляд.

— Вильят решила, что напакостит тебе с балом и сбежала? Небось затаится где-то неподалёку и будет наблюдать за твоими действиями. Вот змея... Но что ты намерен делать с этим вопросом? Времени осталось не так много. Стоит признать, что она отлично разбирается в подобных делах.

— Но она не единственная, дорогая Зорик, — Кристиан опустил ладони на ограждение.

Теперь он глядел на двор, где продолжали болтать студенты, пользуясь перерывом между занятиями. Их голоса обрывками доносил ветер.

— В Арде предостаточно «специалистов», прекрасно разбирающихся в балах и всех их тонкостях. Каждая из этих юных каэли назовёт тебе и порядок танцев, и что новомодно в этом сезоне в столице. И где лучше заказать цветы или музыкантов. И знаешь, Зорик, за что каждая из этих юных очарований, готова будет биться до последнего, желая превзойти подружек?

— Ты же не собираешься?..

— Именно! — ухмыльнулся некромант. — Я собираюсь объявить конкурс на лучший план проведения бала. Победительнице будет дарована честь руководить организацией мероприятия, и оформить его в соответствии с собственной задумкой. В конце концов, для кого проводятся все эти балы? Пусть не только маются выбором нового платья, но и принесут пользу академии.

— Но что скажет на это нововведение король или гости бала?

— Кто-то посмеет упрекнуть в том, что студенты мотивированы, активны, и имеют возможность явить миру свой талант? Или считаешь, что данный конкурс кто-нибудь запретит в будущем? И лишит своё любимое чадо возможности одержать победу и потешить своё самолюбие? Эти девчушки превратятся в демониц, если хоть кто-то заговорит о том, что план провальный. Даже король не устоит перед армией обиженных женщин, Зорик.

— С этим трудно поспорить... — усмехнулась она. — Но что дальше намерен делать, Крис? Тебе ещё что-то не даёт покоя в последнее время.

— Ты ведь знаешь о договоре между мной и Деверуксом.

— Да, — призналась Зорик.

— Я женюсь на ней. На Трин. Хочу, чтоб ты знала. Первой.

— Я рада за тебя, — она тепло провела ладонью по его спине. — Действительно рада.

— Я знаю.

— Так что же вынуждает тебя хмуриться?

— Поведение Синхелма весьма странно. В большей степени именно оно толкает Трин узнать о своём прошлом и о настоящих родителях. А я всё больше склоняюсь к мнению, что ему есть, что скрывать. Потому и избегает встречи с дочерью. Слава героя, полученная за годы войны, весьма неоднозначна. И многие жертвы просто неизбежны. То, что Трин может узнать, способно причинить боль. Все обрывки воспоминаний ведут в Томарин. Я видел в них гибель мужчины, который мог быть отцом Трин. Всё было в огне...

— Вердианцы — огненные стихийники.

— Как и легендарный отряд Синхелма. По рассказам местных жителей, в годы войны, при осаде Валмира, томаринские разбойники выступили против вердианцев, поддерживав королевские войска. Сейчас эти подробности старательно пытаются забыть. Но простой народ не так легко заставить молчать, верно? Синхелм и его люди так же могли находиться среди защищавших окрестности Валмира.

— К чему ты ведёшь, Крис? — теперь разволновалась Зорик.

— Есть некоторая вероятность того, что Трин может оказаться дочерью одного из томаринских разбойников.

— Но в таком случае Ламон не позволит ей продолжить учёбу в королевской академии. Из-за величины её дара, король предположил благородное происхождение девочки. Если всё обстоит иначе, то это поставит крест на её учёбе в Арде.

— Верно. Для того она и королевская академия, чтобы его величество мог устанавливать свои правила. Для того и предупреждаю тебя сейчас, Зорик.

— Считаешь, что я сообщу об этом Деверуксу? — изобразила обиду сестра.

— Я не осужу за это. Пусть и дед будет в курсе. Я сказал своё слово, и этот брак будет заключён, кем бы Трин ни оказалась.

— Тогда и ты покинешь Ард, как её муж, — глубоко вздохнула Зорик.

— Ты же не думаешь, что я хоть на мгновение пожалею об этом?

— А Трин? Что она думает о всём этом? Ард для неё — это прекрасная перспектива. Выпускникам королевской академии все дороги открыты. Если остановится сейчас, не станет рисковать и искать правду, то сохранит, что имеет.

— Она до сих пор называет отцом человека, который, возможно, каким-то образом причастен к гибели её семьи. Я бы хотел ошибаться. Хотел опровергнуть все свои предположения. Но словно завяз в некой паутине. Старой, отвратительной, сплетённой много лет назад. Стоит сделать шаг в сторону, и она натягивается, не отпускает. На Трин, как и на мне, своеобразная печать Смерти, как любят называть это состояние некроманты. Я чувствовал это с первого дня нашей встречи. Она, как и я, была свидетелем гибели своей семьи. Как я могу сказать ей, что лучше будет обменять правду на возможность закончить королевскую академию? Как я смогу смотреть ей в глаза, говоря это, Зорик?

— Я была глупа, полагая, что мой брат поступил бы иначе. Верно?

— Верно, — тихо усмехнулся он.

— Будем верить в то, что судьба окажется справедливой к этой девочке.

— Трин заслужила это.

— Как и ты, — Зорик взяла Кристиана за руку, затем прислоняя голову к его плечу. — Пора возвращаться?

— Да. Предстоит ещё столько дел. Хочу покончить с ними до вечера. Пожалуй, выйду в город.

— Ты хочешь увидеться с Брутусом? — Зорик ловко сплела косу, поскольку ветер не собирався оставлять в покое её волосы.

— Я не могу оставить всё, как есть. Нам нужно поговорить. Нужно найти выход из сложившейся ситуации.

— Крис...

— Да?

— Я ведь не прочитаю о найденном «выходе» в завтрашних газетах?

Глава 25

Вечер выдался свежим, ветреным. Он любил такую погоду. Лишь бы вновь не начались дожди. В городе было на удивлениелюдно. Улицы украсили бумажными фонариками, и то там, то здесь слышалась тихая музыка. Видимо вновь что-то праздновали. Предполагая, где сейчас мог найти капитана, Кристиан остановился перед крыльцом одного из трактиров. Как-то Брутус обмолвился, что если уж и появится желание выпить, то лучше делать это здесь — подальше от центра Валмира, и с вполне приличной выпивкой, которую подаёт трактирщик Абель.

Рэйван поднялся по крепким ступеням, наблюдая за трепетавшими на ветру фонариками, кем-то привязанными к перилам цветной лентой. Толкнул створки входных дверей, тут же ощущая тепло помещения, приглушённо освещённого свечами. Огонь на них дрогнул, будто приветствуя нового посетителя.

С десяток человек занимали небольшие деревянные столы, ещё несколько что-то шумно обсуждали с помощником трактирщика у стойки. Обведя помещение внимательным взглядом, Кристиан к собственному удовлетворению заметил того, за кем явился. Капитан выбрал стол у окна. Конечно же, предпочёл бы дальний, в самом тёмном углу, да все уже были заняты. Приходилось довольствоваться ночной свежестью и раздражавшими занавесками, которые так и норовили дотянуться до лица, подхваченные порывами ветра. Закрывать окно было лень. Высокая кружка, опущенная Брутусом, тихо звякнула о бутылку, когда он увидел приближавшегося некроманта.

Капитан приветственно улыбнулся. Вышло криво. Предложил присесть, на что Рэйван ответил кивком. Опускаясь на свободный стул, махнул помощнику трактирщика, веля принести то же, что пил Брутус.

— Зачем вы искали меня Рэйван? Пришли вернуть рубашку? Или сообщить про ещё один труп на кладбище?

— Признаться честно, я подумываю о нескольких... — Кристиан потянулся к принесённой кружке, оставленной перед ним седоватым валмирцем.

Сделал большой глоток, чувствуя, как напиток ожёг горло. Крепкий. После пары бутылок такого можно воплотить в реальность все фантазии валмирских газетных писак...

— Читали статью... — усмехнулся Брутус, затем отпивая из кружки. — Волновались обо мне?

Непривычно было видеть его без формы. Обычно подчёркнуто аккуратный, не позволял себе даже расстёгнутой пуговицы на рубашке. Сейчас скомканная куртка висела, небрежно перекинута через спинку свободного стула. Короткие волосы взъерошены, как у одного из студентов боевого факультета после занятий. Манжеты на рубашке расстегнуты и криво подвёрнуты, демонстрируя Рэйвану несколько старых шрамов на руках.

— Волновался? Я скорее зол, — Кристиан откинулся на высокую спинку стула. — Как

могли позволить увольнение? После всего, как они могли...

— Спасибо. За участие. Я тронут, — снова улыбнулся офицер.

Что-то уж слишком много улыбался сегодня. Это было ещё непривычнее. Кажется, кое у кого пора отбирать бутылку. И какая уже по счёту?

— Они перешли границу. Мне жаль, что впутали вас. Написавшие статью должны держать ответ за всю эту чушь.

— Вас, надеюсь, не уволили, Рэйван? Не потому ведь решили напиться этим чудесным вечером? — снова приложился к своей кружке Брутус.

— Нет. Я был бы рад поменяться местами, но — увы... — пробормотал сердито Кристиан.
— Рубашку верну завтра. Пришлю помощника...

Боги... К чему сейчас говорить об этом? Нужно срочно решить вопрос с восстановлением в должности. Идея у него была... И после выпитой половины кружки казалась всё больше привлекательной.

— Уже рубашками обмениваетесь? Как очаровательно... — прозвучал рядом уж больно знакомый голос.

Рэйван повернул голову, к своему удивлению замечая Бриса Хэйла. Кажется, у многих сегодня возникло стойкое желание напиться... Маг оставил свой стол. Не спрашивая разрешения, он тяжело опустился на свободный стул рядом с Кристианом, делая очередной глоток из надколотой кружки.

— На каком кладбище сегодня копать будете? Если что — я с вами...

— Господин Брис, полагаю? — кивнул хмельной головой Йен.

— Когда на столе три кружки с дамийским вином — все «господа» остаются за дверью, капитан, — широко ухмыльнулся Хэйл.

— Что вы здесь делаете? — спросил его Кристиан.

— Радуюсь единственному за три последние недели выходному. Вижу, у каждого здесь своя «радость». Мои соболезнования, Брутус. Или всё же поздравить с освобождением?

— Я пока и сам не понял, — капитан потянулся к полупустой бутылке.

Рэйван перехватил её раньше, отставляя в сторону.

— Вам достаточно.

— Человечка, что за всеми этими забавными статейками стоит — знаю я его, — Хэйл прикончил содержимое своей кружки, присваивая бутылку, убрannую Кристианом. — Пару лет назад, ещё до того, как вы королевским приказом были приговорены ректорствовать в Арде, всё обо мне небылицы сочинял. Потом на вас переключился. Я даже ревновал по первому времени.

— И что не так с этим человеком? — попытался нахмуриться Брутус.

— Зависть, мой друг. Худшее из зол, — вздохнул Хэйл.

Он потряс бутылку, затем наблюдая, как медленно опускались на дно листья мелики, которые по обычаю добавлялись в вино для пряного вкуса.

— Рождённый в семье магов, но не получивший в наследство и капли силы. Обозлён на весь мир. Искренне считает, что магия в крови дарует безусловное счастье...

Теперь вздохнули все трое, пододвигая кружки к поставленной Хэйлом бутылке.

— Зная ваш характер, я боюсь предположить, как удалось убедить писаку перестать строчить эти статейки, — Кристиан глянул в открытое окно, услышав, как кто-то тихо запел в ночи.

Хорошо пел... Душевно.

— Зная вас, Рэйван, я осмелюсь предположить, что вы собирались поступить так же, — ухмылка Хэйла стала ещё шире. — Я всего лишь воплотил в жизнь все фантазии этого смертного.

— Все? — нервно икнул капитан, тут же неловко прикрываясь кулаком.

— Все. Все, что он описал в городских газетёнках.

— Вы действительно собираетесь делать это? — Брутус перевёл взгляд на некроманта.

Уголок губ Кристиана дрогнул. Деревянная кружка почернела под пальцами, обращаясь прахом. Вино не пролилось только благодаря тому, что было испарено лёгким заклинанием Хэйла.

— Этот гад сменил адрес. Но я знаю новый, — Хэйл поднялся, прихватывая подмышку бутылку. — Капитан, вам, как земляному, должно нравиться копать... Так что с вас — лопата.

— На мне — сотворение проклятий и наведение мора, — Кристиан бросил на стол несколько монет, затем вставая.

— Не забудьте про демонический хохот, Рэйван, — напомнил Брутус строчку из статьи.

Хохот не понадобился... На свою беду решив прогуляться по ночному городу и приобщиться к общему празднику, смертный писака едва сам не сомлел, завидев явившуюся по его душу тройцу. Собрался бежать прочь, да два голема, криво поднятых с вязкой дороги Брутусом, преградили дорогу. Плюясь грязью, они пугающе меняли безобразную форму, то растекаясь жижей, то вновь возникая.

Тянуться на кладбище было лень. Да и от одной мысли снова оказаться там, желудок у Рэйвана сжимался и голова шла кругом. Потому обряд проводить единогласно решили на заднем дворе дома самой жертвы. Там и лопата нашлась...

— Вам это с рук не сойдёт! Вы ответите за всё! — испуганно бормотал валмирец. — Вы хоть знаете, какие люди за мной стоят?

Хэйл тем временем сосредоточенно выжигал ритуальные знаки на крышке от садового стола, использованного им как импровизированный алтарь. «Писал» на старогарванском. И как Кристиан смог понять, вовсе не древние заклинания, а некие строки из похабных песен, что любят напевать подвыпившие трактирные завсегдатаи.

— Сейчас за тобой стоит лишь Смерть, — холодно зазвучал в тишине голос Рэйвана.

Чёрный туман заполонил двор, клубился, обволакивал ледяным холодом. словно подыгрывая некроманту, где-то в ночи взвыла собака. Что-то тихо насвистывая, Брутус задумчиво продолжал окапывать вычерченный им же ранее круг на земле.

— Пожалуйста... — сипло зашептал мужчина, принимаясь читать некую молитву.

— Ты жалок, — прошёлся вокруг него Рэйван, сдерживая тьму, уже разрисовавшую его руки. — Прошлого урока было мало? Настолько глуп, что вздумал повторить?

— Господин... — пытаюсь играть, заныл валмирец. — Мне нужно кормить семью...

— Это не то, что я желаю слышать, — чёрным демоном возвышался над ним Кристиан.

— Боги покарают вас!

— Боги карают лживых.

— Готово, — провозгласил Хэйл, бросая дымившийся «алтарь» на перекопанную Брутусом землю. — Теперь только привязать покрепче. Чтоб сильно не дёргался.

— Послушайте... Послушайте, вы же это не серьёзно? Вы... Вы благородный ректор самой королевской академии! Вы тот, кто ответственен за детей... Не станете же вы...

— Быстро же я облагородился от жалкого пропойцы, — сухо проговорил Рэйван. — Я даю тебе последний шанс.

В ночном воздухе остро пахло свежей землёй, выкорчеванной травой да пролитым вином из разбитой бутылки.

— Ненавижу... Ненавижу всех вас! — выкрикнул валмирец, когда Хэйл толкнул его в плечо, вынуждая свалиться на алтарь.

— Вот это уже ближе к истине, — мрачно произнёс Рэйван, и чёрный туман принялся обретать чудовищные очертания, восставая за его спиной.

— Кто велел тебе писать эту чушь? — Хэйл вытащил из крепления на поясе нож, и тот сверкнул опасным серебром.

— Девка... Девка!.. — засипел валмирец, когда холодное лезвие коснулось его шеи.

— Какая девка? — зло осведомился маг.

— Улхара... Дочь его... — принялся бормотать мужчина. — Сама пришла ко мне. Сама! Целую пригоршню монет отсыпала, лишь бы написал, что велено...

— Зачем? — продолжил расспрашивать Хэйл.

— Всё змеей шипела, что некроманта Рэйвана... — он кинул нервный взгляд на Кристиана. — Что его надо под суд отдать, за попытку убийства! Это весь город видел! А ему всё с рук сходит! Потому как под королевской защитой! А этот...

Теперь трясущимся пальцем ткнул в Брутуса.

— А этот отказался дело заводить... Сказала, что нужно капитана приписать... Что начальство его недолюбливает, вот и избавятся, как только газету в руки возьмут... Из-за неё всё! Всё она — психованная Макэль! Да и кто откажет дочери управляющего?

— Ты останешься жив только в одном случае — завтра же выйдет опровержение старой статьи. И она будет последним, что ты напишешь, — сдерживая гнев, проговорил Кристиан. — Приблизись ещё раз к газете, и следующее, что в ней выйдет, будет твой некролог. Или нет — объявление о розыске пропавшего. Вот только тело никогда не найдут. Некроманты, знаешь ли, обладают удивительным свойством улик не оставлять. И прах твой жалкий втопчут в грязь на дороге...

Позже, бредя по опустевшей улице, Кристиан повёл нывшим плечом, прижимая к нему ладонь. Рана вновь напомнила о себе. Замечая его действия, капитан с участием поинтересовался самочувствием. На что, конечно же, получил уверение в том, что всё отлично.

— Трус напишет статью, — отозвался рядом Хэйл. — И народец кинется обсуждать новую сплетню. Но это не отменяет взъевшейся на вас девицы. Что намерены делать с ней?

— Придётся всё же взыскать должок с Улхара, — пояснил Кристиан. — Он усмирит дочь, Проблемы ему не нужны. И иного выхода не останется. Особенно после выхода статьи и моего обещания написать письмо королю. Пусть управляющий поддержит новости о вашей доблести Брутус, и о том, как героически спасли пьяного ректора из лап убийц. Так что можете далеко не прятать форму.

— Я благодарен... — капитан попытался застегнуть пуговицу на воротнике мятой рубашки, огорчаясь тем, что та оказалась оторванной. Выпитое добавило сентиментальности, и он дружески хлопнул некроманта по плечу, забыв о ране. — Я правда благодарен...

Кристиан стиснул зубы, стараясь не показать боль.

— Я вам верю.

— Но почему вы не опровергли написанное о вас? — возмутился товарищ. — Неужели вас не волнует, что это прочитает весь город?

— Тут личный вопрос, — усмехнулся некромант.

К хаосу город. Главное, что эту чушь прочитает единственный человек. Скрежещи зубами, дорогая Вильят.

Глава 26

Гадать о возрасте каэли Деллы Орлаг было делом бесполезным. Она безусловно принадлежала к тому редкому числу счастливиц, чьи года останавливаются на рубеже спелой молодости, и замирают, будто боясь испортить идеальный картинный образ. Маг воздуха — она и вправду парила, казалось, едва касаясь ногами земли. Лёгкость и изящество ощущалось в каждом движении, каждом жесте.

Светло-голубые одежды гостьи чудесно сочетались с серебристыми волосами, уложенными своеобразной короной. Оставляя цветочный шлейф духов, Орлаг неспешно шла по одному из коридоров академии в сопровождении Кристиана. Слыша восторженный шёпот и чувствуя восхищённые взгляды на своей персоне, Делла удостоила счастливиц лишь лёгкой полуулыбкой. Она была богиней, которой поклонялись, словно великой Лейне. И наверняка сама не раз грешила тем, что сравнивала себя с божественной покровительницей любви и красоты.

Глядя на неё, Трин прекрасно понимала, чем эта женщина так привлекала Ламона. Они похожи. И, по её скромному мнению, одинаково самонадеянны. Кристиан был, как всегда сдержан, коротко отвечая на вопросы Орлаг. Поднимаясь по лестнице, гостья вздумала взять ректора под руку, свободной рукой придерживая подол платья. Обязательно хвататься за её жениха? Иначе никак? Послышался тихий предупреждающий рык, и честное слово, было мгновение, когда Трин решила, будто сама издала его. Но это лишь объявившийся Зиль поддержал хозяйку, устроившись у её ног.

— Полностью с тобой согласна, — Трин проводила взглядом жениха и гостью Арда, прижимая к груди стопку книг.

Запаястья ныли от вчерашних тренировок, и спать хотелось нестерпимо. А всё потому, что в отместку за испорченное занятие, Хэйлу пришла в голову великолепная идея. Маг устроил им «встречу рассвета» в виде пробежки по всему периметру территории боевого корпуса, причём задолго до подъёма. В грязи они были по самые уши, пришлось даже волосы отмывать. Не стоило припоминать, как поскользнулся в ещё непросохшей грязи Димер. Особенно хотелось забыть произнесённую им «речь», когда пытался подняться.

Глядя на шёлковый невесомый подол платья каэли Орлаг, Трин обречённо вздохнула. Нет, весь этот блеск и изящество находились по другую сторону реальности. Так далеко от неё. Невыразимо далеко. Спутанная коса, оторванные пуговицы на рукаве и несмыаемый запах гари — вот её привычное очарование. Сколько раз пожалеет Кристиан, решив заставить её явиться на бал?

Хороша невеста... «Странная девочка», как любит выражаться Зорик. Странная девочка с провалами в памяти и болтающая по ночам с мертвецом. Теперь ещё и берущая у него уроки танцев. Трин улыбнулась, понимая, что ожидала прихода ночи. Подумаешь, великая танцовщица... У неё был самый лучший учитель. Тот, кто не станет смотреть свысока, и не закидает упрёками. Рядом с Лейтоном можно не притворяться. Улыбка Трин сменилась тяжёлым вздохом. Однажды умай покинет академию навсегда. Навсегда покинет этот мир, где по каким-то печальным причинам задержался, словно пленник. Однажды они простятся навсегда. Сердце сжалось от тоски.

Знакомый тихий стук заставил обернуться. Надежда не оправдалась. Подошедший умай оказался вовсе не Лейтоном. Прислужник молчаливо склонил голову, охваченный прозрачным сиянием. Эта душа тоже скоро найдёт покой... Трин с удивлением приняла простой конверт, принесённый умаем. Разворачивая его и немедленно узнавая почерк, она ощутила, как сердце гулко застучало.

— Спасибо!.. — кинула Трин на ходу прислужнику, теперь торопливо пробираясь сквозь толпу по коридору.

Дыхание сбивалось, когда бежала к широкой лестнице, собираясь спуститься к

огромному залу. Здесь малоллюдно. Зазвеневший где-то у высокого потолка сигнал колокольчика разогнал по аудиториям последних воспитанников Арда. Трин же собиралась пропустить оставшиеся занятия, и причина была для неё более чем важной. Толкая двустворчатые двери, тяжело поддавшиеся её уставшим рукам, Трин оказалась на широком крыльце.

Гость ожидал в парке, расположенном рядом с замком. День сегодня выдался пасмурным и душным. Даже ветер был тёплым, шелестя яркой листвой деревьев. Трин торопливо шла по одной из дорог, выложенной светлым камнем, минуя белоснежные скульптуры. Застывшие фигуры так чётко выделялись на фоне буйствовавшей зелени. Дальше, за парком виднелась часть леса, где когда-то проходила королевская охота. Хэйл как-то упоминал о своём желании устроить для них небольшие испытания в этом лесу. Но сейчас Трин не хотелось ни вспоминать об этом, ни тревожиться по поводу предстоящих занятий.

Вот он... Знакомая высокая фигура, широкие плечи, как всегда немного сутулый, когда устанет, но пытается скрыть это. Ветер треплет светлые волосы, не давая толкового обзора. Но воин стоял, задумавшись, не пытаясь убрать их с глаз. Конечно же, услышав её шаги, мужчина повернулся. Меч блеснул рукоятью в ножнах, и Трин улыбнулась, расчувствовавшись. Она помнила каждую царапину на этой рукояти. И лёгкие морщинки в уголках голубых глаз мага, когда щурился, или улыбался, так же как и она.

— Соран, — выдохнула Трин.

Не останавливаясь, она подбежала к своему стражу и крепко обняла за талию, прижимаясь головой к груди воина.

— Госпожа... — смущённый, и чувствуя не меньшую радость от встречи, воин осторожно рискнул обнять её в ответ за плечи.

Буквально на мгновение, и тактично отстранился, тут же склоняя голову в подобающем приветствии.

— Я так рада тебе, — с трудом справляясь с эмоциями, проговорила Трин.

Глаза увлажнились от избытка чувств, выдавая тот факт, что до душевного спокойствия ей было невообразимо далеко. Она неосознанно сжимала и разжимала кулаки, что не осталось незамеченным стражем. Он так же мог похвастаться тем, что отлично знал все привычки хозяйки, как и этот жест. Соран мог себе представить, что творилось в душе подопечной после того, как открылась горькая правда... Он спешил. Так спешил добраться сюда, что едва не загнал коня.

Чувствуя эмоции хозяйки, Зиль объявился позади неё, хрипло рыкнув, и принимаясь нервно бить длинным хвостом по дороге. Соран настороженно посмотрел на фамильяра, затем переводя взгляд на хозяйку.

— Это Зиль, — представила Трин марага. — Подарок.

— Я рад, что есть кто-то заботящийся о вас.

Она уловила нотку ревности в словах стража. Что ж, Соран многие годы отвечал за неё.

— Я доверяю ему. Он достойный человек, — уверила Трин. — Нам стоит пройтись. Боюсь, что не смогу устоять на месте.

Соглашаясь, воин последовал за хозяйкой, неспешно идя по притихшему парку. Небо — грозовое. Парило... Птицы прислушивались к тихому шёпоту природы, носимому тёплым ветром. Быть дождю? Или всё же распогодится? Хватит с этой земли прошедшего сезона дождей.

— Хорошо ли вы спите, госпожа? — поинтересовался страж. — Не забываете поесть? И вовремя обратиться к замковому целителю, если поранились. Не забываете?..

— Я помню, Соран, — с теплом отозвалась Трин. — Каждое твоё наставление. Всё, чему учил. И я благодарна твоей настойчивости, поскольку полученные знания не раз меня выручали.

Они всё брели, не заметив, как умолкли. Великолепные статуи наблюдали за живыми. За тем, как оба метались в мыслях, пытаясь произнести то, что непременно ранит, но необходимо сказать. Соран силился не хмуриться, приказав себе поддерживать хозяйку показным спокойствием. Но выходило всё хуже, и он мрачнел, как тревожное небо над их головами.

Зиль беспокойной тьмой шёл следом, увеличившись так, что доходил головой едва ли не до пояса Трин. Впитывая эмоции хозяйки, он наблюдал за нею горящим взглядом, бесшумно ступая мощными лапами по камням.

— Говори, Соран, — первой не выдержала гнетущего молчания Трин. — Говори, как есть.

— Мне искренне жаль, что я не был рядом, когда правда открылась вам, госпожа, — глухо произнёс Соран. — И мне жаль, что открылась она таким печальным образом.

— Как давно ты знал эту правду? — она остановилась, вынуждая и стража встать рядом.

— Всегда, — опустил голову маг.

— Вот как, — горько прошептала Трин. — Сколько ещё той правды, что неизвестно мне, Соран? Кому мне теперь верить?

— Я не мог открыться вам раньше, госпожа. И предпочёл бы, чтоб никогда не знали об этом. Но недавно я получил письмо от вашего отца. В нём он поведал о сложившейся ситуации.

— Он писал тебе?

Обида жгучей волной накрыла её, болью отзываясь где-то в груди. Отец написал даже стражу. Но проигнорировал все те письма, все до одного, что отсылала она. Ни одной строчки с тех пор, как покинула Ардиан.

— Из этого письма я узнал, что произошло во время визита короля в академию, — понимая чувства хозяйки, продолжил пояснять Соран.

— Что же ещё писал отец?

— Что вам следует... смириться со своею судьбой.

— Ничего нового, верно, Соран? После всего, это единственное, что я заслужила услышать?

— Госпожа...

— Я чувствую это. Я знаю. Знаю, что больше не вернусь в Ардиан. Именно это и хотел сказать Фемир Синхелм, — ровным голосом проговорила Трин. — И ты тоже знаешь это, Соран. Он ведь не требовал от тебя приезжать в Валмир. Это тебе писал о том, что меня ждёт лишь смирение, и иного не дано. Ты сам приехал. Проститься. Верно?

— Вы всегда...

— Я знаю, — она коснулась его рукава. — И всегда буду это помнить. А сейчас прошу твоей помощи. Это последнее, о чём прошу. Помоги понять, кто я, Соран. Расскажи мне всё, что ты знаешь о том, как я появилась в Ардиане. О том, как Фемир нашёл меня.

Глава 27

Он решился. Говорил долго, прерываясь, видимо для того, чтоб подобрать для хозяйки слова, менее ранящие её. Трин не перебивала, шла рядом, глядя на дорогу, да на пыльные носки своих ботинок. Слушала, и словно сама вновь оказывалась в тех прошедших днях, объятых пожарами, пропитанных дымом и горечью потерь.

— Юная госпожа была слаба здоровьем с рождения. Казалось, что боги никак не могли решить: оставить её на этой тревожной земле, или укрыть в объятиях великой Лейны. Она долго болела в последний год своей жизни. И однажды настал тот день, когда

смогла освободиться. Когда её не стало... Разум госпожи Нерайн не выдержал этого горя. Она не могла совладать с собой. Хозяин велел оставить при ней пару самых верных служанок, а всех остальных убрал из замка. Время шло, и госпоже становилось только хуже. Мне казалось, что она уже никогда не придёт в себя, не узнавала ничего и никого вокруг.

Они остановились под огромным деревом, словно договорившись, прислоняясь спинами к его стволу. Соран сложил руки на груди, и глядел на густую траву у своих ног, где яркими синими пятнами цвёл дикий самхель. Он заговорил снова, и Трин была благодарна стражу за то, что избавил от необходимости смотреть в глаза, слушая его.

Ладони её ощущали сухую шершавую кору, будто покрытую старыми шрамами. Будто её собственная душа. Она прижалась к дереву сильнее, и тяжёлые ветви так символично покачивались по сторонам от неё. Как руки, что отгоняли невидимого врага, того, которого никак не могла разглядеть в своей памяти.

— Битва под Валмиром была решающей в тот год. Именно благодаря одержанной тогда победе мы смогли отеснить врага к границам королевства. Надежда наполняла наши сердца. Мы верили, что окончание войны близко. Что победим... Королевские войска подступали со стороны окрестных лесов. Это дало нам большое преимущество. Особенно после неожиданного присоединения тех, кто звал себя томаринскими разбойниками. Мало кто из них обладал магией, но и без неё были устрашающи, словно призраки, являясь среди леса. Своего предводителя они звали Брозом — бессмертным. Так называлась одна из местных птиц, которой приписывали это качество. Вроде как и огонь её не берет, возрождается, сколько ни пытайся убить. Томаринцы знак этой птицы наносили на тело, как печать принадлежности к разбойничьему клану. Броз был единственным среди разбойников стихийником огня. Сильным, надо признать. Конечно и речи быть не могло о том, чтоб полностью доверять друг другу. Это было некое зыбкое временное перемирие или союз, объединивший нас перед общим врагом. Но я всё же был склонен верить тому, что дрались томаринцы с честью, не уступая нашим воинам. Хотя и прятали свои лица за масками, по понятной причине. Но под конец нечто изменилось. Нам объявили о том, что едва враг стал отступать, как разбойничий клан прервал перемирие и атаковал королевские войска на территории леса. Всё горело... Небо было черно от дыма. Я не возьмусь сказать, сколько томаринцев пали в том бою. Как и до сих пор не могу понять причины их «предательства». Мы не собирались нарушать перемирие. И вскоре покинули бы эти земли. В ту пору не до разбойников было. Да и разумно ли выступать против отряда огнетворцев, который тогда числился в подчинении хозяина? Многие томаринцы были убиты...

Упомянуть перед хозяйкой тот факт, что в разбойничьем клане находились и женщины, и дети, Соран не решился. Как и никогда не признался бы Синхелму о том, что нарушил его приказ, спасая одного из лесных мальчишек. Жив ли сейчас? Смог выбраться из горящего леса? Рана была достаточно серьёзна. Как его звали? Яр, кажется...

— Вы были дочерью кого-то из томаринцев, полагаю. Я не видел смерти ваших настоящих родителей. Но когда хозяин вернулся в лагерь и привёз вас, то назвал сиротой. Я помню, как принимал вас с его рук. Казалось, что тельце в моих руках не весило ничего... В ту пору вы походили на госпожу Нерайн. Так же молчали, и память оставила вас. Хозяин приказал взять с собой в Ардиан. По возвращению велел звать Вандой. Кто посмел бы ослушаться? Все прекрасно поняли, чего желал Синхелм. И сделали вид, что так и должно быть. Служанки отмыли вас, вплели в косы любимые ленты покойной госпожи, и надели одно из её платьев. А затем отвели к хозяйке... Слабость рассудка не позволила бедняжке опознать подмену. А боясь, что память могла к вам вернуться, решено было использовать морок. Нерайн словно ожила в те дни. Снова заговорила, снова смеялась. Не отпускала вас от себя ни на минуту. Тогда мне действительно хотелось оправдать поступок хозяина...

— Но однажды Нерайн поняла, что я — фальшивка, верно? — Трин не узнавала свой голос.

— Да.

Зиль устроился рядом с хозяйкой под деревом. Тихо рыкнул, и ткнулся головой в ногу, выражая поддержку. Трин провела ладонью по прохладной призрачной шерсти, чувствуя, как дрожь в пальцах немного стихла. Будто фамилляр и в самом деле мог

поглотить хоть каплю её печали. Соран некоторое время молчал, и Трин прекрасно понимала, что страж снова пытается собраться и решить, что именно сказать, чтоб не ранить её.

Воин шумно вздохнул, и часть ствола за его спиной укрылась инеем, как и листья над головой. Сверкали теперь на солнце, и не собирались таять. Что сказать ей? Что? Тогда девочка только стала привыкать к хозяйке. Доверилась ей. Приняла матерью. Отогрелась сама, и уже считала Ардиан своим домом. И зачем боги даровали Нерайн ясность памяти в тот день?

Она словно обезумела... Металась по замку, причитала, грозилась спалить всё дотла. Что едва и не удалось, благо его силы хватило, чтоб остановить огонь в северном крыле замка. А чужое дитя проклинала, требуя немедленно избавиться от него. И вот казалось, что к вечеру притихла, вновь вернулась к прежнему состоянию. Думал так и Синхелм. Но той же ночью Нерайн бросилась из окна, стоило одной из служанок заснуть.

Когда жена покинула этот мир, Синхелм практически не возвращался в Ардиан. Наведывался лишь иногда, и то, стараясь не задерживаться подолгу. Видимо слишком тяжелы были воспоминания. А дитя вновь пришлось лишиться их, наведя морок. Это стало меньшим злом, по мнению Сорана. Пусть заклинания так оплели сознание девочки, что грозили навсегда лишиться воспоминаний и возможности вернуть их. Но она жила в счастливом неведении все эти годы, будучи любима. Пусть только им, насколько это мог позволить себе страж, связанный клятвой верности хозяину Ардиана. Несчастное дитя...

— Потрясение было слишком сильным для госпожи Нерайн. Сердце её не выдержало, — сдержанно проговорил Соран, опуская горькие подробности. К чему они, спустя столько лет? — Её не стало. Хозяин слишком дорожил ей, вот и не женился второй раз. Вы остались в Ардиане, как его дочь.

Страж замолчал. Не решалась и Трин произнести хоть слово. Подняла голову, наблюдая за тем, как сверкало над нею дерево, укрытое нежным инеем вопреки душному дню. Прохлада окутывала её, стирая уже проступавшие на ладонях руны. И Трин сильнее прижималась к стволу, вбирая в себя такой необходимый холод. Понимала, что таким образом Соран прощался, обнимая её своей успокаивающей стихией.

Когда же проводила гостя, то не вернулась на оставшиеся занятия. Хэйл непременно накажет за прогул. Но сейчас меньше всего хотелось находиться среди толпы. Трин постаралась остаться незамеченной, когда отправилась в ту часть замка, где студентам находиться не полагалось. Ей была нужна одна единственная комната, и сейчас знала, что дверь будет, как всегда не заперта. Кристиан находился где-то на территории академии. Входя внутрь его комнаты, Трин бесшумно закрыла за собой дверь. Тихо. Спокойно. Прекрасно...

Чувствуя знакомую территорию, Зиль объявился у одного из кресел. Улёгся и наблюдал за действиями хозяйки, следя за нею сверкавшим взглядом. Трин устало прошлась по ковру. Коснулась рубашки, оставленной Кристианом на спинке кресла. Провела ладонью по столу, где лежали стопкой некие бумаги. Ведь совсем недавно и он касался этой гладкой деревянной поверхности. Казалось, всё в этой комнате хранило его тепло.

Приблизившись к застеленной кровати, Трин разулась и без сил опустилась на постель. Пыталась упорядочить метавшиеся мысли. Не выходило. Пришлось оставить бесполезное занятие, ощущая, как клонило ко сну. Сопротивляться сил не хватило, потому и задремала, немного успокоившись.

Так Кристиан и нашёл её, свернувшуюся клубочком на постели, иногда всхлипывавшую во сне. О приезде Сорана уже знал, предполагая, что визит стража мог расстроить его невесту. Плохие вести их Ардиана? Или Соран привёз письмо от Фемира? Уже стемнело. Наверняка пропустила не только ужин, но и обед. Нужно будет распорядиться, чтоб подали на двоих сюда, в его комнату.

Рэйван сел на край постели, и протянул руку, убирая с лица Трин прядь волос. Провёл тыльной стороной ладони по её щеке. Хмурилась во сне. Пальцем попытался разгладить морщинку на лбу. Трин прерывисто вздохнула, и приоткрыла глаза, просыпаясь.

— Какое грубое нарушение устава академии, — шутя, пожурил Рэйван. —

Проникновение студентки в личную комнату самого ректора. Так недолго и до исключения, каэли.

— Прости...

— Простым «прости» не отделаешься, Спичка.

— Кристиан.

— Да?

— Меня навестил Соран. Приезжал попрощаться.

— Я знаю, — мягко ответил Рэйван, опускаясь рядом на постель.

Заложив руки за голову, понял, что — зря. Плечо немедленно заныло. Но так и остался лежать, не собираясь показывать гостю своё истинное состояние. Трин устроила голову на его груди, тем самым вынуждая не тревожить рану и разнять руки. Кристиан принялся гладить её по спине, успокаивая.

— Соран рассказал о том, как я появилась в Ардиане, — заговорила она. — О том, как Фемир подобрал меня в томаринском лесу во время войны, когда был практически разгромлен разбойничий клан. Кристиан...

— Я слушаю тебя, — понимая, что его предположения оказались верны, отозвался он.

— Я дочь разбойника.

— И?

— И? Твоя невеста — дочь разбойника, — снова взволнованно повторила Трин.

Неужели опять делает вид, что она не сказала ничего существенного?

— Ну да. Не каждый может похвастаться подобным. Верно? Я всегда знал, что ты уникальна.

— Нет.

— Нет?

— Это ты — уникален. Нет второго такого. За что боги послали мне такой дар?

— Я — некромант. Не думаю, что тут есть нечто божественное.

— В тебе светлого больше, чем в любом инрэйге, Кристиан Рэйван.

— Ты можешь продолжить льстить мне, но за ужином, — улыбнулся Кристиан. — А завтра... Просто давай сделаем это, Спичка. Только ты и я. Одна клятва на двоих.

Глава 28

День был тихим. Удивительно тихим. И вовсе не потому, что исчезли все звуки или город опустел. А просто было в нём нечто такое, чего не замечала прежде. Тот же ветер склонял ветви деревьев. Те же белые облака, меняя причудливую форму, неслись по синему небу. Голоса горожан, звон, стук, смех... Свежий утренний воздух был наполнен ими. Но словно исчезла некая мятежность, была забыта тревога и отброшены сомнения. Им не место в сегодняшнем дне. Есть лишь безграничное доверие, которое она чувствовала, и распахнутая настежь душа, сорвавшая с себя все мыслимые щиты. Её рука в его руке, и последний шаг по священной земле, пусть и лишившей на время силы, но даровавшей нечто бесценное.

Зиль остался у ворот храма, не имея возможности пересечь их. И теперь величественным стражем охранял священную обитель. Выглядело довольно странно, учитывая, что являлся порождением тьмы. Сидел гордо, сверкая глазами, и был

преисполнен важности, поскольку от него, и только от него зависели жизни хозяев. А разве может быть иначе? И бывшего хозяина, превратившегося по каким-то глупым причинам в смертного слабака. И хозяйки. Хозяйка как всегда хороша. Сегодня даже особенно как-то. Только нервно подрагивавший хвост выдавал то, как фамильяр возмущён. Ещё бы. Затевалось что-то интересное, и без него.

Храм Бевана служил обителью света и поклонения богам для простых горожан. Принимал и каждого, чья душа просила покаяния или успокоения. Трин остановилась рядом с Кристианом перед крыльцом. Створки дверей храма были открыты настежь. Высокие витражные окна наполняли старое здание цветным светом, смешивая все возможные оттенки, игравшие на стенах. Трин смогла разглядеть часть круглого каменного алтаря, установленного в центре просторного помещения, и мелькнувшую тень. Видимо служитель храма заканчивал приготовления, чтобы принять тех, кто решил соединить свои руки и принести брачные клятвы.

Трин впервые видела Кристиана в светлых одеждах. И ей нравился этот образ. Нравилось то, как сейчас смотрел на неё. Да. С восхищением. Так, будто она была самой прекрасной в этот день. И Трин верила, читая всё невысказанное в серых глазах.

Её платье, приобретённое у местной портнихи, оказалось чуть великовато. Простое, но имевшее своё очарование, чем и привлекло внимание Трин. Ветер подхватывал концы лент, которыми были перехвачены рукава. Шитьё из бледно-розовых цветов украшало длинный подол, и квадратный вырез платья. Похожие цветы сейчас венком лежали и на её голове. Волосы Трин оставила распущенными, длинные пряди укрыли спину и плечи. Кристиан коснулся её волос, провёл по ним ладонью, улыбнулся, так просто и открыто. Будто они были сбежавшими подростками, которые в тайне решились на запретный брак.

Трин улыбнулась в ответ. Насколько переменчива жизнь. Когда-то она заявила, что скорее небо рухнет, чем позволит Кристиану коснуться себя. Сейчас же надеялась, что он никогда не отпустит её руки.

Помощник служителя встретил их на ступенях. Неспешно склонил голову, приветствуя и приглашая подниматься. Кристиан с нежностью коснулся губами руки Трин, которую по-прежнему удерживал. Тихо проговорил что-то подбадривающее и провёл её внутрь храма. Убранство его было простым. Солнце проникало через высокие узкие окна, разрисовывая разноцветными пятнами стены и потолок. Служитель Арун, в праздничных светлых одеяниях, стоял у высокого каменного алтаря, ожидая, пока жених и невеста подойдут.

Когда же последние шаги были сделаны, Трин почувствовала, как крепче сжал её ладонь Кристиан, молча поддерживая. Служитель начал свой ритуал. Хоть и был он простым, но наполнял таинством и ощущением священности происходящего. Арун тихим голосом читал молитвы на древнем, неизвестном Трин языке. Он поднимал раскрытые ладони к разрисованному куполу храма, и тогда солнце освещало его лицо, делая похожим на статую. Склонял голову — и речь его делалась монотоннее, тише, походя на шёпот.

После чтения молитв, служитель храма обратился к Кристиану, спрашивая, добровольно ли его желание стать супругом стоящей рядом женщины. Задал тот же вопрос и Трин. Затем им следовало подтвердить перед алтарём нерушимость своего союза. Арун продолжил, испрашивая у богов совершенную любовь, твёрдую веру, единомыслие и чадородие для жениха и невесты. По окончании ритуала, служитель начертал белой краской на ладонях Трин и Кристиана церемониальные печати и соединил руки, теперь уже мужа и жены. Помощник Аруна повязал на соединённых руках ленты, символизирующие единство душ.

Рэйван и Трин повернулись друг к другу. Губы её тронула лёгкая улыбка, когда наблюдала, как муж склоняет к ней голову, чтоб коснуться поцелуем. Оба чувствовали, как горячим золотом вспыхивали брачные печати на груди, у самого сердца. Нерушимая магия, говорившая о том, что они неразделимы. Одно сердце на двоих. Одна душа на двоих. И никакая сила не отнимет этого.

Она — Трин Рэйван. А он — её семья. Даже если не удастся восстановить её воспоминания, и если всё, что было — стёрлось навеки. У них впереди вся жизнь, чтоб наполнить память новыми моментами. Тем, что никогда не исчезнет, и останется ярко до

последнего дня.

Сидя на широкой ветке дерева, укрытый от посторонних взглядов густой листвой, Яр наблюдал за происходящим у храма. Под самым деревом, прислонившись к стволу плечом, стояла Хельга.

— Она прекрасна сегодня... — вздохнул разбойник, глядя, как Трин спускалась по ступеням в сопровождении того, кто теперь был ей законным мужем.

— Согласна, — усмехнулась внизу Хельга.

— Ему повезло, этому некроманту. Он должен знать, насколько ему повезло, — поджал губы томаринец.

— Думаю, что он в курсе, — проворчала инрэйг.

— Должен помнить об этом каждый день. Каждую минуту...

— Да-да.

— И молиться всем богам за такой дар.

— Он будет, — покачала головой женщина. — Но что же до тебя?

— Да? — Яр заставил себя отвести взгляд от счастливой новобрачной и посмотреть на подругу.

— Ты ведь хотел поговорить с некромантом. Хотел рассказать всё Трин.

— Да. Я хотел. Но не сегодня. Сегодня Трин так счастлива. Разве я могу открыть всё в такой день? Он должен запомниться, как самый светлый момент, наполненный любовью и верой. Мы ждали столько лет. Ничего, если подождём ещё немного. Так что — не сегодня, Хельга.

Яр спрыгнул на землю, становясь возле подруги. Обтянул куртку и накинул на голову капюшон.

— Скоро настоящий день рождения Трин. Скоро зацветут яльмары. Она должна это увидеть. Может боги даруют ей память. Хоть каплю тех светлых воспоминаний, что были пережиты много лет назад. А если — нет, то поделюсь своими. Расскажу о том, как была любима отцом и матерью. О том, что сражались до последнего вздоха, чтоб защитить её и Томарин. Пусть и после смерти, но для неё Броз снимет свою маску. Откроет истинное имя. Восстанет из пепла забвения, как подобает смелой птице. И Трин лучшее тому доказательство. Она расправит свои крылья вместо него. К радости отца и матери, что сейчас смотрят с небес на то, как прекрасна их дочь. Она должна знать, что никогда не была брошена. Никогда не была забыта. Никогда не была одинока.

Глава 29

Пожалеть о том, что не запирал свой кабинет, Кристиан успел неоднократно. Особенно залил сейчас смех Зорик, решившей заглянуть к нему, и теперь потешавшейся от души.

— Ты не подумал о последствиях своего решения, верно, Крис? — снова хохотнула инрэйг, едва заставив себя сдержаться под грозный взгляд брата.

Пропади он пропадом, этот конкурс... Поскольку ректорский кабинет наполнился раздражающими запахами сладостей и цветов, да всех возможных ароматов духов, которые источали бесчисленные записки.

Коробки с конфетами, букеты, разноцветные конверты со следами губной помады... Проклятье. Что в головах этих девчонок? Таким образом они хотели заполучить его расположение и выиграть конкурс?

— Скоро это прекратится, — скорее самого себя убеждая, проворчал Рэйван. — Осталась неделя сумасшествия, и придётся сделать выбор. И чтобы померить твоё веселье, ставлю в известность — ты включена в комиссию, которая будет определять победителя.

— Ты не можешь быть так жесток, — поморщилась Зорик.

— Могу, — опасно сверкнула улыбка некроманта. — Молись о том, чтоб я не вывесил список комиссии на всеобщее обозрение. Посмотрим, во что тогда превратится твоя берлога.

— Не вздумай, — Зорик ткнула пальцем в его грудь. Затем удивлённо коснулась ладонью рубашки у сердца. — Крис?..

Её золотистые глаза распахнулись шире от волнения, когда ощутила энергию невидимой сейчас печати.

— Да, — просто ответил Рэйван.

— Когда? — с некоторой обидой в голосе спросила сестра.

— В начале прошлой недели, — он глянул на стол, заваленный подарками. — Нужно что-то с ними делать...

— Крис! — одёрнула его Зорик.

— Да?

— И когда ты собирался сказать мне об этом? Почему не сказал? Я бы могла...

— Вот поэтому и не сказал, — мягко произнёс Рэйван, с теплом опуская руку на её плечо. — Так уж вышло, что сейчас нет толковой возможности покинуть Ард. Я бы хотел увезти её хоть ненадолго. Но мы вынуждены находиться здесь. Поэтому и не сказал сразу. И Трин, и мне необходимо было некоторое время, чтоб самим осознать этот шаг. Понимаешь?

— Понимаю, — нехотя сдалась Зорик. — Но я всё равно зла на тебя.

— Ты не умеешь злиться, — Кристиан снова посмотрел на «дары» ардовских воспитанниц. — Раздай это своим подружкам.

— А как же цветы? А записки, Крис? В них столько страсти, столько воодушевления, — снова усмехнулась Зорик, беря один из конвертов и доставая из него небольшой листок. — Ты только глянь, сколько завитушек. Даже разобрать нельзя, что написано...

Рэйван что-то тихо произнёс в ответ, и письмо истлело в руках Зорик, растворяясь в воздухе.

— Бессердечный.

— Именно. Нужно написать это на двери.

— Боюсь, что это будет бесполезно в свете последних событий. Крис?

— Да. Я написал Деверуксу. Письмо отправлено в его столичный дом. Ранее ты упоминала, что дед «прятался» в Деспине.

— Ты правильно поступил.

— Я писал ему не о том, что соскучился, Зорик. Поэтому не нужно цвести здесь, как весенний сад, — нахмурился Кристиан. — Это было в последний раз. Мне надоело писать письма тому, кто не изволит ответить хоть на одно.

— Деверукс ответит, — заверила сестра.

— Возможно. Лишь потому, что я выполнил свою часть договора. Ему придётся как-то отреагировать. Харланд теперь принадлежит мне. Так что оставит свои угрозы.

— Он будет рад.

— Он будет рад тому, что я подчинился его воле, — Кристиан отвернулся к окну, не позволяя Зорик увидеть смятение на его лице. — Для Деверукса всё выглядит именно

так.

— Деверукс хочет, чтобы ты был счастлив, Крис. Даже если называет это подчинением его воле. Он всё прекрасно понимает. Слова ведь ничего не значат. Верно? Назови, как хочешь. Главное это то, что на душе, на сердце. Вы одной крови. Нет никакого труда прочитать то, что ты чувствуешь. Скоро бал. Полагаю, что Деверукс захочет приехать.

Кристиан обернулся к ней, глядя скептически.

— Любопытство одолеет его, — развела руками Зорик. — Не выдержит. Наверняка не выдержит. Пожалуйста, Крис. Поддержи этот шаг, если он и правда его сделает. Не испортить всё снова...

Теперь сестра смотрела умоляюще.

— Это я всё порчу? — возмутился Кристиан.

— Я скажу то же самое и Деверуксу при первой встрече, — заявила Зорик. — Даже не сомневайся. Вы оба всё портите. Я уже говорила, насколько похожи.

Продолжить спор им не дали, поскольку в дверь постучали, заставляя умолкнуть обоих. Кристиан пригласил войти, что гость и сделал, сдержанно здороваясь.

— Капитан Брутус, — улыбнулась Зорик.

— Каэли Зорик... — Йен галантно склонил голову.

— Рада знать, что вы вернулись к своим обязанностям, — улыбнулась она, глядя, как сверкали начищенные серебряные пуговицы на форменном камзоле капитана.

— Благодарю, — Йен прокашлялся в кулак, не к месту вспоминая, как было достигнуто решение о его возвращении в стражи.

— Вижу, вы оба горите желанием посекретничать. Что ж, оставлю вас, — Зорик подмигнула капитану, затем пройдясь мимо него к двери.

Едва сестра скрылась в коридоре, Кристиан пригласил гостя занять одно из кресел у его рабочего стола.

— Надеюсь, не оторвал вас от важных дел, Брутус?

— Нет. Я рад, что могу хоть чем-то помочь, — капитан присел в кресло, в некоторой растерянности глядя на множество коробок и ворох цветов, которыми был усыпан стол и подоконник.

— Вы любите сладкое? — с надеждой осведомился Кристиан.

— Нет... — настороженно отозвался Йен.

— Жаль... Что ж. Тогда поговорим о причине вашего визита.

— Мне удалось найти документы по тому старому делу, — как обычно, начиная говорить о работе, посерьёзнел Йен. — Повредилась только часть их, но это не особо влияет на содержание. Что касается офицера Пайруса, что занимался убийством Ариса Бранта, то и его уже нет в живых. Погиб в последние месяцы войны.

— Понимаю, — тяжело вздохнул Кристиан и сел в своё кресло.

Блестящая и раздражающе пахнувшая гора подарков была так неуместна при этом разговоре, что некромант сдался. Сухо произнес короткое заклинание, он провёл рукой над столом, обращая всё лежавшее на нём в чёрный прах. Ещё несколько слов — и тот развеялся в воздухе, исчезая. Кристиан опустил руки на освобождённую деревянную поверхность, сцепляя пальцы в замок.

— Почему вас так интересует это старое дело? Ректорское любопытство? Или считаете, что расследование было неверным? Прошло столько лет.

— Я ни в коем случае не хочу поставить под сомнение работу офицера Пайруса. И в некоторой степени мною движет интерес, как ректора. Но и личный также имеется. Я хочу знать, почему именно студент Дэнвей был обвинён в том убийстве. И почему дело было закрыто в связи с его внезапной гибелью.

— Считаете, что это слишком для случайного совпадения? — задумчиво проговорил Йен, потирая гладко бритый подбородок.

Казалось, что капитан и сам не особо верил написанному.

— Хочу послушать ваше мнение, — уклончиво ответил Рэйван.

— В деле имеются показания двух студентов: Эрвига Фергаса и Фемира Синхелма, которые обозначены, как основные свидетели случившегося. Поскольку непосредственно присутствовали при этом.

— С их слов.

— С их слов, — со вздохом повторил Брутус. — Обвиняемый Райан Дэнвей приходился обоим другом. По показаниям, юноша порой был конфликтен, и не раз спорил с Брантом. Ссора произошла и в тот день. И со слов свидетелей перешла в драку с применением магии. Оба студента являлись огнетворцами. Всё произошло в одной из наблюдательных башен. Дэнвей был старшекурсником, и конечно же гораздо более сильным магом.

— Разве не странно, что не смог контролировать силу, являясь одним из лучших студентов-старшекурсников академии?

— Как сказано в деле, Дэнвей был известен тем, что на первых курсах ему с трудом давался контроль. На занятиях он использовал артефакт — специализированные наручи, стабилизовавшие силу стихийника. На последних годах обучения эта проблема была устранена. Но именно она указана, как возможная причина случившегося. Дэнвей от охватившей злости потерял контроль и не смог совладать с огнём, что повлекло гибель Бранта. Синхелм и Фергас вмешались, но было поздно, не смогли помочь.

— Два лучших студента Арда не смогли остановить пламя... — тьма нервно заклубилась под ногами мужчин.

— Возможно, они были далеко от башни. Или заметили происходящее слишком поздно, — предположил Йен.

— Что по этому поводу сказано в показаниях?

— Этих подробностей — нет... — хмурясь, пояснил капитан. — Всё случилось вечером, во время самоподготовки в корпусе боевых магов. В деле указано, что первым башню покинул Фергас, он и поднял тревогу. Следом за ним смог выбраться Синхелм. Преподаватель Шамус Азелтан вытащил из башни Дэнвея. Успел до того, как та стала рушиться. Когда уладили пламя, то под обломками нашли тело Бранта. К сожалению, юноша был слишком слаб и неопытен, чтоб защититься щитом. Разве преподаватели в Арде не обязаны контролировать каждое занятие на боевом факультете, Рэйван?

— Выпускной курс курирует занятия новичков, это их практика. Поэтому возможно, в тот день они отвечали за безопасность на площадке.

— Видимо, это не лучшая идея, хоть и понятна её цель.

— Если невозможно доверить выпускнику даже тренировку первого курса, то стоит закрыть факультет... Тем не менее, один из этих «специалистов» сейчас — декан, а второй — герой королевства и ведёт за собой армию, — мрачно проговорил Кристиан. — Почему Дэнвея сочли мёртвым? Его тело было найдено? Что произошло с конвоем?

— Дорога пролегала через горы. Так можно было отлично сократить путь.

— И напороться на йерийцев, которые так любят грабить обозы и глупых путников.

— Согласен, не лучший выбор, — кивнул Брутус. — Выходцев из этого разбойничьего клана и обвинили в нападении. Один из убитых был одет, как йериец. И найден рядом с

талами конвоиров. Всего в сопровождении, по имеющейся информации, было шесть человек. Погибшими считаются все. Лошади понесли, и экипаж с заключённым, включая двух охранников, сорвался со скал. Поскольку Дэнвей был на время лишён своей силы, то посчитали, что погиб при падении, как и его охрана. О том, где захоронены тела, или были ли они подняты, ничего не сказано в деле. Возможно некоторая информация утерялась, как я говорил ранее. Но суть такова. Это хоть чем-то поможет вам, Рэйван?

— Вы помогли мне, Брутус. Безусловно, — с благодарностью ответил Кристиан.

В живых не осталось никого, кроме двух дружков-свидетелей. Как удобно... Дело решили поскорее закрыть, не желая портить репутацию королевской академии. Никто особо и разбираться не стал в нелепости произошедшего. Выглядело всё именно так, хотя бы для него. И возможно, Дэнвею просто «повезло» оказаться не в том месте и не в то время. Чувство того, что всё же оказался прав насчёт Томарина, не отпускало Кристиана. Могло ли мальчишке повезти настолько, что выжил на тех скалах?

Глава 30

— Ты точно не знаешь, кто он? — сощурился Талл, глядя на подругу. — Вот прямо даже предположений никаких нет?

— Нет... — ломким голосом отозвалась Ивон, и даже улыбнулась. — Понятия не имею.

— Врёшь же, — Шагрим принялся нервно выстукивать ладонями по рулю кланкея.

— Вот ещё, — возмутилась Ивон.

Она убрала за спину косу, и оглядела двор академии. Чудесный день сегодня. Такой свежий, а облака скрывали солнце, не давая ему припекать. Идеально...

— Как она могла тайно выйти замуж? — не унимался Талл. — У меня просто слов нет. И ещё надеялась, что я не узнаю? Я — инрэйг, между прочим! Брачную печать от меня не утаишь. На что рассчитывала?

— Может на то, что оставишь в покое? — хмыкнула Ивон.

— Пусть и не мечтает. Да кто он такой? Что за спешка и таинственность? Настолько великолепен? Или страшен, как демон? Точно... — сам с собой соглашаясь, кивнул Талл. — Наверняка какой-то жалкий неудачник, раз не может о нём рассказать. Девушки постоянно хвастаются. Трин бы не выдержала, будь иначе.

— Ты не знаешь Трин? — скептически поглядела на него Ивон. — Она когда-нибудь вела себя как остальные девушки?

Кристиан Рэйван — жалкий неудачник? Страшен, как демон? Бедный Шагрим... Его ждало великое разочарование. Но где носило саму Трин?

— Куда Трин снова пропала?

— Хэйл наказал всю их группу за драку с подопечными Колума. Наверняка до вечера продержит в корпусе. Так что можешь не ждать.

— Опять? Она не присутствовала даже на обеде! — Ивон сжала кулаки. — Брис морит их голодом? Он — настоящее чудовище.

— Поверь мне, если бы Брис Хэйл был так плох, то объявил всем предупреждение за нарушение устава Арда. Но не сделал этого. Он хорош. Ты просто не понимаешь всех тонкостей.

— Куда уж мне.

— Не волнуйся. Пропущенный обед — это меньшее, что сейчас их волнует. Наедятся за ужином.

Шагрим кинул взгляд на первый этаж замка, туда, где были открыты окна. Один из преподавателей оживлённо обсуждал что-то с Гарсом. Словно почувствовав чей-то взгляд, артефактор обернулся и посмотрел во двор. Вы только гляньте. Улыбается. Светится ярче солнца. Чему он радуется, этот маг? Потому что Лейвр здесь? Точно ведь на неё пялится. А потом у девиц проблемы из-за таких красавчиков...

Нет, наверняка вмешались некие недобрые силы. Иного объяснения своему порыву потом Талл отыскать не мог. Но понимая, что Гарс продолжал наблюдать за ними, склонился на кланке к Ивон. Придержал её за подбородок и поцеловал. Просто коснулся губ, тут же понимая, что жить ему осталось недолго. Но ведь сама умоляла притвориться её возлюбленным.

— Ладно, мне уже пора. Увидимся вечером, цветочек, — кланкей немедленно поднялся в воздух, унося его от праведного гнева подруги.

— Ты... — негодуя, Ивон развернулась, чтоб покинуть площадку, где оставлялись кланкей.

Только тогда смогла понять причину безумной выходки инрёйга. Гарс открыто усмехнулся, махнув ей рукой. Боги... Он всё видел. Шагрим перед ним представление устроил! И сбежал, оставляя одну. Ивон приказала себе мило улыбнуться в ответ, и приподняла руку, махнув преподавателю.

Она уже в тысячный раз пожалела, что просила помощи у Талла. Но признавала и тот факт, что их притворство дало свой результат. Её хотя бы перестали запугивать и строить козни. Пусть и шептались за спиной, но уже привыкла. Как и привыкала приходить после вечерних занятий к главной лестнице у центрального входа. Для того чтоб встретить вечно опаздывавшего инрёйга. И услышать это самонадеянное «соскучилась, цветочек». Да. Он был нагл и самонадеян. И обожал подшучивать над нею. И злил порой ужасно.

Вот и сейчас. Была зла, но к этому чувству примешивалось и нечто новое. Нечто тёплое, что будто расцветало в груди неким удивительным цветком. Вот он — расправил нежные золотистые лепестки, наполняя сознание трепетом. А затем растаял, оставляя ощущение сладкого послевкусия.

Что это? Талл использовал при поцелуе свою магию? Или это её воображение? Ну не спросить же, в самом деле? Нет. Никогда. Разве что проверить самой. Но для этого придётся повторить. Только ради эксперимента...

— Ты сошла с ума, Лейвр? Или точно под чарами?..

Ивон коснулась губ кончиками пальцев. Она повернулась, глядя на высокое небо, укрытое белыми облаками. Улетел... Наверняка уже у корпуса боевых магов.

Прикидывая свои шансы не быть убитым во время предстоящего ужина, Шагрим пролетел над тренировочными площадками. Может просто не явиться? И на завтрак. И на обед. Сколько он выдержит без еды?

— А смерть будет мучительной... — вздохнул он, наблюдая за происходящим внизу.

Трин и её товарищи до сих пор находились во дворе перед главным входом в корпус. Талл слышал, как ворчали и спорили наказанные Брисом Хэйлом огнетворцы, толкая друг друга, мучаясь и пытаясь выполнить задание преподавателя. Форменными штанами собрали всю грязь, ища что-то на выложенном брусчаткой дворе.

— Серый ищи!

— Они все серые! — слышалось хриплое в ответ.

— Тот должен быть серее!..

Сам Брис прохладился на смотровой площадке, говоря о чём-то с одним из преподавателей. Вмешиваться и пытаться помочь подруге Талл не мог. Пришлось мысленно пожелать удачи и спешить к своим. Занятия скоро начнутся. Он сделал ещё один круг над зданием, и спустился, оставляя кланкей среди других экипажей.

Трин проводила друга взглядом, затем стёрла испарину со лба рукавом рубашки и вновь вернулась к своему занятию. Точнее — к ненавистному исполнению наказания, объявленного Хэйлом. А всё мальчишки... И зачем только ввязались в ту драку, скажите на милость? Пришлось разнимать их, получить кулаком в глаз, а затем ещё и «награду» от преподавателя. Она ведь пыталась призвать всех к порядку! Где, спрашивается, справедливость? Нет её. И широкая ухмылка Хэйла только подтверждала это. Если и наказаны, то все без исключения. Чтоб при следующем разе неповадно было.

И теперь им велено отыскать среди совершенно одинаковых камней, которыми выложили двор перед корпусом, те, что зачарованы. И не просто отыскать, а ещё и коснуться в нужном порядке, чтоб в итоге активировалась старая защитная печать. Чудачество это было придумано ещё при строительстве боевого корпуса. И тем, кто явно ненавидел студентов. Никак иначе. Воспользоваться своим даром и ощутить магию, наложенную на камни, не удавалось, как ни старались. Ползали на коленях с утра, и всё без толку.

Скулу саднило, синяк под глазом к вечеру появится непременно. Кристиан будет в восторге... Трин в который раз вглядывалась в камни, пытаясь различить хоть какие-то оттенки в пыли.

— Да одинаковые они! — не выдерживая, психанул Радуга. — Может и нет никакой печати. А? Вот издевается просто Брис и всё тут.

— Угу, — обтирая грязь с лица, кивнул Гай. — Ты пойдёшь, скажи ему об этом!

— Ищем дальше, — хмуро велел Тео. — Кажется на тех, что нужны, есть небольшие щербинки. Проверяйте каждый камень.

— Я их не чувствую... — страдальчески отозвался Ян.

— Придётся почувствовать, если хочешь до отбоя убраться отсюда!

Не вступая с ними в спор, Трин прислушалась к словам Тео. Им действительно нужно заканчивать заниматься этой ерундой. Находя подходящий камень, она вытаскивала нож и пометила его царапиной, чтоб вновь не искать. То же стали делать и товарищи, не переставая подначивать друг друга.

Трин зевнула в кулак, и тряхнула головой, отгоняя сонливость. В прошлую ночь ей опять не спалось. Точнее сон приходил, но лишь растревожил, оставляя потом до утра в раздумьях. Повторялось это уже в который раз. А точнее — началось со следующего дня после принесённой с Кристианом клятвы в храме Бевана. Обряд, соединивший их души, имел огромнейшую силу. Мог ли он повлиять на ранее наведённый морок?

Кристиан считал это вполне возможным. И волновался за неё. Слишком много вмешательств на одну душу, на одно сознание. Нитям памяти свойственно переплетаться, создавая уникальный узор воспоминания. Но нарушая эту хрупкую структуру, можно создать и совершенно хаотичный узор, который лишь больше запутает. Где были сны, а где размытые границы собственных воспоминаний, Трин не могла понять.

Она слышала голоса, видела лица, но не узнавала их. Ощущала жар и запах дыма, вплоть до горечи во рту, словно находилась на пожарище. И просыпалась, буквально задыхаясь, чем пугала свою соседку по комнате. А находясь под впечатлением от сна, порой и днём продолжала слышать голоса. Будто кто-то звал её по имени, и голос был так тревожен.

Трин нахмурилась, чувствуя, как снова заболела скула. Интересно, что если она потихоньку сходит с ума? И в один «прекрасный» момент просто не осознаёт этого и потеряет себя навсегда?

— Ну уж нет...

— Есть другие варианты, Синхелм? — возмутился рядом Гай, вынуждая её отвлечься от мыслей.

— Что?

— Мы нашли двенадцать штук. Вроде бы все. Теперь нужно определить вид печати. Будем пробовать все варианты, которые нам известны. Так что хватит мечтать. На тебе вот эти две, — согруппник ткнул перепачканным пальцем в камни.

— Нужно коснуться их в определённой последовательности, — обратился ко всем Тео. — Сосредоточьтесь. Если повезёт, она активируется, и мы будем свободны.

— А если нет? — вяло отозвался Димер.

Тео придвинулся ближе к Трин, разглядывая площадку внимательным взглядом и прикидывая возможную последовательности для первой попытки.

— Попробуем ещё раз. И ещё, и ещё. Пока не получится, — проговорил он твёрдо, пресекая возражения товарищей. — Гай, это твой участок. Ян — ты следишь здесь и здесь...

Тео продолжил распределять камни между ними, вынуждая всех рассестись кругом. Со стороны могло показаться, что они решили призвать демона, ползая по дороге и бормоча нечто невразумительное.

Трин слушала внимательно, не желая подвести товарищей. Но то ли от недосыпания, то ли от усталости, голова шумела и не давала толком сосредоточиться на важных словах.

— Трин, — позвали её.

— Да?

— Трин...

Она повернула голову к Тео, с удивлением замечая, что старший их группы сейчас говорил с Димером.

— Трин, когда я скажу... — слышалось снова, но слова заглушил некий глухой нарастающий шум, вынудивший глянуть в противоположную сторону.

Неожиданно жаркий, обжигающий воздух ударил в лицо, выбивая дыхание и заставляя глаза слезиться. Трин удержалась руками за землю, чувствуя, какой горячей была та под ладонями. Горячей. Мягкой... Камни исчезли. И снова этот запах гари.

— Трин, когда я скажу бежать, ты должна немедленно послушаться! — выкрикнули ей, затем хватая за руку повыше локтя и хорошенько встряхивая. — Ты слышишь меня?!

Глава 31

Она слышала... Голос был таким знакомым, как и лицо склонившегося над ней юноши. Но не могла толком разглядеть его из-за слоя гари, укрывавшего кожу. Только голубые глаза блестели взволнованно, а пепел так укрывал светлые волосы, что те казались седыми.

— Трин... — перепачканная ладонь дрожала, когда прижал к её щеке.

Лес горел, укрывался едким дымом, раскалял воздух. Звуки разразившегося боя оглушали, как и треск ломавшихся деревьев, обугленных до черноты. Земля дрожала под их ногами, словно пыталась стряхнуть обезумевших людей.

— Там, у реки, — торопливо заговорил юноша. — Помнишь? У самой воды ты будешь в безопасности. Трин. Ты слышишь меня?

— Мама... Мама осталась там... — она схватилась маленькими руками за его порванную рубаху.

— Она сильная. Обязательно выберется. Трин. Я обещаю...

Врал. Она знала, что врал. Ни капли магии в руках матери не было, как и у державшего её мальчишки. Ни один смертный не мог выжить в этом огне.

— Я не хочу уходить без тебя, Яр! — она зашлась сухим кашлем, и всё размылось перед глазами, наполнившись слезами.

— Я догоню. Я буду следом за тобой. Я обещаю... — свободной рукой он зажал рану на животе, стараясь не думать о крови, сочившейся между пальцами. — Беги, Трин... Куда ты, туда и я. Всегда... Верно?..

— Всегда... — эхом повторяла она. — Всегда...

Не желала уходить, но память жестоко обрывала одну из нитей, давая только возможность увидеть, как тот, кого считала братом, падал в чёрную траву...

Она так устала... Но не посмела нарушить обещание и остановиться. Бежала вперёд, не разбирая дороги. Её просто не было. Бежала по горящему лесу, дрожа всем телом. Глаза впервые вспыхивали ярким золотом, пробуждая её силу. Бесплезную, такую бесплезную сейчас. Сознание путалось, рисуя несуществующих чудовищ, преследовавших её среди леса, окутанного плотным дымом. Или такова была истинная суть тех, кто пришёл забрать их жизни? Хотелось закричать на весь лес, и испепелить каждого, кто посмел вторгнуться на её землю. Враги. Все враги. Предатели. Все...

Зазвучал и другой голос. Тихо, едва слышно. Будто потянул за руку, отводя по безопасному пути. Этот голос она уже знала. Слышала его столько раз. Он пел, и слова лились, заставляя Трин повторять уже полюбившуюся колыбельную. То был голос матери. Всё, что осталось у неё — лишь голос...

И вновь всё таяло перед глазами, вынуждая падать на горячую землю у кромки леса, осознавая, что пути отступления нет. Конечно же, враг знал, что оставшиеся в живых попытаются пробраться к реке. Вон она — там, внизу, шумела, звенела холодной водой. Её же мир горел дотла.

Приподнялась на руках, волосы спутались, липли к лицу и не давали толком смотреть. Но всё же увидела. Тёмный силуэт воина возник в дыму. Враг приближался неспешно. Знал, что бежать никто не станет. Был уверен, что уже победил. Страх, ненависть — хлынули по венам, разгоняя кровь и буквально кипятя её приливом силы. Трава вспыхнула под ладонями, затем опадая чёрным пеплом.

Враг. Это был её Враг. Истинное зло. То, что уже столько времени пыталась узнать, терзая и без того измученную память. Шаг. Ещё шаг. Фигура воина поражала размерами. Он казался исполином, и был таковым для лежавшей на земле пятилетней девочки. Тяжёлый плащ вился за спиной, и край его был опален. Ещё шаг... Знакомое движение правой руки, удобнее перехватившей боевой тонукан. Меч не достал из ножен. Да и зачем? Ведь отменно владел собственной стихией.

Она поднялась с земли. Очередное сражение разразилось неподалёку. Чьи-то крики и лязг оружия оглушали, вызывая желание зажать уши и больше не слышать ни звука. Но сжала руки в кулаки, не отводя взгляда от убийцы. Она будет слушать. И будет смотреть. До последнего мгновения. До последнего вдоха. Чтобы никогда не забыть это лицо. Чтобы, даже умерев и переродившись тысячу раз, не забыть и не позволить своей ненависти остыть. Она не имела права забыть...

— Во имя короля... — зазвучал глухой голос. — Во имя народа Камеладера...

Руны вспыхнули под пальцами мага. Узор нанесённых заклинаний растекался по тонукану, останавливаясь у двух лезвий, закреплённых на обоих концах. Она знала это оружие. Ведь столько раз тайно брала со стены оружейной комнаты в замке. Знала и воина, занёсшего над нею тонукан. Сейчас знала. Не тогда. Та Трин впервые глядела в горящие глаза Фемира Синхелма, и наблюдала за тем, как пламя играло бликами на лезвии.

Она готова была принять смерть. Но сильнейший удар заклинания отбросил мага в сторону, вынуждая свалиться среди горелых веток. Разглядеть неожиданного спасителя не давал толком дым. Он клубился, окутывал, путал, кружил голову и вновь обрывал нить воспоминания. Но лишь за тем, чтоб плести очередной кусок узора, не давая Трин опомниться.

Пугающий бой продолжался. Среде пелены дыма, перед нею сражались двое, заставляя лес пылать с ещё большей силой.

— Удел мёртвых — быть преданными земле... — звучал голос Синхелма. — Напрасно ты воскрес... Сними маску. Неужели считаешь, что не узнал бы в ней? Только не я...

Маска была сорвана и брошена на землю неподалёку от Трин. Она потянулась за вещью, поднимая её и сжимая в руке, будто последнюю надежду. Бесплезно лепетала заученное защитное заклинание, будто оно и в самом деле могло придать сил и уберечь того, кто бился за неё. В этот раз боги даровали ей мимолётную возможность, и смогла разглядеть лицо мужчины.

— Однажды ты ответишь за всё содеянное, — тёмные пряди волос, спутанные, липли к ране на лбу. Карие глаза, вспыхнули золотом, когда отражал очередной удар слабеющими руками, поскольку был ранен. — Ты будешь проклят за своё предательство, Синхелм. За каждую невинную жизнь, отобранную тобой...

Отец... Трин чувствовала, что силы покидали его. И грудь сдавило от невыносимой боли, когда упал на горящую землю, поверженный врагом. Тем, кого она ненавидела всем сердцем, всем своим существом.

Собственный крик оглушил её, а всплеск силы заполонил сознание, высвобождая стихию. Полыхала земля, полыхало небо. Догорала её душа. Где-то сверху раздался треск. Одно из горящих деревьев рухнуло, грозя придавить её, когда собирая последние силы, отец смог приподнять руку, выставляя щит и укрывая дочь.

— Моя Трин... — произнёс он одними губами, прежде чем последний удар оборвал его жизнь.

Всё исчезло. Стихло. Умерла ли она? Как мать, как названный брат, как отец. Умерла более чем на десяток лет. Чтобы затем восстать из пепла, как почитаемая томаринцами птица броз.

Находясь в полной тьме, Трин попыталась зацепиться сознанием хоть за что-то, позволившее вырваться из этого плена. Она должна найти, должна суметь. Но тьма была так мягка, так прохладна. Касалась лица, губ, её горячих ладоней, наполняя удивительной лёгкостью. Соппротивление её таяло, и всё не могла напиться этим покоем и тишиной.

Кристиан снова коснулся горячей щеки Трин. Хвала богам и ардовскому целителю — жар спадал, и она перестала метаться в постели. «Владения» Серласа занимали несколько комнат, соединённых между собой для удобства целителя. И сегодня Трин являлась его единственной пациенткой.

Её состояние Кристиан ощутил сразу, благодаря брачной печати, соединившей их. Бросив в тот момент Брутуса в своём кабинете, переместился в боевой корпус, где и нашёл жену. Пытаясь оказать помощь и остановить охватившее её пламя, Хэйл получил пару ожогов, после чего и сам попался в цепкие руки Серласа. Но всё же собрался сбежать, едва целитель отлучился. Правда смерил при этом Рэйвана очередным недоверчивым взглядом. А всё от того, что пришлось рассказать о женитьбе, чтобы объяснить, какого хаоса не отходил от постели студентки, держа её за руку...

Но не слишком ли усердную заботу проявлял этот маг? Решил, что он, как повелитель нежити, вздумает сотворить что-то с юной женой? Серьёзно? Они недавно пили вместе! И теперь он под подозрением? Проклятье...

— Ступайте, отоспитесь, Брис, — сдержанно велел некромант.

Подчинённый потоптался в сомнении, потёр подпаленное плечо, и рукав его при этих действиях треснул, повиснув тряпкой. Кристиан шумно вздохнул. Кажется, придётся скупить у портного все рубашки, чтоб раздавать каждому пострадавшему от него самого или от Спички.

— Это не моё дело...

— Верно, — кинул ему Рэйван.

— Но я всё же скажу, — переупрямил его взглядом Хэйл.

— И кто бы сомневался, — сдался некромант.

— Это хорошо.

— Что хорошего вы здесь видите, Брис? — стараясь не повышать голос и не тревожить сон Трин, спросил Кристиан.

— Вас.

— Что?..

— Хорошо, что это именно вы.

— Одобряете, значит?

— Вполне, — хмыкнул маг.

— Премного благодарен.

— Я знаю, — самонадеянно отозвался у двери Хэйл. — Доброй ночи. И надеюсь, завтра услышать добрые вести.

Глава 32

Платье было настолько тесно в груди, что при каждом следующем вздохе нитки на лифе трещали всё сильнее. Или ей казалось? Она просто задохнётся... Задохнётся от волнения в этом проклятом краденом платье. И почему оказалось единственным приличным нарядом, который удалось стянуть в прачечной? А явиться сюда в своей одежде было самоубийству подобно.

Хельга нервно коснулась запястья, где была повязана лента, скрывавшая отличительный знак её принадлежности к томаринским разбойникам. Видеть этот рисунок здешним обитателям вовсе ни к чему. Впрочем, даже в дорогих юбках она была безумицей. И торопливо идя по коридору королевской академии, Хельга мысленно произносила единственную известную ей молитву. Надеюсь, что боги даруют ей шанс, и достигнет своей цели. Она обязана справиться. Другого шанса просто не будет.

Заставляя себя дышать спокойно, она ощущала холод артефакта, надетого на шею. Небольшой медальон практически исчерпал все свои силы, позволяя ей незаметно пройти по территории замка и даже оказаться в нём. Но был слишком слаб, чтоб до конца защищать её от ненужных взглядов.

Коридор. Ещё коридор. И ещё... Сколько их тут? Бесконечность. Шумно, суетливо, отпрыски камеладерской знати снуют туда-сюда, благо, не обращая на её персону никакого внимания. И не нужно. Ей не нужно это внимание. Ей нужен лишь кабинет ректора Арда. Нужен некромант Рэйван. Только бы дойти... Она свернула в очередной коридор, замечая впереди лестницу. Ещё немного.

— Каэли Зорик?

Внезапно кто-то коснулся её локтя. Хельга едва сдержалась, чтоб не вывернуть неизвестному наглецу руку, вовремя спохватившись. Она медленно обернулась, надевая самую милую улыбку, на которую только была сейчас способна.

— Вы ошиблись, полагаю.

Вот и конец действию артефакта...

— Прошу простить меня, — виновато склонил голову неизвестный мужчина, отпуская её руку. — Я действительно обознался.

— Со всяким может случиться.

Не переставая улыбаться, Хельга отступила. Нужно поскорее ускользнуть от внимательного взгляда того, кто наверняка являлся преподавателем академии.

— Никогда ранее не видел вас в Арде. Я — Дар Колум. Преподаю на боевом факультете, — мужчина протянул руку для приветствия.

Хельге пришлось ответить, пытаясь развеять возможные подозрения. Она протянула свою руку, собираясь пожать предложенную ладонь. Но вместо этого Колум галантно склонил голову и коснулся губами её пальцев. Боги. В последний раз с нею были так галантны в прошлой жизни. Она уже и позабыла, каково это — быть уважаемой каэли...

— Хелль Гарро, — представилась она.

Что ж, это имя не звучало больше семи лет. И возможно назвав его сейчас, заработала новые проблемы. Но риск был оправдан. Станут искать информацию о странной посетительнице, единственное, что всплывёт — это дело о пропавшей без вести воспитаннице бывшего начальника стражей. Благо уже отдавшего душу богам. А точнее — демонам. Если не побрезговали прибрать её. От воспоминаний о распускавшем руки мерзком опекуне, Хельга вздрогнула. Но к хаосу мысли о нём. Сейчас она должна думать только о том, кем было полно её сердце. Она должна спасти Яра.

— Позвольте поинтересоваться. Вы с личным визитом в Арде? Или...

— С личным, — стараясь быть мягче, прервала его Хельга. — Я так взволнованна.

— Я могу помочь чем-то? — с участием поинтересовался Колум. — Вы ищите кого-то?

— Да. Я ищу ректора академии. Господина Рэйвана, — торопливо заговорила Хельга, для большего эффекта касаясь кончиками пальцев рукава мужчины. Глаза её распахнулись, а от «взволнованного» вздоха грудь едва не разорвала душившее платье. — Не так давно господин Рэйван вступился за честь моей младшей сестры. Лишь сегодня я узнала от неё имя спасителя. Пришла сюда, чтоб лично выразить свою благодарность...

Пустить слезу? Нет. Пожалуй, не стоит, иначе перестарается.

— Каэль Рэйван воистину благороден душой, — согласился с ней Колум. — Я провожу вас. Иначе будете блуждать по этим коридорам до вечера. Позволите?

Он жестом предложил следовать к лестнице. Хельга была благодарна. Искренне. Даже улыбка в этот раз вышла настоящей.

— Благодарю, — не собираясь зря терять время, она отправилась следом за своим нечаянным проводником.

Только бы Рэйван оказался в своём кабинете. Только бы выслушал раньше, чем отдаст приказ о её аресте. Оставалось верить в слова Колума. Этот некромант действительно был благороден душой, что и дарило надежду.

То, что удача не отвернулась от неё, и хозяин Арда находился у себя, Хельга ощутила, едва приблизилась к двери. Желая помочь гостю и дальше, Колум сдержанно постучал. А получив разрешение, заглянул внутрь кабинета.

— Доброе утро, каэль Рэйван. К вам посетитель из Валмира. Точнее — очаровательная посетительница. Прошу вас уделить ей немного времени, — маг склонил голову в приветствии.

Рэйван был молчалив и мрачен с самого рассвета. Возможно не лучший момент для встречи. Но кто он, чтоб судить об этом? Ректор молча кивнул, жестом приглашая впустить посетительницу. Колум ободряюще улыбнулся ей, и закрыл дверь за спиной, оставляя наедине.

Хельга остановилась на пороге. Рэйван был у окна. Стоял вполоборота, опустив ладонь на подоконник, и явно сдерживался, чтоб казаться хоть немного учтивым.

— Кто вы? Что привело вас в стены Арда? — голос звучал ровно. Никаких эмоций на лице.

Но дар, позволявший Хельге чувствовать происходившее на душе некроманта, не позволил обмануть внешним безразличием. Мятежная душа рвалась, желала быть совершенно в ином месте. Надо же... Абсолютно те же чувства обуревали и её сейчас. Что же заставляло Рэйвана сходить с ума от беспокойства? Что-то случилось с Трин? В таком состоянии он не готов к долгим речам. Придётся без вступлений.

— Я знаю, что ты ищешь информацию о семье своей жены.

В кабинете ощутимо похолодало, и глаза Кристиана блеснули опасным серебром. Сбрасывая маску вежливого аристократа, он прошёлся по кабинету и приблизился к госте. Взгляд опустил на руку Хельги, сжатую в кулак, и на запястье, скрытое лентой. Мгновение, и тонкая ткань осыпалась на пол, истлев. Уголок губ Рэйвана дрогнул, когда, как и предполагал, увидел знак птицы.

— Разбойница в королевской академии. В моём кабинете. Впечатляющее безрассудство.

— Верно. Я безрассудна. Но лишь от желания защитить единственное, что дорого. Тебе ведь знакомо это чувство, Рэйван? И так уж вышло, что в этот раз наши интересы совпали, — торопливо заговорила Хельга, упрямо глядя на него. — Поэтому...

— Поэтому? — Кристиан скалой возвышался над нею.

— Поэтому ты должен помочь мне.

— Значит, обмен? — тьма беспокойно заклубилась у их ног.

— Да, — твёрдо произнесла Хельга.

— И что мешает мне получить желаемое от полукровки, вздумавшей явиться на мою территорию? — сухо осведомился некромант.

— Благородство, — тем же тоном ответила гостья.

— Не стоит заблуждаться на мой счёт, томаринка. Я сейчас не в том настроении. И для того, чтоб получить нужную мне информацию, увы, могу забыть о мнимом благородстве.

— Даже пытая меня, ты ничего не получишь. Ибо я говорю не о себе. Единственный человек, который знает всю правду о твоей жене, будет казнён завтра на рассвете, Рэйван.

— Ты говоришь о Яре? — он глядел пристально, будто проверял, лжёт ли.

— Да, — выдохнула Хельга, не сумев скрыть волнение.

Заметил это и Рэйван. Взгляд его смягчился, при этом волнение передалось и ему.

— Этот томаринец не способен о себе позаботиться, — пробормотал Кристиан. — И так, он под стражей. Вот, значит, куда пропал.

— Я знаю, что ты искал его.

— Как мог быть настолько неосторожен?

— Яр всегда был слишком сентиментален. Не удержался и в этот раз. Не послушал меня. Захотел лично понаблюдать за тем, как кое-кто приносил клятвы в храме Бевана, — в отчаянии проговорила Хельга. — Я говорила ему, что не стоит выходить в город днём. И вот итог. Мне удалось сбежать, и я пыталась помочь. Но оказалась бессильна. Освободить его из-под конвоя не вышло. В городскую тюрьму мне не пробраться. Поэтому и пришла к тебе. Ты должен спасти его. Только ты можешь это сделать.

Хельга сделала шаг к Кристиану.

— Твоя вера в мои способности впечатляет. Но я не имею власти над стражами и вынесенным приговором.

— Я знаю способ. Для этого и нужен ты. Твоя... внушительность. Твоя кровь. То есть... Ты — аристократ. Ты богат. Тебя боятся в городе.

— Вот как?

— Единственный способ вытащить Яра — это выкупить его. Я знаю, что есть закон, позволяющий выкуп приговорённого.

— Он действительно есть. Но ты понимаешь суть этого выкупа, томаринка? — нахмурился Рэйван.

— Просто спаси его... — шёпотом произнесла Хельга, и глаза её наполнились слезами.

— А готов ли Яр принять подобное спасение? Оно что клетка для свободной птицы. Приговорённый к смертной казни может быть выкуплен лишь в вечное рабство. Это — постыдное клеймо. Это значит, что его душа будет принадлежать мне. Он не сможет вернуться к разбойничьему клану. Ибо каждый его шаг будет расценён, как моё повеление. А я не позволю преступить закон.

— Поверь, вы и так связаны. Связаны чувствами к этой девочке. Муж и брат, пусть и не по крови. Кто может быть ближе, Рэйван? Отдать душу, чтобы открыть Трин правду? Яр готов вырезать себе сердце, если потребуется, и посчитает это оправданной жертвой. Нет, даже за жертву не сочтёт. Просто сделает, не задумываясь. Если Трин вспомнит кто он...

— Она уже помнит, — Кристиан тяжело вздохнул. — Она помнит, кто этот разбойник.

— К ней вернулись воспоминания? — удивилась Хельга.

— Трин вспомнила день, когда была убита её семья, — сдерживая прилив гнева, ответил Рэйван. — И вспомнила, на чьих руках эта кровь.

— Так она знает?.. — тень сострадания коснулась лица женщины, но Кристиан не дал ей договорить.

— Вперёд, каэли разбойница. Пора купить душу этого названного братца и вытрясти из неё всё, что знает.

Глава 33

На неожиданного гостя начальник тюрьмы смотрел и с опаской, и с подозрением. Репутация у некроманта была ещё та... Но кто в здравом уме будет верить всему, что пишут в местных газетёнках? Все ведь знают, что недавно Рэйван был гостем в доме управляющего Улхара. И тот лично благодарил за спасение дочери, будь она неладна...

Вроде как и сомнения одолевали, но уж больно привлекательным казался кошелёк, брошенный на стол перед ним. Казнить разбойника — невелика потеха. Пришлось ещё и потратиться на выплату вознаграждения за его поимку. Одни расходы... А выгоды никакой. Другое дело — великодушное пожертвование именитого господина. И кто, скажите на милость, будет знать, сколько именно золотых было отсыпано некромантом?

Процент за свою головную боль можно и удержать. Он заслужил. В это Нур Освин верил свято. Даже кивнул собственным мыслям. А если что случится, так всегда можно сослаться на то, что по наивности поверил, будто сам управляющий не мог в гости кого попало звать. Значит, своим расположением к Рэйвану и подтвердил правильность теперешнего решения.

— Что же вынуждает вас колебаться? — голос некроманта вырвал Освина из мыслей, вынуждая вздрогнуть.

Истинный сын Смерти... Чёрные одеяния только больше оттеняли бледное лицо. В глазах — сама бездна. Казалось, что весь кабинет, ещё недавно душный и солнечный, пропитался тьмой, будто старый склеп. И как детишки в Арде с ним рядом находятся? Такому тюрьмой заведовать, а не королевской академией.

— Я должен всё тщательно обдумать, — Освин был жалким актёром.

Кристиану сейчас подумалось, что даже более жалким, чем он сам. Они друг друга стоили. Он — изображавший восставшего мертвеца, и сидевший за столом стихийник, возмнивший, будто у него было много вариантов. А сам то и дело поглядывал на брошенный кошелек, уже давясь слюной и подсчитывая, на что истратит содержимое. Чего ж тянуть, проклятье?

— Возможно ли, что вам жалко этого разбойника, уважаемый Освин? — холодно осведомился Кристиан, теряя терпение. — Желаете ему лёгкой смерти на площади?

— Вовсе нет! — Освин даже поднялся с кресла, успевая схватить кошелек, когда гость отодвинул его к себе. — Как я могу жалеть негодяя? Быть рабом уважаемого господина, и терпеть вечные муки — вот заслуженная кара. Пусть служит вам, каэль Рэйван. Прекрасная участь для подобного мусора.

Гляньте, даже вспотел. Кристиан подавил растущее отвращение. Нет, он решительно задышался в этих стенах. Пора на свежий воздух.

— Так где же то, что я плачу? — опасно понизился его голос. — У меня достаточно иных вариантов. И там уж точно не будут заставлять ждать, тратя моё бесценное время.

— Нет-нет. Вы должны понимать, каэль Рэйван. Всё должно быть по протоколу... Бумажки, знаете ли... Одна ваша печать, и заключённого приведут, — торопливо заверил Освин, принимаясь шуршать разбросанными по столу документами.

Те посыпались на пол, и Кристиан нервно бросил взгляд на лист бумаги, упавший на его ботинок. Страхнул его, и вынужден был ожидать ещё несколько бесконечно долгих минут, пока не поставил родовую печать на предложенной бумажке.

Осталось последнее: клеймить позорной печатью томаринца, привязывая тем самым его душу. Заклинание болезненное, но сильнее ранит самолюбие, чем тело. Хотя, телу разбойника, как оказалось, досталось не меньше. В этом смог убедиться, когда вышел во двор. Двое конвоиров подвели Яра к крыльцу, непременно пожелав ударить в спину, чем вынудили упасть на колени перед новым хозяином.

Кристиан сдержался, внешне невозмутимо глядя на разбитое лицо разбойника. Кровь на подбородке засохла, но вновь выступила на губах, стоило Яру зло выругаться. Снова удар... Зазвенели цепи от кандалов на руках и ногах томаринца. Рэйван нетерпеливо велел конвоирам убираться в сторону, и не портить «товар». Яр впился в него пронзительным взглядом, и получил такой же в ответ от некроманта.

С опаской косясь на Рэйвана, конвоиры держались теперь на расстоянии, оставляя со своей жертвой. Не спешил присоединиться и Освин, наблюдая за действием с крыльца, и явно надеясь, что гость скоро уберётся с его территории. В этом Кристиан был с ним солидарен. Он хотел того же. Нужно заканчивать. И, кажется, сейчас у него есть небольшая возможность сделать то, о чём размышлял всю дорогу до городской тюрьмы. Стоит рискнуть. Может и повезёт...

Кристиан принялся тихо читать заклинание, и на его ладони бледным светом стала проявляться печать. Он видел смятение на лице разбойника. И противна была сама ситуация, вынуждавшая возвышаться над ним, играя роль негодяя. Как он дал уговорить себя на подобное безумие?..

Яр молчал. Понимал происходящее? Наверняка толком не осознавал, что едва закончит читать заклинание и сотворит печать, то будет иметь над ним полную власть. Вплоть до того, что мог умертвить, стоит пожелать этого мысленно. Смятение разбойника сменилось решительностью. Смотрел упрямо, с вызовом, хоть и стоял на коленях. Хорош братец, ничего не скажешь...

Печать затлела ярче, обжигая руку. Глядя в глаза томаринца, Кристиан продолжил говорить на неизвестном языке, и приложил ладонь к его лбу. Яр стиснул зубы, всё же не сдержав глухой стон, когда другая печать принялась проступать на его шее, буквально выжигаясь на ней. Глаза томаринца вспыхнули углями, а грудь пронзило острой болью, словно кто вонзил в неё нож. Кровь пошла носом, и голову наполнил противный звон.

Затем пришло некоторое облегчение, а за ним и ощущение пустоты. Казалось, что все краски в мире поблекли, а звуки утратили свою живость. Глаза угасли, и только печать алела на шее, напоминая Яру о том, что теперь он жалкий раб. Без души, без права на имя. Но это не имело значения. Он исполнит свой долг. А там — будь что будет...

— Кандалы, — потребовал Рэйван.

А едва они были сняты и брошены на пыльную землю, как молча направился к воротам. К новообретённому «рабу» не обернулся, прекрасно зная, что тот последует за ним. Как иначе? Теперь томаринец — его личная тень.

Правда лишь на несколько дней... Но сейчас нужно убираться со двора, пока ни Освин, ни кто-то из тюремщиков не понял, что произошло. Проклятие изматывает. Яр в самом деле будет считать, что привязан к нему и утратил душу. Посчитает так и Освин. Затем действие чёрной магии закончится. Главное продержаться этот срок. К сожалению, как бы подружка-инрэйг ни старалась исцелить его, светлая магия не подействует. И печать навсегда останется. Но лишь будет проводником его силы, чтобы мог воздействовать при необходимости. Иначе сразу заподозрили бы в попытке спасти разбойника от казни. Не будет пока и Яр знать правду, для достоверности. Всему своё время.

Экипаж ждал неподалёку. Вир стоял около лошадей, и протоптал на дороге целую канаву от нетерпения. Кристиан шёл не торопясь, будто никуда и не спешил. Тем самым давая Яру возможность спокойно догнать его. Томаринец хромал, и лицо его покрылось испариной от слабости. Он остановился у экипажа вслед за Рэйваном, так и не произнеся ни слова.

— Едем, — коротко велел некромант, и Вир кивнул, открывая ему дверцу.

Едва хозяин оказался в салоне, помог и томаринцу подняться на высокую ступеньку.

— Яр, — взволнованно прошептала Хельга, буквально затаскивая друга и помогая сесть рядом с нею.

— Не трать зря силы, — предупредил Кристиан, когда женщина попыталась использовать свою магию, чтобы исцелить Яра. — Это бесполезно. Скоро мы прибудем на место. И у тебя будет время, чтобы оказать помощь.

Экипаж тронулся с места, унося их всё дальше от городской тюрьмы.

— Негодяи... — Хельга взяла Яра за руку.

Он позволил это, прислоняясь тяжёлой головой к стенке экипажа. Затем посмотрел на Кристиана.

— Я должен увидеть Трин. Должен поговорить с ней.

— Не раньше, чем тебя приведут в порядок, томаринец, — Кристиан говорил тихо, зная, что каждое слово отдавалось болью в голове сидящего напротив человека.

Кажется, Яр понял эту «заботу», но был не в состоянии ни благодарить, ни спорить.

— Она пережила сильное потрясение, — пояснил свои слова Рэйван. — И я не допущу повторения. Поэтому для начала ты должен стать похож на человека. А потом уж явиться к Трин.

Глава 34

— Ты должна поесть, — Ивон с укоризной посмотрела на подругу, стоящую у окна, будто статуя. — Всё остынет. Если не хочешь идти со всеми в столовую, то сделай это хотя бы здесь.

— Я не могу.

— Не можешь есть? — заволновалась Ивон.

«Не могу слышать, как они зовут меня «Синхелм». Не могу слышать это имя...» — мысленно проговорила Трин.

— Не могу сейчас находиться в толпе, — уклончиво ответила вслух.

Трин повернула к подруге бледное лицо. Та поджала губы и ткнула пальцем в сторону стола, где остывал принесённый для неё обед.

— Немедленно приступай. Иначе я пожалуюсь, сама знаешь кому.

Угроза подействовала. Трин вяло прошла к столу и опустилась на один из свободных стульев. Взялась за вилку, хоть и не чувствовала аппетита.

— Давай. Я составлю тебе компанию, — Лейвр села напротив неё с коробкой сладостей. Открыла крышку, и комнату наполнил аромат шоколада. — Ничто так не возвращает к жизни, как конфеты, дорогая. Ещё ни одному магу не удалось изобрести что-либо, способное превзойти силу десерта. Попробуй, убедишься сама.

Трин улыбнулась. Устало, но всё же. Ивон порадовалась этому про себя.

— Что будешь делать сегодня? Брис ведь отпустил тебя с занятий.

Точнее — пинком выгнал с площадки... Но об этом Трин не стала говорить подруге.

— Завтра я снова вернусь к занятиям. А сегодня Кристиан хотел поговорить со мной. Я встречу с ним после обеда.

Идти пешком не пришлось, поскольку её перенесли с помощью артефакта. Голова закружилась, но Кристиан удержал за предплечье, давая возможность устоять на ногах. Перенёс в свою комнату, хоть Трин и гадала, где хотел говорить с нею в это время. Они были не одни. Трин заметила у камина незнакомую женщину, уж больно походившую на каэли Зорик. Те же медные волосы, тот же золотой взгляд. Только платье явно не по размеру. Видимо этот факт смущал гостью. Она сложила руки на груди, тем самым прикрывая её и не давая вырваться на свободу из тесного лифа.

Присутствовал и ещё один человек. Стоял у окна, явно ощущая себя неуютно. Особенно в одежде Кристиана. Удивительно, как Яр походил на каэля благородной крови в этой чёрной рубашке, украшенной изысканным шитьём. Только синяки на лице не сочетались с образом. Что с ним случилось? Снова попал в беду? Кристиан столько времени пытался связаться с Яром. Как хорошо, что он здесь. Как хорошо...

— Яр... — тихо произнесла Трин, чувствуя, что сегодня опять будет реветь.

Как же сдержаться? Должно существовать некое заклинание для подобного случая. Но оно было неизвестно ей.

— Трин... — впервые прозвучало её имя с уст томаринца.

Наверное, нужно сказать нечто особенное. Ведь столько лет мечтал об этом моменте. И вот, она перед ним. А он не может подобрать слов. Глупо как... И как же хорошо, что могла считать с его лица все чувства, что обуревали в этот час. Как и он читал её без слов. Горькая радость — так, наверное.

— Что это? — она заметила печать на шее Яра.

— Ты хотел сказать своё слово, томаринец. Так не трать времени зря, — отвлекая жену от вопросов, вмешался Кристиан. — Трин. Яр и его подруга Хельга здесь для того, чтоб рассказать тебе о случившемся с твоей семьёй. Самое печальное тебе уже известно. Выслушай оставшуюся правду, чтобы твоя душа наконец могла обрести покой.

Он видел, как в смятении Трин сжала кулаки и постаралась остаться невозмутимой. Побледнела, но взяла себя в руки. Умница...

— Присядь, — скорее приказал, чем попросил Рэйван, не желая, чтоб переутомлялась зря.

Трин послушно приблизилась к креслу, стоявшему у камина, и опустилась в него. Яр

остался у окна, будто так, на расстоянии, ему было легче начать говорить. Трин снова охватило волнение, но к удивлению, это чувство медленно утихало, окутывая неким чудным спокойствием, будто тёплой шалью. Она кинула взгляд на молчаливую женщину, стоявшую неподалёку. Инрэйг использовала свою силу, чтоб влиять на неё?

— Трин, — заговорил Яр, прислоняясь к подоконнику для удобства. — Мне так жаль, что ты утратила воспоминания. Надеюсь, что смогу помочь тем, что знаю сам. Рэйван верно предположил. Твоим отцом был Дэнвей. Сын бывшего хозяина Томарина. И все несчастья его начались с предательства тех, кого считал лучшими друзьями: Фемира Синхелма и Эрвига Фергаса. Синхелм всегда был несколько тщеславен. Но в последние годы учёбы стал одержим желанием стать первым. Мечтал о королевской службе. Это всё больше сближало его с Фергасом, поскольку желания их во многом совпадали. Но одного желания оказалось мало.

Народ Камеладера воспевают подвиги Синхелма, восхищается его честью и доблестью. Его силой и мастерством. Но всё это — жалкая ложь. Роль, которую он и грает все последние годы. И умело манипулирует своим окружением, создавая идеальный образ. Король — идиот. Он слеп. Вот уж Синхелм веселится, дуря ему голову.

Он и Фергас решились на то, чтоб использовать запрещённые зелья во время боевой подготовки. Оттого и блестящие результаты. Шамус Азелтан — их преподаватель, не мог не знать об этом. Но покрывал. Разумеется, за хорошенькую плату или ввиду шантажа семейств студентов. Ард — обитель лжи и порока...

Яр кинул взгляд на молчавшего Кристиана. Некромант не одёрнул его и не заставил корчиться в муках, используя печать раба. Выходит, был согласен со словами.

— На беду первокурсник Арис Брант подслушал их разговор и узнал о зелье, — продолжил говорить томаринец. — Хотел рассказать всё отцу — королевскому советнику. Но вместо этого решил сыграть в героя. Глупец стал шантажировать Фергаса и Синхелма, требуя у них отменить некие испытания для новичков. Может, случись это раньше, всё было бы иначе. Но одержимость Синхелма не позволила ему остановиться. Он решил избавиться от помехи и потянул за собой Фергаса.

Они воспользовались тем, что у Дэнвея не так давно вышел спор с Брантом. Обычный мальчишеский спор, но обернули всё едва ли не ненавистью. Все знали, что на первых курсах у Дэнвея были проблемы с контролем силы. Он использовал специальный артефакт — наручи. И пусть в них уже не было необходимости перед выпуском, это сыграло большую роль в выдвинутом обвинении.

Бранта заманили в смотровую башню, обещая обсудить вопрос с отменой испытаний. Обманом вынудили прийти туда и Дэнвея. Расчёт был на то, что погибнут оба, и впоследствии обвинят старшекурсника, который не смог обуздать свою силу. Но вмешался Шамус — преподаватель. Фергасу с Синхелмом пришлось геройствовать, изображать, что спасали и друга, и первокурсника.

А потом первым делом сами же и обвинили Дэнвея в убийстве. Преподаватель подтвердил их слова, поскольку боялся за свою шкуру, ведь ранее покрывал действия своих студентов. Дэнвей был исключён из Арда и взят под стражу. Должен был состояться суд. Король потребовал, чтоб он проводился в столице. Поэтому в Деспин отправили конвой, сопровождавший твоего отца, Трин. Спеша выполнить повеление Ламона, выбрали дорогу через горы, чтобы существенно сократить путь.

Именно там была совершена вторая попытка избавиться от Дэнвея. Боясь, что суде правда откроется, либо сами Синхелм и Фергас, либо кто-то из их отцов, подкупили конвоиров. Заключение на время лишился магической силы, поэтому справиться с ним было несложно. Но вновь вмешалась судьба. Той же тропой следовал торговый обоз, показавшийся отличной добычей для местных разбойников из клана йерийцев. Посчитали так и томаринцы, с которыми враждовали. Никто не желал делить добычу и завязался бой.

Йерийцы не щадят никого. Грабя, они убивают всех, даже если в этом нет особой необходимости. Такова их мерзкая суть. Я не оправдываю свои действия, или своих товарищей. Но томаринцы чтят свой кодекс. Мы убиваем, лишь защищаясь. Нам нужна добыча, а не чужие жизни. Некоторые из обозников взяли с собой семьи. И бой принял

иной оборот. Мой старший брат — Калваг, пытался защитить женщин и детей. Твоему отцу удалось освободиться, и он присоединился к нам. Не мог использовать силу из-за её блокады, но и так сражался достойно. Он был серьёзно ранен, и после окончания боя Калваг велел забрать его в лагерь.

Тогда мы посчитали его простым преступником, ждавшим своего суда. Никто из нас не обладал и каплей магии. Потому сами не додумались освободить Дэнвея от артефакта, лишавшего его силы. Рана была тяжёлой. Он долгое время не приходил в себя. Многие считали, что скоро боги приберут его душу. Но Сариа верила. Всегда верила. Ухаживала за ним. Полюбила того, чьё и имя не знала.

А как-то в бреду Дэнвей попытался сорвать крепившийся на шее артефакт. Сариа рискнула снять его. А затем успела выбежать из хижины. Всё сгорело. Дотла. Как факел. Все решили, что чужаку конец. Но он выжил. На наших глазах буквально восстал из этого пепелища. Так и получил имя Броз.

Вернуться он не мог. Сердце отца не выдержало, и он уже покинул этот мир. А мать была так слаба. Дэнвей тайно проник в собственный замок, в Томарин. Успел проститься с нею. Бедняжка ушла спокойно, зная, что единственный сын — жив. И тогда Дэнвей исчез окончательно. Появился томаринец Броз. Остался с нами в клане. Взял в жёны Сариу, которая подарила нам тебя, Трин. Ты родилась на рассвете, в тот день, когда яльмары сбрасывают свои лепестки, зажигая томаринский лес. Твой отец всегда говорил, что сама природа празднует твоё рождение. И пусть это было недолгое время, но он был счастлив. А затем пришла война...

Яр умолк, оттянув давивший ворот чужой рубашки. Был бледен, как тень, что только усиливали тёмные синяки. Говорить о годах войны с вердианцами он не хотел. Не хотел вновь беречь раны. Ни свои, ни Трин. Но должен был завершить свои слова, чтобы наконец закончить с этим.

— Никто из клана не знал настоящего имени Дэнвея. Только мой брат, а впоследствии и я. Для всех он был Броз. Стал нашим вожаком. Вёл нас в бой. Мы пытались помочь близлежащим деревням. Прятали в лесах детей и женщин, поскольку вердианцы выжигали всё дотла. На защиту Валмира и окрестных земель были присланы королевские войска. С ними прибыл и «бессмертный» отряд Синхелма. Люди уже слагали легенды о его подвигах... Воспевали убийцу. Что хотели видеть, то и получали. Броз приказал поддержать войска, поскольку леса «принадлежали» нам. Эту территорию никто не знал лучше нас. И я не собираюсь утверждать, что каждый из воинов короля был подлецом или трусом. Это были достойные воины. И мы сражались достойно.

Пока в один роковой день Синхелм не узнал под маской Дэнвея. Он объявил своим людям, что мы предали их. Что напали первыми. Что мы могли противопоставить огнетворцам? Синхелм не знал, кому ещё была известна правда о том, кто такой Дэнвей. Боясь разоблачения, он приказал уничтожить всех, кто мог стать свидетелем. Всех... Твой отец был силен и бесстрашен. Но старая рана всегда давала о себе знать. Враг оказался сильнее... Он сделал всё, что мог. Я хочу, чтоб ты знала об этом, Трин. Твой отец сделал всё, что мог.

— Я знаю, — глухо произнесла она.

— Выжить удалось только мне и Калвагу. Только мы знали правду. Пусть никто не станет слушать разбойников. Наш голос не имеет силы. Но ты будешь знать, что Райан Дэнвей не был убийцей и предателем. Он был достойным человеком. И погиб как герой. Позже я отведу тебя на могилу родителей, Трин.

— Так имя Дэнвея — Райан? — она поднялась с кресла, чувствуя, как заколотилось сердце в груди.

— Верно, — кивнул Яр.

— Все звали его лишь по фамилии. Но... Райан. Дэнвей. Инициалы... — Трин поняла, что задыхалась. — Р.Д. — это его инициалы.

— О чём ты говоришь? — придержал её за руку Кристиан, когда направилась к двери.

— Пожалуйста. Я должна увидеть его, — Трин высвободилась, выбежав из комнаты в коридор. — Должна увидеть его...

Глава 35

Эти шаги он узнал бы из тысячи... Бежала по коридору, затем по ступеням лестницы. Сбивалось дыхание... Опять попала в неприятности? Или спешила поделиться радостью? Задать вопрос, на который он мог ответить только мысленно? Или просто бежала мимо, убегая или догоняя, но всегда неизменно улыбаясь ему или махая рукой.

Шаги замерли за его спиной, и Лейтон понял, что в этот раз шла к нему. А стоило обернуться, стоя в пустом проходном зале у лестницы, как понял и причину.

Трин остановилась перед ним, не говоря и слова, будто так же утратила эту возможность. Глаза говорили за неё, наполняясь и горьким огнём, и горячими слезами. Сдерживать их не стала, казалось, что даже не замечала, как те бежали по щекам.

Поняла. Знала. Была ли зла за ложь? Испытывала отвращение к его облику? Простит ли за то, что тогда не справился? Он хотел бы спросить. И слова едва не срывались с губ. Но прекрасно понимал, что и так практически разрушил договор с некромантом, обратившим его ардовским умаем. Вот и сейчас, не в силах совладать с чувствами, нарушал очередной запрет...

Глядя на стоящий перед нею призрак, Трин решилась протянуть руку и коснуться его лица. Будто повинуюсь неизвестной ей магии, свечение вокруг умая бледнело, таяло, являя истинный облик. Тот же образ, единственный, который он сейчас помнила. Волосы падали спутанными прядями на лоб, скрывая подсохшую рану. Лицо, покрытое гарью, только карие глаза так знакомо наливались тёплым светом, словно мужчина действительно был жив. Одежда в пепле и потемневшей крови. Он был так реален сейчас. И так хотелось, касаясь его лица, стереть эту кровь, эту гать. Стереть всё.

— Как я могла быть так слепа? В тот день я поклялась, что никогда не забуду. Но не сдержала слово. Не призвала врага к ответу. Все эти годы твоя душа не знала покоя, потому что жаждала справедливости. Но я клянусь...

Лейтон поднял руки к её лицу, прерывая слова. Вынудил закрыть глаза и провёл по мокрым векам большими пальцами, стирая слёзы. А когда Трин вновь посмотрела на него, то стоял перед нею призраком, объятый безмятежным сиянием.

— Я виновата.

Он отрицательно мотнул головой, глядя её волосы, и даже улыбнулся.

— Я отомщу за тебя. За всех нас...

Снова отнёс её обещания, давая понять, что не желает мести. Взял за запястья, где уже проступали знаки, пробуждая силу. Воздух нагрелся вокруг них, показывая, как была полна ненавистью Трин.

— Как же иначе? — в отчаянии спросила она. — Фемир Синхелм должен ответить за всё. И ответит!

— Ответит, дитя, — зазвучал за спиной тихий незнакомый голос. — Каждый, кто согрешил — ответит. Перед судом человеческим, или перед богами. Но ни один отец не пожелает своему дитя сгореть от мести. Уж поверь мне.

Трин обернулась, буквально наталкиваясь на тёмно-серый пронзительный взгляд. Этот человек будто сошёл с портрета, не так давно увиденного ею. И в каждом движении, несмотря на то, что мужчина опирался на трость, угадывалась былая статность и твёрдость. Он был красив, этот старик. И так похож на внука. Или Кристиан похож на него? Трин растерялась, не ожидая увидеть в академии бывшего ректора. Она склонила голову, приветствуя Деверукса, и лихорадочно пыталась подобрать слова, но так и не нашла, что сказать. Разве, нечто банальное...

— Здравствуйте, каэль Рэйван.

— Здравствуй, дитя, — его взгляд изучал Трин, казалось, смотрел в самую душу.

Уголок губ дрогнул, но некромант ничего не добавил к короткому приветствию. Деверукс посмотрел на умая, стоящего рядом с девушкой.

— Рад видеть тебя, друг мой, — обратился он к Лейтону.

Умай в почтении поклонился.

— Свет твоей души так ярок. Так будь благоразумен.

— Что вы имеете в виду? — вмешалась Трин.

— Умай должен быть нем. Безлик. Должен служить во благо, не раскрывая себя и не являя истинный облик. Таковы правила. И они прекрасно тебе известны, Лейтон. И как только нарушишь последнее — исчезнешь, — невозмутимо пояснил Деверукс, будто читал простые правила устава академии, а не говорил о судьбе чьей-то души. — Ты вновь рискуешь стать неприкаянным духом, продолжив скитаться по свету. И я не в силах буду помочь тебе. Увы.

Лейтон вновь склонил голову. Он знал. И слова звучали так знакомо. Ведь совсем недавно внук Деверукса предостерегал его об этом же.

— Мёртвые не должны привязываться к живым. А живые — к мёртвым, — теперь некромант посмотрел на Трин. — Таков порядок, юная каэли. Таковы правила. Остался последний пункт договора. И если, нарушив его, душа не готова будет уйти — итог мною озвучен.

Трость глухо стучала о каменный пол, когда Деверукс оставил их в зале, уходя по одному из коридоров. Прихрамывал, но спину держал ровно.

— Он сказал правду? — Трин посмотрела на отца.

Нехотя, Лейтон кивнул. Глаза дочери стали ярче.

— Значит, если ты заговоришь...

Он опустил руку на её плечо, тепло пожимая. Снова улыбнулся.

— Твоя душа должна найти упокоение. Кто как не ты заслужил этого? Кто как не ты? — в порыве чувств Трин обняла отца, прижимаясь к его груди щекой.

Мягкое свечение окутало её, отгородив от всего мира. Лейтон обнял в ответ, убаюкивая в своих руках. Пусть это и недолгий миг, но столько лет ожидания стоили того. И уставшая душа его благодарила Деверукса Рэйвана за этот дар. За его веру. У скольких мертвецов в этом мире есть подобный шанс? Кто-то зовёт некромантов детьми Смерти. Но именно сейчас, благодаря их магии, Лейтон чувствовал себя как никогда живым.

Присутствие родной крови он ощутил, едва Деверукс вошёл в замок. И вот теперь приближался к его двери. Тихий стук трости Кристиан слышал отчётливо благодаря острому слуху. Так же тихо стучало и его сердце в груди. Надо же... В этот раз он не вскипал от одной мысли о встрече с дедом. Скорее ощущал интерес. Деверукс явился раньше, чем его ждали. И просто не мог успеть получить письмо, отправленное ему в столицу. Значит, отправляясь в Ард, он ещё не знал о женитьбе единственного внука? Или доложил кто-то из шпионов, которого не удалось выявить? Да и какая сейчас разница?

Деверукс вошёл без стука, застав внука сидящим за своим рабочим столом. Кристиан не поднялся, чтоб поприветствовать родственника. Только поглядел на того поверх очередной кипы бумаг, которую держал в руках.

— Как опрометчиво с твоей стороны, — сдержанно произнёс он. — Не боишься, что заставлю остаться?

— Не боишься, что заставлю уйти? — тем же тоном спросил Деверукс, тяжело опускаясь в кресло напротив внука.

— Зачем ты здесь? — Кристиан отложил документы. — Моё письмо ты не получил. Так в чём дело?

— Твоё — не получил, — неспешно подтвердил дед.

Он оперся обеими ладонями на трость, и та блеснула серебряной инкрустацией.

— Зорик... — сухо усмехнулся Кристиан. — Что ж. Ты опоздал. Как всегда, впрочем. Брак заключён. Моя часть договора выполнена. И Харланд теперь принадлежит мне.

Удивления на лице Деверукса он не заметил. Скорее усталость, которую дед пытался скрыть. И нога наверняка ныла, напоминая о старом ранении. Но держался в кресле так, будто король, сидевший на троне.

— Твоя жена горит желанием убить Фемира Синхелма, — серые глаза некроманта потемнели, а уголок губ вновь дрогнул, будто Деверукс сдерживал улыбку. Что само собой было явлением, невероятным для Кристиана. — Она настроена решительно.

Вечерело... За окном распелись птицы. Слышался шелест листвы, далёкие голоса студентов, вышедших во двор. В воздухе пахло цветами, росшими в клумбах под окнами. Что-то было не так. Но что? Это смущало и настораживало одновременно.

Возможно, причина была в них обоих? Не рвалась тьма с цепи, не окутывало холодом и не ослепляло яростью. Ни одна бумажка не истлела на его столе. И до сих пор не повысил голос, как собственно и Деверукс. Кажется, некоторое удивление скользнуло и по его лицу, тут же тая и оставляя привычную невозмутимость.

— Ты виделся с Трин? — Кристиан поднялся с кресла.

— Можно и так сказать, — Деверукс неспешно встал следом за ним, и прошёлся по кабинету.

— О чём вы говорили? Я не позволю причинить ей вред. Предупреждаю тебя. В её жизни было достаточно негодяев, — мрачно проговорил Кристиан.

— Из всех возможных претенденток ты выбрал именно её. Назло мне? Или некий иной расчёт? Сплетни имеют свойство распространяться, как зараза. Весь Деспин гудел о том, что единственная дочь любимца короля оказалась приёмной.

— Это не имеет значения для меня, — сухо отозвался Кристиан.

— Имеет значение всё, что касается имени Рэйванов. Имеет значение всё, что ты делаешь. Каждый твой шаг. Всё имеет свои последствия, — Деверукс остановился у окна, глядя во двор. — Интересно было, как ты поступишь. И посмел рисковать головой, споря с Ламоном? Ради этой девочки? Мне захотелось лучше узнать это дитя.

— У тебя нет причин узнавать её, — холодно произнёс Кристиан.

Ну вот... Сила вновь пробуждалась, рисуя чёрные узоры на коже. Видел Кристиан проступивший рисунок и на шее Деверукса. Но дед с завидной быстротой укротил собственную стихию, стирая все знаки.

— Она моя единственная невестка. И теперь принадлежит к нашему роду.

— Я ещё раз говорю, что договор между нами — исполнен. И ни я, ни тем более Трин, не станем играть в твои игры. Довольно, Деверукс. Можешь тешить своё самолюбие, считая, что я проиграл. Что подчинился твоей воле. Я здесь, в этом кабинете. В этом проклятом месте. Ты добился своего. Всё остальное оставь мне. Предупреждаю тебя... — в кабинете похолодало. Даже слишком. Увяли оставшиеся букеты, притащенные студентками, осыпаясь прахом на ковёр.

— Удивительно... — задумчиво проговорил Деверукс. — Столько лет ты защищал мёртвые камни, сражался за Харланд, который мне порой хотелось сжечь дотла. И

впервые хочешь сохранить то, что живо. Этой девочке за такое короткое время удалось то, на что безуспешно потратились столькие годы.

— Деверукс!

— Сегодня я узнал, что привязал договором к Арду душу отца Трин. Разве не удивительное совпадение? И совсем недавно Трин клялась ему, что Синхелм ответит за всё содеянное. За этим разговором я и застал их.

— Лейтон... — Кристиан тяжело вздохнул, прислоняясь спиной к стене у окна.

— По какой причине Трин желает смерти приёмного отца? Что сотворил этот человек, чтоб ненависть дочери стала так велика?

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой, Деверукс.

— А я не позволю навредить роду Рэйванов и подвести его под опалу, — вмешалась и сила Деверукса, оплетая тьмой кабинет. — И ты прекрасно знаешь это, Кристиан. Твоя жена пылает ненавистью к любимцу короля. И собирается мстить. Ты понимаешь, к чему это приведёт. И я не позволю. Но, возможно, я смогу помочь, если расскажешь подробнее. Прими как свадебный подарок.

— Поможешь? Я не верю ни единому твоему слову, — сдерживая негодование, проговорил Кристиан. — Мне хватило прошлого твоего представления. И ты не приблизишься к Трин. Мою месть ты не переживёшь, поверь. Так что не смей снова использовать меня или её, Деверукс.

Но что-то было иначе во взгляде деда в этот раз. Действительно собрался помочь? Или же снова втянет в очередную ловушку? Будет ли глупостью поддаться на его слова? Но готов был говорить и с демонами из вечной огненной Темрасс, лишь бы помочь Трин.

— Синхелм не предстанет перед судом, если будет подано прошение королю. Ламон — слеп, — игнорируя угрозы внука, проговорил гость.

— Я это прекрасно знаю.

— Если преступление его велико, то единственный способ добиться наказания...

— Публичное признание Синхелма. Знаю, — договорил за него Кристиан. — Я знаю это. И думаю об этом...

— Он замешан в смерти Лейтона? — прямо спросил Деверукс. Понял, что не ошибся, по выражению лица внука.

— И не только его, — признался Кристиан. — На руках этого человека много крови. Но ни один свидетель не будет выслушан королём. В этом ты прав.

— Одного Ламон выслушает.

— Ты веришь, что Синхелм сам сдастся? — скептически посмотрел на него Рэйван.

— Пожалуй, оставим споры до лучшего случая, — предложил Деверукс. — У меня есть план.

— И?

— И он тебе не понравится.

Глава 36

Ему не понравилось всё. Включая испуганный взгляд Трин. Хотелось укрыть её, уверить, что обязательно придумают что-нибудь иное. Но почувствовал, как Лейтон опустил руку на его плечо, едва пожимая. Он кивнул, подтверждая тот факт, что был согласен на предложенный Деверуксом план.

— Я вернусь в столицу с «приятными» новостями, — вновь принялся пояснять Рэйван старший. — Получу разрешение на аудиенцию у короля. Расскажу ему о заключённом ранее договоре с Синхелмом. И о вашем недавнем союзе. О том, что дочь его любимого генерала и мой единственный внук — ректор королевской академии, теперь муж и жена. Ламону будет сказано, что на предстоящем балу вы хотите заявить о себе и сделать сюрприз отцу. Поэтому очень хотели бы, чтоб Фемир Синхелм присутствовал на первом балу дочери и лично узнал о счастливом событии. Я понимаю, что может не получиться. Но всё же считаю, что Ламон не выдержит и велит Синхелму явиться в Ард. Он обожает подобные события. Не устоит. Но есть одно существенное «но»...

— Если он не сознается, то жертва моего отца будет напрасной, — вмешалась Трин.

— Душа Райана Дэнвея не может упокоиться из-за страха за безопасность дочери, оставшейся в руках убийцы. И за своей несправедливой смерти. Ты освободилась от Синхелма. И это дало твоему отцу надежду на упокоение. Осталось добиться признания убийцы. Заставить его говорить. Чтобы наказать виновных и отпустить душу Райана, — ответил ей Деверукс.

— Но для этого ему придётся разрушить договор, заключённый с вами.

— Да. Именно так. Синхелм не среагирует на обвинения, высказанные его воспитанницей, или зятем. Даже — мною. Он привык жить во лжи. Поэтому более подходящим будет участие Райана. Твой отец согласен рискнуть. Полагаю, что стоит довериться ему. Все эти годы он винил себя за то, что не справился тогда. Что не успел. Что не был достаточно силён. Что не оправдал доверия... — голос Деверукса едва дрогнул.

Сейчас Кристиан задумался, говорил ли дед о Лейтоне, или же о себе самом. Винил себя за то, что не успел в тот проклятый год? Что не спас свою семью? Хотел бы иметь возможность исправить хоть что-то? Так говорила ему Зорик. Была ли сестра права?..

— Этот шанс необходим твоему отцу. Потому поддержи его, как и подобает доброй дочери, — наставительным тоном велел Деверукс. — На балу будет присутствовать много гостей. Много родителей студентов. И я договорюсь ещё кое с кем. Постараюсь убедить его приехать. Пусть и неофициально.

— Кого? — спросил Кристиан, неосознанно вставая между дедом и женой.

— Королевского советника Виберта Бранта, — пояснил Деверукс, сдержав улыбку, когда увидел, как внук пытался «защитить» Трин от его общества. — Он не менее заинтересованное лицо. Отец должен знать, кто истинный убийца его сына. А точнее — убийцы. Королю, при всей благосклонности к Синхелму, придётся признать его вину, доказанную при стольких свидетелях. То же касается и участия во всём случившемся Эрвига Фергаса. Душа, на которой невинная кровь, никогда не сможет войти умаем в Ард. Это неопровержимое доказательство невинности Райана Дэнвея, с которого мы и начнём. Я покину академию сегодня же. Тебе, Кристиан, останется лишь завершить приготовления к балу и ждать решения короля. Будем верить в лучший исход. Кстати, куда делась Вильят?

— Приболела, — ответил Кристиан. — Потому решила немного отдохнуть и поправить здоровье. Сейчас навещает семью.

— Вильят? Перед балом? — с сомнением посмотрел на него Деверукс.

— Так и есть.

— Селма решила бросить организацию бала на тебя? — хмыкнул дед, догадавшись о «блестящем» плане проректора. — Справишься?

— Что ты там говорил о поддержке, Деверукс? — сухо напомнил Кристиан. — Впору самому прислушаться к своим же словам. Как и подобает доброму деду. Или не справишься?

Трин перевела взгляд с мужа на его пожилую копию. Почему эти двое просто не могли сказать друг другу, что всё будет хорошо? Пусть даже сомневались. Ведь что им осталось кроме веры?

Когда разговор в кабинете Кристиана был окончен, пришлось отправиться на занятия. Благо сегодня все они проходили в основном замке, и не нужно было лететь в корпус боевых магов. А когда завершились и они, смогла вернуться в свою комнату в общежитии. Ивон присоединилась к ней с некоторым опозданием, и буквально светилась от радости, что немного передалось Трин. Даже Зиль приподнялся на спинке кровати, но затем лишь разочарованно фыркнул, вновь удобнее устраиваясь и закрывая глаза.

— Сегодня ты счастлива. Что тому виной?

Ивон покружилась по комнате, затем делая изящный реверанс.

— Наконец доставили платье из Деспина! Ах... — восторженно вздохнула подруга. — Скоро я смогу надеть его и ослепить всех присутствующих на балу.

— Даже не сомневаюсь в этом, — поддержала Трин.

— Велика ли радость оказаться в толпе слепцов? — хмыкнули за открытым окном.

— Убирайся, пока цел! — велела Ивон Шагриму, устроившемуся на подоконнике. — Какое невезение получить комнату на первом этаже. Нужно потребовать заменить на третий. Или...

— Думаешь, что сможешь там спрятаться, Лейвр? — ухмылка Талла стала шире.

— Думаю, что оттуда тебе будет больше приземляться! — пригрозила она.

Что ж... Обычное вечернее приветствие этой парочки. Таким странным способом оба пытались сказать друг другу, что скучали и рады видеть. Вот чудные... Трин покачала головой, опускаясь на свою постель и устраиваясь удобнее. Слушая болтовню товарищей, она потянулась к подушке и вытащила спрятанный под нею старый свиток. Бережно развернула его, уже в который раз любуясь портретом.

Дорогая мама... Вся память, что осталась у неё сейчас — это поблеклый рисунок, сделанный отцом. Каждая линия так живо передавала образ Сарии. И вновь казалось, что ещё мгновение — и она полностью обернётся, сейчас глядевшая на куске холста куда-то в сторону. Лёгкая улыбка касалась губ матери, а мягкие пряди едва выходящих волос обрамляли лицо. Трин запомнила каждую линию, каждый штрих, пытаясь оживить образ в своей памяти. И верила, что однажды так и будет. Однажды мать обернётся к ней, улыбнётся, пусть и только в бесценных воспоминаниях. Надо только верить.

Не спали они до полночи, даже когда удалось выгнать надоеду Шагрима. Поскольку Ивон не терпелось примерить обновку и продемонстрировать платье подруге. Пришлось помогать с тугим корсетом и завязывать бесконечное количество лент. Нежно-голубое платье шло Лейвр отменно. Она кружила по комнате, придерживая длинные сверкающие юбки. Время от времени шипела на Зиля, вздумавшего хватать девушку за трепетавшие в танце ленты.

— Скорее бы! — наконец остановилась Ивон, глядя на Трин восторженным взглядом. — Скорее бы бал.

— Ждать осталось не так долго. Потерпи немного, — Трин зевнула, прикрываясь ладонью. — Всё... Я — спать. Иначе завтра буду трупом.

— Эй! — возмутилась подруга, когда её оставили одну в комнате, отправляясь в ванную. — А кто поможет снять платье?

Зиль ощерился ядовитой ухмылкой. Поднял лапу, демонстрируя сверкавшие лезвия когтей, таким образом предлагая свои услуги Ивон.

— Только посмей, — сощурилась девушка, глядя на наглого фамильяра. — Я знаю имя твоего создателя.

Когти сверкнули и были втянуты. Но кончик хвоста всё же дотронулся до невесомой ткани платья, тем самым даря некоторое удовлетворение марагу.

Когда вернулась из ванной комнаты, Трин смилостивилась над подругой, помогая той

снять платье. Забралась под одеяло, и наконец дала уставшему телу возможность немного расслабиться. Свет был погашен, и комната наполнилась бледным сиянием тонкой луны, что пыталась заглянуть в приоткрытое окно. Сон пришёл к Трин, завершая бесконечно долгий день.

— Опять ты заснула здесь... — тихо, едва слышно зазвучал голос.

Трин не проснулась толком, не понимая, чем была недовольна Ивон. Потом поняла, что голос принадлежал вовсе не подруге.

— Трин...

Теперь она слышала и тихий шелест листвы. Повернулась, и открыла глаза, с восторгом глядя, как над нею сверкали яркой крошкой звёзды. Чьи-то мягкие руки гладили её волосы, касаясь щеки. И голос...

— Опять босиком...

Те же руки касались её босых ног, таких маленьких, что умещались даже в ладонях матери. Матери... Первой Трин увидела улыбку. Мягкость волос, которые при свете полной луны казались серебряными. И взгляд — полный тепла. Сария склонилась к дочери, лежащей на стволе огромного поваленного дерева, и коснулась губами её лба.

— Давай останемся здесь, — звучал собственный голос Трин.

Детский, непривычный, полный восторга.

— Уговорила...

— И отец будет нас искать.

— Непременно.

— И будет сердиться.

— Угу.

— Но долго не сможет.

— Это точно, — Сария снова принялась перебирать длинные пряди волос Трин, убаюкивая её.

Где-то невдалеке горел костёр, разведённый в лагере. И слышались тихие голоса, да смех. Они успокаивали. Как и песня матери.

Ветер, ветер, тихо шепчет,

Колыбель твою качая.

Сон за хвост хватая крепче,

Свою песню напевает...

Сария заплетала косу дочери, устроившись на шершавом стволе рядом с нею, и продолжала свою колыбельную.

Ветер, ветер, пахнет пряно,

Ночь умолкшую остудит.

Ты с зарёю встанешь рано,

Солнца свет тебя разбудит...

Спи дитя, спи безмятежно,

Я с тобой останусь ветром.

В летний зной, зимою снежной,
Буду песней, буду светом...

Глава 37

Уже который день в Белом зале гостила зима. Украсила высокие окна морозным кружевом. Легла пушистым снегом на подоконниках. Белые флоксии распустили свои великолепные бутоны, наполняя огромный зал тонким ароматом. Чудесные ледяные статуи замерли в простенках между окнами и зеркалами, будто ожидая, когда явятся гости. Серебристо-белые шторы добавляли ощущения реального присутствия зимы. Как и пол, с помощью очередного заклинания создававший иллюзию настоящего льда, сверкавшего под ногами, но не дававшего поскользнуться.

Магия стихийников воздуха и воды творила своё чудо, заканчивая готовить зал для предстоящего бала. Право отвечать за приготовление досталось третьекурснице Айлин Хоттем, выбравшей темой любимую ею зиму. И теперь Белый зал блистал, соблазняя коснуться снега или льда, зачарованного, оттого и не холодного. Оттого и не тающего, пока не повелят те, кто наложил чары.

Не было предела счастью Ивон, которая, как оказалось, выбрала идеально подходящий к зимней теме наряд. Ведь нежно-голубой так чудесно шёл к белому. Её серебристые волосы украшала тонкая диадема, сверкавшая прозрачными камнями. И подруга не могла устоять на месте, в ожидании момента, когда объявят о начале бала. Вечером. Уже сегодня вечером. Всего через пару часов. И продлится до рассвета, давая возможность юным каэли наконец убрать подальше надоевшую форму и показать себя во всей красе.

Трин посмотрела на своё отражение в зеркале. Наручи одеть не могла, и оставалось надеяться, что сила не вздумает добавить ей проблем. Волосы оставила распущенными, позволяя прядям укрыть спину и плечи. Платье, подаренное Кристианом, оказалось впору. Струилось, буквально стекало по её телу всполохами мягкого пламени длинных юбок. Золотистая ткань рукавов казалась невесомой, полупрозрачной, словно паутина. Непривычный корсет, мешавший толком дышать, был расшит в тон «медовыми» камнями эмерита. От волнения глаза Трин приобрели тот же оттенок.

— Ты очень красива, — поддержала Ивон, останавливаясь рядом. — Рэйвану несомненно понравится.

Понравится... Сегодня Трин хотелось понравиться не только мужу. Был ещё один дорогой человек, благословение которого желала получить. Он должен увидеть её такой. Хоть раз. Увидеть, что уроки не прошли даром. И поддержать, когда придётся принять руку мужа, открывая бал первым танцем. Отец должен увидеть её такой.

Видя настроение подруги, Трин испытывала укол совести. Сегодня они собираются испортить бал... Деверукс вернулся из столицы ещё на рассвете. Был молчалив, и велел ожидать. Ожидание — единственное, что им оставалось. И ещё — вера.

Количество стражей увеличили, что объяснялось присутствием многочисленных именитых гостей. Получили особые указания и все умай, в этот раз, подчиняясь воле своего создателя — Деверукса. Именно они подадут сигнал, когда явится главный «гость». А также в случае, если Фергасу вздумается покинуть замок.

До начала бала оставалось немного времени, и Трин покинула шумную подругу, отправляясь к лестнице, где привыкла встречаться с Лейтоном. Её ждали. И это согрело сердце. Трин приказала себе не думать о том, что произойдёт вскоре. Приказала уже давно, с того самого дня, когда решили принять план Деверукса. Она будет улыбаться отцу. И будет радоваться каждой минуте, проведённой рядом.

Он не увидит её слез, и её печали. Вот и сейчас, спускаясь по ступеням, придерживая струящийся подол платья, она улыбалась. Лейтон галантно поклонился и протянул руку, предлагая принять его поддержку. Трин ступила с последней ступени на каменный пол зала. Она покружилась перед отцом, затем взволнованно останавливаясь.

— Я сама на себя не похожа. Верно? Тебе нравится?

Лейтон кивнул, и его свечение стало ярче, вторя чувствам. «Ты прекрасна», — говорил его взгляд.

— Скоро нужно будет идти, — с горечью признала Трин, подходя к уаю ближе, и вновь обнимая.

Ладонь отца коснулась её волос, с теплом гладя их.

— Его всё ещё нет. Думаешь, Деверуксу удалось убедить короля? — Трин посмотрела на Лейтона.

Он согласно кивнул в ответ.

— Ты знаешь... — она внезапно ощутила, что глаза всё же увлажнились. — Я так волнуюсь. В первый раз всегда страшно. Верно? Все будут смотреть на меня. Обсуждать. Осуждать. Я так боюсь, что споткнусь в самый неподходящий момент. И опозорю Кристиана. И что буду нелепа. И что разочарую всех. Это так глупо думать сейчас об этом. Но я не могу остановить поток мыслей в своей голове. Хэйл правду говорит — там у меня сквозняк...

Она взяла отца за руку и прижала его светящуюся ладонь к своей щеке.

— Это так... На удачу. Я постараюсь. Со всех сил.

Он верил, отвечал взглядом, благословлял и поддерживал, пусть и без слов. Трин понимала это, собираясь с храбростью. Она справится. И никого не подведёт. Не сейчас. Не сегодня.

— Я всё ищу тебя! — воскликнула на верху лестницы Ивон. — Время. Поспешим, Трин.

Лейтон улыбнулся ей, кивком веля идти за подругой. Пришлось нехотя подчиниться, чтобы быть увлечённой Ивон в сторону Белого зала.

Двери его приветственно распахнуты, приглашая окунуться в атмосферу зимнего вечера. Звучала лёгкая музыка, слышался смех, в большей части притворный, но обязанный соблазнить стоящего рядом с каэли собеседника. Разноцветные платья студенток походили на ожившие цветы, так ярко выделявшиеся на фоне серебристо-белого великолепия.

Стоило войти, как к ним немедленно присоединился Талл. Этим вечером инрёйг был как никогда элегантен, даже удосужился избавиться от синяков.

— Сегодня я в компании самых прекрасных каэли, — полился мёд с его губ.

— Лъстец, — Ивон изящно коснулась волос, проверяя, не вздумали ли зачарованные пряди подвести её не вовремя.

Трин поискала взглядом Кристиана. Муж нашёлся в компании нескольких преподавателей. В чёрных одеждах, расшитых серебром, он казался Трин самым прекрасным мужчиной из всех присутствующих. Нет. Из всех существующих...

Гости всё прибывали, и практически все были незнакомы ей. Кивая в ответ на болтовню Ивон, Трин украдкой поглядывала на входные двери. Могло ли быть, что Синхелм отказался подчиниться королю? Или смог соврать нечто, заставившее Ламона позволить ему не явиться на бал? Или нарочно опаздывал? От волнения она ощущала, как дрожали руки. Нет. Должна быть спокойна. Всё будет хорошо. Всё получится. Надо просто верить...

Так же высматривал «дорогого» гостя и Деверукс, заложив руки за спину, и оставив где-то свою трость. Все эти голоса, смех, да обилие ярких красок нарядов — утомляли. Вдобавок ко всему нога разнылась к вечеру. Но не собирался ковылять и кричать, как перед последним вздохом, радуя половину тех, кто сегодня собрался в зале. Не дождутся...

За Фергасом, который сейчас стоял среди преподавателей, уже вели наблюдение. Получили особое распоряжение и его люди, наряду с теми, кого прислал внук. Никуда не денется, даже если попытается сбежать. Дальше крыльца не ступит. Будто предчувствуя что-то, декан нервно озирался, попивая вино из своего бокала.

Зорик прошла мимо него, и плечи мага заметно расслабились. Почувствовав воздействие магии, Фергас обернулся, встречаясь с взглядом рыжеволосой инрёйг. Хитро улыбаясь, женщина подмигнула ему, и приложила к своему бокалу, проходя дальше по залу. Давай, пей больше и ни о чём не заботься до нужного времени... Всё, что могла, она сейчас сделала, выбирая теперь удобное место, откуда была отлично видна часть зала, предназначенная для танцев.

Приветственную речь внука Деверукс слушал, стоя у одной из колонн в бесконечно длинном пустом коридоре, неподалёку от Белого зала. Лейтон приблизился к нему, как и условились.

— Благодаря связи с умаями, я узнаю, когда Синхелм явится, — глядя в зал, проговорил Рэйван старший. — А он явится, поверь. Не только у моего внука есть голова, которой можно поклясться нашему светлейшему монарху. Верно? Да, я так и не озвучил Кристиану весь план. Знаем только мы с тобой. И теперь пути назад нет. Так сделаем же это, друг мой...

Глава 38

— Да ты красотка, Синхелм! — с видом специалиста заявил принарядившийся Гай.

— Ты только глянь... — потянул довольно Радугу. — А в форме-то и не скажешь. Как прятала всё это?..

Он обвёл указательными пальцами в воздухе силуэт одноклассницы.

— И в форме было ясно, что Синхелм — красотка, — вступился Ян.

— Прекрасно выглядишь, — присоединился к комплиментам сдержанный Тео.

— Благодарю... — отозвалась Трин, пунцовая от смущения и окружённая толпой оживившихся мальчишек.

Поверх плеча Димера он смогла разглядеть Кристиана. Взгляд мужа потемнел и говорил о многом. Особенно о том, что думал о компании надоед-поклонников, круживших вокруг неё.

Некстати вздумал объявиться и Зиль, теперь усердно пытаясь скрести когтями по «ледяному» полу. Противный скрежет от этого действия едва ли не перебивал звучавшую музыку. Трин тихо пригрозила фамильяру жестокой расправой и велела исчезнуть. Либо устроиться где-нибудь на подоконнике и не мешать живым радоваться вечеру.

— Откуда у тебя это платье? — слышался рядом знакомый голос и повеяло могильным холодом.

Трин вздохнула, вынужденно обернувшись к подошедшей Дель.

— Почему ты в этом платье? — с неподдельным изумлением снова спросила некромантка. — Почему?

— Потому что оно идёт Синхелму, — проворчал Ян, вступившись за одноклассницу.

— Чего шипишь здесь? — присоединился к товарищу Димер, вставая перед Трин, и загораживая её от Дель спиной.

Боги... Трин попыталась отодвинуть его, но безуспешно.

— Прочь, — и в самом беле тихо зашипела Шаелин, всё ещё не теряя надежды получить ответ на свой вопрос.

Откуда взялось проклятое платье на этой безродной сиротке? Ведь его выбрал Кристиан. Выбрал... Разве оно не должно быть у той инрэйг? У Маркар! Дыхание Дель сбилось. Кристиан ведь покупал его для Маркар. Она сама видела, как миловались у ректорского кабинета. Разве не её называл «солнцем»? Не мог же говорить о Синхелм? Не мог. Нет. Он не мог предпочесть ей эту девицу...

Пока металась в мыслях, не заметила, как осталась за спинами «охраны» Трин. Вы только гляньте, как встали! Словно стена. От бессилия Дель нервно сминала тонкую ткань серебристого платья. Вдобавок ко всему, закончив с речью, Рэйван направился с белоснежного помоста в её сторону. Улыбался... Улыбался так восхитительно. И смотрел, казалось, именно на неё.

Не могло того быть. Сейчас он должен выбрать пару для первого танца. Так же, как выбрал в и прошлом году. Шаелин прекрасно помнила, как Кристиан остановился перед нею, и коротко склонив голову, протянул руку. Неужели всё сейчас повторится? Он одумался? Понял свою ошибку? Дель настолько увлеклась, гадая, что не заметила, как ректор уже остановился, и действительно совсем рядом.

— Сегодня мой выбор не случаен. И прошу простить нам это своеволие, — заговорил Рэйван, всё ещё улыбаясь.

Стоя перед Трин, он смотрел на неё с высоты своего роста, любясь нежным румянцем смущения на её лице. Охрану жены проигнорировал, ею займётся позже. Сейчас для него существовала только Трин.

— Сегодня я прошу оказать мне честь, и открыть бал первым танцем, ту, кого имел счастье назвать женой... — он протянул руку своей Спичке.

Слышал, как зашелестели голоса в зале, раздались ахи, и тихий ропот удивления. Плевать... Трин улыбнулась в ответ, и храбро вложила свою руку в его ладонь. И в какой-то момент весь зал опустел, словно повинуюсь некой магии. Кристиан повёл жену в центр зала и слегка поклонился ей. Трин, вспоминая, чему учил отец, ответила реверансом. Вновь завладев одной её рукой, Кристиан привлёк девушку к себе, удерживая за талию.

— Просто смотри на меня, — произнёс совсем тихо, слышимо только ей. — Всё будет хорошо.

— Я знаю...

Трин не собиралась отводить взгляд. Были ли причины для этого? На это лицо она могла смотреть бесконечно. Но руки её всё же дрожали, а дыхание прерывалось. Справляясь с волнением, Трин опустила свободную руку немного ниже плеча Кристиана, как и следовало для начала танца.

— Ты прекрасна, — губ некроманта коснулась восхитительная улыбка.

В полной тишине зала зазвучала музыка. И Кристиан повёл, легко кружа жену в танце. Повинуясь магии стихийников, откуда-то сверху, будто с неба, стал идти лёгкий снег. Сверкающие снежинки кружились, вторя лившейся мелодии и движениям танцующей пары. Касались лица, волос, ложились мягким пухом на зачарованный ледяной пол, чтобы затем исчезнуть.

Магия, конечно магия. Но сейчас Трин была счастлива. До сих пор она отчаянно боялась споткнуться или неловко повторить очередное движение. Но прекрасная музыка влекла её, как и крепкие руки Кристиана, бережно удерживавшего её. Эти мгновения — они принадлежали только им двоим. И никто никогда не сможет украсть эти воспоминания...

Трин кружилась в мягком восторге золотых искр, исходивших от её наряда. Словно огненный цветок, вздумавший распуститься посреди зимы. Вопреки непогоде. Кристиану казалось, что сейчас в своих руках он держал тонкое искрящееся пламя. Огонёк свечи, способный согреть его одним своим присутствием, проникая до самой души, освещая каждый уголок её, изгоняя холодную тьму.

Наблюдая у колонны за их танцем, Лейтон улыбнулся. Что ж... Возможно это действительно его последняя ночь на земле. И это будет великолепным окончанием его

пути. Прекрасным последним воспоминанием. И надеждой, что однажды Томарин вновь оживёт и обретёт своё «сердце» — последнюю из рода Дэнвеев.

Закончив танец, Кристиан не отпустил Трин, даже когда музыка вновь зазвучала, приглашая продолжать бал. Видел, как поворачивались головы студенток, пытавшихся разглядеть его и жену, когда шли к центру зала со своими партнёрами. Слышал, как продолжали тихо обсуждать новость прибывшие гости Арда. И стоило отметить, что принята она была всё же более положительно, чем ожидал. И разве могло быть иначе? Его жена восхитительна...

— Боги, — салютовал ему своим бокалом Брис. — Подумать только! Как неожиданно. Мои поздравления.

Кристиан посмотрел на него скептически. Веселился за их счёт? Хорошо, хоть у кого-то отличное настроение. Пришлось принимать поздравления и от других коллег, а затем и родителей студентов, пожелавших выразить свои комплименты молодожёнам.

Рэйван машинально кивал, улыбался, что-то отвечал в ответ, но продолжал следить за залом. Тот расцветал раз за разом, когда звучала музыка, и юные воспитанницы академии принимались кружить в платьях всех возможных цветов.

Видя, как превратился в статую Шагрим, Ивон нетерпеливо вздохнула, и даже притопнула, что никто, конечно же, не заметил под длинными юбками.

— Подбери-ка челюсть, «цветочек», — она сощурилась и пальцем надела на подбородок Талла, вынуждая закрыть рот.

— Нет... — ошеломлённо пробормотал Шагрим, всё так же не сводя взгляда с Трин и ректора.

— Да.

— Нет.

— Да! — настояла Ивон. — Смирись, наконец. Они — муж и жена.

— Но он — ректор.

— И что? Теперь и не мужчина?

— Да... То есть... Нет, — вздохнул инрэйг. — Но как это вообще возможно? Невероятно. Трин и Рэйван. Рэйван и Трин...

— Она — счастливица, — заявила Ивон. — А вот одна прекраснейшая каэли, вынуждена страдать на таком чудесном балу. А знаешь, как она мечтала оказаться здесь? Бедняжка... Неужели её красота так и увянет среди этого льда и снега?

— Интересно, кто же эта несчастная? — поддразнил Талл.

Но заметив, как оживились идеально собранные в причёску пряди подруги, прикусил язык. Следующий танец — точно за ним. И пусть только «прекраснейшая каэли» попробует отказать...

Меж тем, бал снова был ненадолго прерван очередным объявлением. На небольшом помосте, специально оборудованном по такому случаю, Рэйван пригласил подняться к нему коротышку Тэусса и Гарса. Глядя на преподавателя, Ивон залучилась улыбкой. В белых одеждах, Гарс так походил на снежного принца. Об этом и сообщила Шагриму, не замечая, как потемнел при её словах его медовый взгляд.

— Нет в нём ничего особенного, — хмыкнул он.

— Он талантливейший артефактор. И по праву будет считаться преемником профессора.

Скрипя зубами, вынужден был сообщить об этом всем присутствующим сам Тэусс. Он заставил себя улыбаться, хоть тощая борода и тряслась от сдерживаемого раздражения. Рэйван в свою очередь поздравил Гарса. А также довёл до всеобщего сведения счастливую новость о том, что торжественным пинком под старый зад, отправят на

отдых профессора... Зал поддержал новости аплодисментами, затем вновь наполнялся музыкой и взволнованными голосами.

— Знаешь, — начал говорить Шагрим, видя, что собирались объявить очередной танец. — Как-то мне довелось узнать историю об одной несчастной красавице. Всеми брошенной и мечтавшей хотя бы об одном танце на балу.

— Да ну? — насторожилась Ивон.

— Бедняжка была такой жалкой среди всеобщего веселья, и буквально увядала, как сорванный цветок...

— Да ну? — тон голоса подруги предостерег Талла от дальнейших попыток подшучивать над нею. Но каков же был соблазн...

— И вот, когда она была в совершеннейшем отчаянии, явился он.

— Он? Кто? — глянула на него Ивон.

— Он был прекрасен как солнечный день. Хитёр, как тысяча демонов...

— Прямо тысяча? — недоверчиво осведомилась подруга.

— И храбр, как...

— Несчастливая красавица — согласна, — Ивон приподнялась на цыпочки и коротко поцеловала его, прерывая поток воспевания собственной великолепнои.

— Согласна?.. — замирая от неожиданности, пробормотал Шагрим.

— Она согласна подарить ему танец, — нетерпеливо объявила Ивон. — Музыка. Чего же мы ждём?

Усмехнувшись, Талл принял её руку и коснулся губами тонких пальцев.

— Действительно, зачем же ждать?

Глава 39

Небо уже принялось менять цвет, становясь прозрачнее, когда он заставил себя переступить порог замка. Была б его воля — никогда не вернулся в этот город. И уж тем более в Ард. Но приказу короля вынужденно подчинился. Он ненавидел в Валмире всё: от нудного сладкого запаха цветущих в это время садов, до раздражающего визга носившихся детей. Босых, перепачканных грязью до такой степени, что впору и родным запутаться, где тот, что им нужен.

И академия... Давила стенами. Окликала старым эхо, хотя казалось, что находился в полной тишине. Нет, где-то вдали, в другой части замка, играла музыка. Проклятый бал...

Шёл, как по раскалённым углям, словно вяз в трясине. Заставлял и заставлял себя сделать следующий шаг. Он не был здесь с того года. С того самого, когда принял поздравления об окончании академии. И поклялся себе, что никогда более не переступит этот порог. И вот он здесь...

В одном из приглушённо освещённых коридоров зазвенели старые доспехи, и шлем покати́лся по полу, вынуждая Синхелма вздрогнуть. А затем немедленно разозлиться на самого себя. Какого хаоса? Он сходил с ума? Это старьё здесь с тех лет, как ещё он учился, а то и дольше. Но нервы последние дни были на пределе, в этом мог сам себе признаться. Нет, он не собирался встречаться или говорить с Фергасом. Не собирался тратить время на то, чтоб принимать поздравления от гостей Арда. Не собирался задерживаться здесь и на мгновение лишнее. Потому и пришёл почти к самому окончанию бала. Приказ короля он исполнил. А велено лишь явиться и разделить «радостное» событие. И всё. Радостное...

Мальчишка Деверукса всё же справился с договором. Похвально. Но мог бы и раньше. Не было б тогда этой ненавистной необходимости. И не стали нужны какие-либо оправдания перед Ламоном! Но венценосный идиот просто не позволил бы ему поступить иначе.

Синхелм верил в то, что всё было под контролем. Всё, под контролем. Всегда. Конечно же — всегда. Каждый шаг. Каждое действие. Он всегда знал, что делал. Всегда поступал верно. Всё было оправдано. Всё...

Шелест голосов за спиной заставил резко обернуться. В коридоре было пусто. Ну конечно же. Все пороки юности просыпаются под покровом ночи. Наверняка прячутся по тёмным углам, пока не попались на глаза преподавателям...

Но в жар почему-то кинуло, вынуждая рубашку липнуть к спине. Почему здесь так жарко? Синхелм глянул на окна. Все заперты. Появилось желание подойти и открыть их. Все. Во рту пересохло. А руки напротив — вспотели. Да что происходило?

Фемир шёл дальше, понимая, что будто нарочно выбирал самый длинный путь к Белому залу. Но ведь давно уже должен был добраться до него. Что за ерунда?.. Прошёл по очередному этажу, кидая взгляд на череду закрытых дверей аудиторий. Зачем он здесь? Ведь нужно идти в другую часть замка. Одна дверь... Вторая... Всё знакомые таблички на них. Половина имён осталась всё та же, навевая совсем лишние воспоминания. Нет. Их нет. Прошлого осталось в прошлом. А мёртвое — мертво. Он не позволит Арду смутить свой разум.

«Долго же ты шёл...», — донесло до него очередное эхо. Или звучало лишь в его сознании? Синхелм ускорил шаг. Коридор. Снова коридор. Он не кончался, и казалось, что бродил по кругу. Магия? Нет, это просто нервы. Глупость. Нелепость. Или чья-то сотворённая иллюзия? Проклятый Ард так пропитался магией, что невозможно определить, где есть игра собственного воображения, а где присутствие чужой силы.

Нет. Его совесть молчала. Молчала по праву искупления. Да. Он давно получил искупление. Столько лет служа королевству и его народу... Всё, что он делал — всё ради короны. Ради королевства. Разве не его должны благодарить за победу? Разве не он в годы войны стал надеждой? Он принёс мир в Камеладер. Так отчего же должен склонять голову и беспокоиться о душе? Он — герой.

«Убийца...» — шептало эхо.

— Ложь... — не выдержал Фемир, оборачиваясь в одном из проходных залов.

Вспыхнувший взгляд встретился с отражением в огромном зеркале, занимавшем весь простенок между окнами. Встретился, но не узнал. Его не было, будто кто стёр, явив взамен чёрный силуэт, само воплощение тьмы. Только глаза горели огнём, глядя прямо в душу.

— Кто ты?.. — пробормотал Синхелм, чувствуя, как лоб покрыла испарина.

Жарко. Становилось слишком жарко. Не хватало воздуха. Он должен был идти. Прочь. Во двор. Подальше от ненавистной академии.

«Ты сам знаешь ответ...», — отозвалось эхо.

Нет. Он не знал. Не знал, мотая тяжёлой головой. Но черты чёрного демона становились всё отчётливее, заставляя сердце глухо стучать в груди.

«Ты знаешь ответ...», — снова слышал он, глядя на того, кого наверное уже в прошлой жизни звал другом. Братом.

— Нет. Тебя — нет... — резко отмахнулся Фемир, отпрянув от зеркала.

Отвернулся, торопливо уходя и не замечая, как таяло отражение, исчезая.

Знал же. Знал! Не нужно было приходить сюда. Стоило придумать что-нибудь. Солгать. Оправдаться. В прошлый раз происходило нечто похожее. Тогда, на выпускном балу... Но в тот день винил во всём своё опьянение. Сейчас же был трезв. Слушая эхо собственных

шагов, Синхелм шёл и шёл вперёд. Один коридор сменялся другим. Этаж за этажом. Бесконечные лестницы. Расстегнул уже вторую или третью пуговицу на рубашке, задыхаясь и взмокнув. Жарко, как в огненной Вечной Темрасс. Он почти отчаялся, когда наконец понял, что достиг нужного крыла замка, где находился Белый зал. Уже слышал музыку, видел яркий свет сверкающих люстр. Осталось пересечь бесконечно длинный коридор, пройти мимо десятков колон, как мимо молчаливого строя, и он у цели.

Но стоило сделать следующий шаг, как пол под ногами принялся трескаться. Разламывался, как льдины на реке по весне. Воздух прогрелся так, что обжигал. Из каждой трещины стал подниматься чёрный туман, клубясь, принимая устрашающие очертания. Будто уродливые демоны высвобождались из вечного плена, выбирались в мир живых. Хватали за ноги, тянули лапы к нему, взывали, вынуждая зажимать руками уши.

— Довольно! — выкрикнул Синхелм, пошатнувшись, словно опять был пьян.

Отравлен. Проклят. Да, это происки врагов. Враги повсюду... Они добрались до него. Так и есть. Всё это действие чар. Просто нужно не поддаваться им. Он в безопасности. Он в замке. Кругом люди. Щит. Ему необходимо выставить щит...

Синхелм взмахнул рукой, пытаясь активировать защиту. Но вместо этого вспыхнуло пламя. Жаркое, ослепляющее. Оно заполнило всё вокруг, вырывалось из трещин в полу, обратившемся чёрной выжженной землёй. Обнимало колоны, которые так же меняли свои очертания. Изгибались, поднимали к тревожному, непонятно откуда взявшемуся небу, чёрные обугленные руки — ветви. Будто зывали в немой молитве к богам. Но не были услышаны.

Клубился дым, закрывал обзор, не давал вдохнуть. Заходясь кашлем, и пытаясь закрыть лицо рукавом, Синхелм шурился, вглядываясь вперёд. Кто-то шёл. Не торопясь, бесшумно. Шёл по лесу, охваченному агонией. Но не страшился ни огня, ни треска валившихся деревьев. Уже не страшился. Ибо был мёртв. Это Синхелм твёрдо знал. Человек, появившийся перед ним в седом дыму — был мёртв. Мёртв и забыт. Стёрт... И не существовало ни горящего огнём взгляда, смотревшего в его душу. Ни окровавленных одежд, от оставленных его мечом ран. И той — смертельной, что алела на рубахе, заставляя отводить взгляд. Всё иллюзия. Происки врагов. Но как могли узнать? Откуда? Ведь не осталось ни одного. Никого, кто выжил бы. Кроме одной...

— Проклятое дитя... — бормотал Синхелм.

И проклят был он, решив подобрать девчонку в том лесу. Неужели она всему виной? Вспомнила? Смогла преодолеть морок? Не могло того быть.

— Здравствуй, брат. Так мы звали друг друга. Помнишь? — произнёс стоящий перед ним человек.

Или был он демоном, испытывающим его? Наверняка так и есть... Ибо едва заговорил, как тонкие сверкающие трещины принялись проступать на почерневшем от гари лице, да рукам, там, где не были укрыты рваной рубахой. Будто пламя, едва сдерживаемое внутри его, пыталось вырваться наружу, разрушить хрупкую оболочку и поглотить его — Фемира, добраться до живой плоти.

— Тебя нет... — непослушным голосом проговорил Синхелм, и отступил на шаг.

— Я перед тобой, — Райан не сдвинулся с места, наблюдая за действиями своего убийцы.

— Тебя нет! Не осталось и пепла! И памяти! Всё это — ложь!..

— Так что же правда, Фемир? — спросил призрак.

— Тебе не смутить мой разум... Ты не получишь мою душу...

— Ты давно утратил её, брат мой. В тот далёкий день, когда впервые забрал жизнь.

— Нет...

— Ты так долго жил во лжи, что и сам стал верить в неё, Фемир. Вся твоя жизнь —

ложь...

— Нет!

— Тогда я не успел сказать тебе, что Арис Брант согласился молчать. Я смог убедить его в тот день. В башне. Убедил, что ты не желал зла. Что ты шёл за мечтой. Что лишь ошибся в способе, поддался соблазну.

— Нет! — округлились глаза Синхелма. Лёгкие обожгло от горячего воздуха, и он отмахнулся от призрака. — Нет! Ты лжёшь! Лжёшь!

— Арис был добряком. Он поверил. Пожалел. Он ждал тебя. И улыбался тебе. В тот день. Ты помнишь, Фемир? — продолжил говорить Райан, и слова жгли сильнее стихии, полыхавшей вокруг. — Но ты уже принял решение. Сделал свой выбор.

— Он сам виноват... — замотал головой Фемир. — Сам.

— Верно, — согласился призрак. — Он стоял на твоём пути. Он знал правду. Потому и был виновен. Как и я...

— Ты должен был... Должен! — яростно ткнул пальцем в его сторону Синхелм.

— Я должен был смириться. Верно. Ведь всё, что ты делал, было во благо.

— Да... — обезумевшим взглядом посмотрел на него Фемир. — Ты должен был просто явиться на суд. Ламон — дурак! Верит всему... Он бы сохранил тебе жизнь. Тебе просто нужно было убедить его, что это несчастный случай... Все знали, что ты не мог контролировать свою силу... Только должен был явиться к королю... Сослали бы и всё... Казни бы не было... Ты сам виноват. Только ты.

— Верно, — эхом согласился Райан, стоя посреди полыхавшего призрачного леса.

— Да...

— Но никто не собирался давать конвою возможность добраться до столицы. Так ведь, Фемир? Ты бы не позволил. Всё во благо.

— Всё во благо... — вторил ему Синхелм.

— Арис Брант. Райан Дэнвей. И все души, павшие от твоей руки в Томарине — все они преграждали путь. Твой путь. Великий путь... — трещины на его лице стали ярче.

— Я сделал это для своего народа! — выкрикнул Синхелм, в жажде оправдаться перед восставшим мертвецом. — Я не мог пойти под суд, когда враг наступал! Только я мог защитить королевство! Я! А ты был угрозой... И ты, и Брант! Все. И угроза была ликвидирована. Как и должно. Я поступил верно. Это была оправданная жертва! Мертвые должны оставаться мертвы! Я все сделал верно...

Глава 40

Тишину в Белом зале нарушали лишь два голоса. Давно смолкла музыка, и казалось, что присутствующие задерживали дыхание, не сдвинувшись с места, наблюдая за происходящим. Удерживая Трин за руку выше локтя, Кристиан и сам сейчас не сводил взгляд с центра огромного заснеженного зала. Негодование вскипало в нём жаркими волнами, но прекрасно понимал, по какой причине Деверукс умолчал о подобном вмешательстве. Но и Лейтон! Когда успел договориться с дедом?

— Я — твоё проклятье, Фемир. И память о тех днях никогда не отпустит тебя. Я буду следовать за тобой, куда бы ни пошёл. В твоих мыслях. В твоих снах. В твоём отражении. Я буду стоять у твоего изголовья, слушая, как последний вздох покинет твоё тело. И последним, что ты увидишь перед смертью — будет моё лицо... — звучал спокойный голос Райана, надеявшегося, что сил хватит завершить всё до того, как исчезнет. Скоро рассвет...

— Нет... — мотал и мотал головой Синхелм. — Ты — мёртв! Тебя нет!!

— Ты так уверен в этом?

— Я убил тебя... Я убил тебя... И пепла не осталось! Поэтому — исчезни! Прочь... Прочь!!

Тенью стоял неподалёку седовласый Виберт Брант. Старик держался с вызывавшим несомненное уважение достоинством, наблюдая за агонией истинного убийцы своего единственного сына.

С другой стороны, у одних из многочисленных приоткрытых дверей, темнела фигура в длинной накидке. Лица далийского ведьмака Кристиан не мог видеть. Слишком глубокий капюшон скрывал его от посторонних глаз. Но и ни к чему это. И так прекрасно был осведомлён в том, что незванный гость служил королю. Сильнейший морок, наведённый на Синхелма — наверняка его рук дело. Никто лучше далийцев не владела этой магией.

Сейчас Рэйван подумал, что владей он ведьмачьей силой, то навеки оставил бы «героя» королевства под его воздействием. Так же, как и Синхелм искалечил в своё время душу Трин. Но у далийца был иной приказ. И морок пал, отпуская разум убийцы.

Тишина была оглушающей, и ничего кроме своего прерывистого дыхания Синхелм не слышал. Не хотел слышать. И не хотел видеть, ослеплённый неожиданной белизной зимы, охватившей зал. Он не был в лесу. Стоял посреди Белого зала. Окружённый взглядами, теми, кто слышал каждое слово. Теми, кто никогда не должен узнать правду. Теми, для кого он до конца должен был оставаться спасителем. Героем. Великим Фемиром Синхелмом. Освободителем Камеладера...

И зло охватило его. Жгучее, нестерпимое, выжигая руны на коже и призывая огонь. Ненависть к посмевавшему заманить в позорную ловушку была так велика, что захлестнула сознание Синхелма. Но пол дрогнул под ногами, а звон люстр и зеркал, грозящих разлететься на тысячи осколков, отрезвил его. Синхелм обернулся, слыша за спиной шаги. И теперь смотрел только на человека в простой накидке, шедшего по залу, между расступавшихся гостей. Он остановился неподалёку от Фемира и скинул капюшон. Ропот прошёл по залу, и все присутствующие склонили головы, приветствуя своего правителя.

Ламон не смотрел на подданных, будто сейчас находился один на один со своим генералом. Пол всё продолжал дрожать и пульсировать. Многочисленные зеркала и стёкла пошли опасными трещинами. Тем не менее, король не был в ярости, не был зол. Сейчас, глядя на него, Трин будто видела себя со стороны. Разочарование. Горечь предательства. Это читалось на лице Ламона. Это то, что чувствовала и она, когда узнала правду.

А затем сменилось безразличием, когда Синхелм протянул руку, будто и в самом деле мог коснуться венценосного гостя. Ламон знал... Знал, когда отправлялся сюда из Деспина. Знал правду всё то время, что отсутствовал Деверукс. Наверное, только это спасло Ард от разрушения, и позволило королю совладать с чувствами, держась с таким величием.

— Остался ли кто-то в этом мире, кого ты не предал, Фемир?

— Мой король... Это всё ложь! Происки врагов...

Ламон резко поднял руку, обрывая слова генерала. На этот же жест прибыли и стражи, поджидавшие распоряжения короля.

— Я дарю тебе посмертное помилование, мятежная душа, — произнёс правитель, глядя теперь на молчавшего Райана. — Поскольку предстоит тебе увидеть последний рассвет, милостью своей, озвучиваю повеление немедля.

Ламон гордо поднял голову, и тёмная корона блеснула в его волосах.

— Пред всеми присутствующими в зале, и ставшими невольными свидетелями. Повелеваю! Даровать посмертное оправдание Райану Дэнвею, сыну Аркела Дэнвея, ранее обвиняемого в убийстве Ариса Бранта. Повелеваю! Считать Трин Синхелм, ныне — Трин Рэйван — кровной дочерью Райана Дэнвея, с полноправной претензией на

наследование рода и земель Томарина. Повелеваю! На основании личного признания Фемира Синхелма и соучастия Фергаса Эрвига в совершенном убийстве — заключить обоих под стражу, для окончательного вынесения приговора в Деспине.

— Мой король! — снова воззвал к нему Синхелм, падая на колени. — Мой король! После стольких лет... После стольких лет верной службы... Я ведь сделал это для своего народа! Я всё сделал верно... Мой король...

— Твой король ведь так глуп, — губы Ламона презрительно изогнулись, когда снова посмотрел на бледного как снег подданного. — Потому ты будешь осуждён перед народом Камеладера. На главной площади Деспина. Как безродный смертный. Лишённый всех званий и титулов. Как предатель и убийца. И твой жалкий сообщник разделит эту участь.

Король едва глянул на бывшего декана боевого факультета Арда, пытавшегося освободиться от уводивших его стражей. Фергас всё выкрикивал проклятия в адрес Синхелма, тщетно сясь разглядеть его за рядом гостей. Никто не посмел прервать короля или обернуться вслед за пленниками, выведенными из зала. Сплетни, слухи, невероятные новости ещё долго будут греметь над королевством. Но сейчас каждый из присутствующих гостей молчал.

Глядя, как рассвет окрасил горизонт алыми красками, Ламон обернулся, обращаясь к Трин.

— Я — Ламон Великолепный, благословением светлейшей Лейны — король Камеладера, принимаю благодарность Трин Рэйван за бесконечную доброту и мудрость принятого мною решения. И моим величайшим благословением позволяю проститься с отцом.

В этот раз в голосе правителя не было ни привычного пафоса, ни негодования. Пусть и говорил, как обычно, занимаясь самохвальством, но она прекрасно поняла, какие чувства на самом деле хотел передать. И была бесконечно благодарна.

Рука Кристиана разжалась на её предплечье, отпуская. И Трин пошла вперёд, не чувствуя ни чужих взглядов, ни чьего-либо присутствия в зале. Спешила она — спешило и солнце, будто соревнуясь с нею. И как бы хотелось эгоистично остановить время. Но прекрасно знала, что всегда будет мало. Она должна отпустить. Должна позволить раненой душе упокоиться, исцелиться в царстве Светлой Лейны. Там, где отец сможет наконец встретиться с матерью.

— Прощай, друг мой, — тихо проговорил Деверукс, стоя рядом с внуком. — Прощай...

Слыша его голос, Кристиан понимал, что сердце сжималось, а глаза увлажнились, словно у мальчишки, которым был когда-то. Он шумно вздохнул, веля себе обратиться камнем. И тогда ощутил, как рука Деверукса опустилась на его плечо. Без слов, даже не глядя на внука, оставляя ему чувства, что испытывал.

Трин приблизилась к отцу, боясь коснуться его и разрушить хрупкую оболочку ума, покрытую сверкающими трещинами. Глядела на него огромными глазами, полными слёз, понимая, что ни единого слова не могла произнести. Райан сам протянул руку и прижал ладонь к её щеке. Улыбнулся. Как всегда. Улыбнулся, позволяя дочери запомнить его именно таким.

— Моя Трин... — звучал дорогой голос, проникая в самое сердце. — Моя дорогая Трин...

Золотом вспыхивали окна, под первыми лучами подымавшегося солнца. И птицы в саду своей песней приветствовали новый день. Новый рассвет. Коснулся он своей благодатью и ума, развеивая остатки тьмы разорванного заклинания. Оболочка опадала прахом, осыпалась под руками Трин, поддавшейся порыву и обнявшей отца. Заклучая её в сверкающие объятия, душа освобождалась, являя свой истинный облик.

Стирались кровь и пепел, стирались раны, наполняя тело Райана лёгкостью и светом. Трин смотрела на лицо отца, впервые видя его таким — свободным от гари и ссадин. Смотрела и пыталась запомнить каждую черту. Плакала, не желала, но и не могла остановить потока слёз. Пусть. Это неважно сейчас.

— В день, когда ты родилась, цвели яльмары. Я помню этот день. Помню, как впервые

взял тебя на руки. Помню каждый миг. И я благодарен богам за счастье узнать, какой прекрасной женщиной ты стала. Ты всегда была нашей радостью. Нашим сердцем, — Райан с нежностью обтёр её щёки. — Скоро яльмары зацветут вновь, Трин. Это будет твой истинный день рождения. Я надеюсь, что в этот день ты вернёшься в Томарин. Ты и Кристиан.

— Я клянусь тебе, что так и будет. Я сделаю это. Клянусь...

— Я люблю тебя, — вновь улыбнулся Райан, чувствуя, что миг прощания настал.

— Я люблю тебя... — эхом повторила Трин, глядя, как всё ярче охватывало свечение силуэт отца.

Райан склонился к ней, и коснулся губами лба, затем тая в первых лучах солнца, и исчезая.

— Моя Трин... — донеслись до неё последние слова.

Когда Кристиан подошёл к ней и обнял за плечи, Трин вздрогнула, будто очнувшись. Прекрасно зная, что жена чувствовала сейчас — держал крепко, согревая своим теплом. Без слов. Она и так всё понимала.

— В объятиях Светлой Лейны — да объединятся тосковавшие сердца, и да упокоятся скорбящие души, — зазвучал в тихом зале голос короля.

Глава 41

Трин никогда не была в Деспине. И первое впечатление сложилось не самое лучшее, поскольку пришлось посетить суд. Фемир Синхелм до последнего отрицал собственную вину, ссылаясь на жертву во имя народа Камеладера. Не покаялся даже на помосте, и в день своей казни...

Когда же с этим было покончено, и волнения понемногу улеглись, пришлось принять наследство, встречаясь с Самусом Элфэром. Приходился он Трин дядей, и ранее считался владельцем Томарина. Смущаясь, и плохо скрывая свою радость от возможности избавиться от проблемного наследства, Элфер долго выражал соболезнования, промокая лоб платком. Затем дрожащей рукой расписался на бесценном свитке, и торопливо откланялся, не желая задерживаться возле объявившейся родственницы. Что, в принципе, Трин и устроило.

Теперь предстояло возвратиться в Валмир, прощаясь с шумной столицей. И не только с ней. Стоя во дворе дома, принадлежавшего Рэйванам, Трин наблюдала за тем, как приближался к крыльцу Кристиан и Деверукс. Шли молча, но о многом говорил тот факт, что находились рядом, и до сих пор не прокляли друг друга...

Дорожное платье шло его жене отменно. И была она премилой в своей лёгкой задумчивости, стоя у широких каменных ступеней. Тёмная коса спускалась Трин ниже пояса, и в волосах Кристиан заметил бабушкину заколку, недавно подаренную Деверуксом по случаю предстоящего дня рождения. Признал невестку... Хотя и был скуп на слова. Как всегда.

— И так, ты останешься здесь, — Кристиан остановился возле крыльца, теперь глядя на деда.

— Да, — подтвердил Деверукс, опираясь на трость. — Вы двое наделали столько шума в Деспине, что эта волна ещё не скоро уляжется. Поэтому дел хватит.

— Спасибо за всё, что вы сделали, — Трин приблизилась к нему, уже слыша, как подъезжал подготовленный экипаж. — Ваша помощь — бесценна.

— Я знаю, — вновь по привычке приподнял подбородок Деверукс, однако взгляд потеплел от слов невестки.

— Не вздумай ввязаться ещё во что-то, мальчишка! — сурово повелел дед, и трость глухо

стукнула о камни, которыми был мощён двор.

— Не вздумай помереть, пока не поддержишь на руках правнука, — тем же тоном ответил Кристиан, помогая Трин подняться в экипаж.

— Может и не помру, — хмыкнул Деверукс, провожая внука взглядом, когда тот открыл дверцу со своей стороны.

— Не волнуйся, — заверил Рэйван младший. — Если помрёшь, я призову тебя умаем. Будешь полировать полы в Арде.

— Негодный мальчишка, — усмехнулся старый некромант, наблюдая за тем, как экипаж направился к открытым воротам. — Да хранят вас боги.

— Я горжусь тобой, — Трин поправила рукав тёмно-зелёного платья.

С удовольствием был надела привычные штаны и куртку, но следовало блюсти приличия. Иначе сплетни о «дикарке» — ректорской жене, разлетелись бы по всему Деспину, а затем эхом прокатились и по дворцу. Испытывать терпение Ламона совершенно не хотелось. Так же, как и лишний раз встречаться с его Великолепным величеством.

— И чем же я заслужил эту гордость, Спичка? — спросил Кристиан, сидя напротив неё.

— Ты ни разу не поссорился с дедом, пока мы были в столице.

— На это не было времени.

— Тем не менее. Я очень рада.

Он не ответил, только улыбнулся. Дорога предстояла долгая. Но разве это имело значение? Добраться до Томарина надеялись ко дню рождения Трин, как и обещала отцу. Они впервые посетят замок и она сможет почтить могилу родителей. Кристиан надеялся, что новые впечатления помогут вспомнить. И эти воспоминания окажутся светлыми. А если — нет, то у них впереди вся жизнь, чтоб создать новые.

А потом снова придётся вернуться в Ард. Трин — навёрстывать пропущенные занятия. А ему — переворачивать вверх дном академию, ввиду поисков «счастливиц» на освободившиеся должности. Необходимо в срочном порядке искать нового преподавателя боевой магии, поскольку без него остались группы, которые курировал Фергас. Назначать нового декана, а также и проректора, ввиду того, что Вильят отказалась возвращаться в Ард. Сослалась на слабость сердца, и пошатнувшееся здоровье. Боялась, что вовсе не выдержит, учитывая происходящее в академии в последнее время. Настаивать никто не стал...

Кристиан подался к Трин и взял её за руку. Пальцы её были тёплыми, но слегка дрожали.

— Волнуешься? — спросил он, сильнее пожимая ладонь жены.

— Да, — честно призналась Трин. — Но это нормально, верно?

— Верно. Впервые за столько лет ты возвращаешься домой.

— И я буду там не одна, — она с теплом посмотрела на Кристиана.

— Не одна. Больше никогда не будешь одна, — заверил он, и слова звучали крепче клятвы, не оставляя сомнений.

Удача сопровождала им, и дождь лишь раз застал в дороге, не испортив её настолько, чтоб задержаться. Яр и его молчаливая подруга Хельга присоединились к ним уже на подъезде к Томарину. Трин порадовалась тому, что названный брат уже не походил на призрак, имея возможность исцелить свои раны. Только печать на шее напоминала о случившемся ранее. И весьма возмущала своим наличием томаринца. Легко ли смириться, когда знаешь, какую власть имел над ним некромант. Один щелчок пальцев — и его нет... Но благодарность за спасение была слишком велика. И Яр понимал это,

только искоса поглядывая на Кристиана.

Трин наконец смогла переодеться в удобные штаны и рубашку, следуя теперь на коне за Ярмом, указывавшим им путь. В Томаринский лес они въехали на рассвете, ощущая сладковатый запах цветущих яльмаров. Будто приветствуя хозяйку, деревья склоняли тёмные ветви. Роняли яркие лепестки, устилая землю алым ковром. Утренний свежий ветер подхватывал их, кружа по дороге, где следовали путники. Осыпал одежду и волосы. Раскрашивал просыпавшийся лес.

— Мы почти на месте, — предупредил Яр, придерживая своего коня. — Нужно пройти немного по левую руку, и ты увидишь его.

Собираясь посетить могилу родителей, Трин остановила коня и спешила. Она обернулась к Кристиану. Он кивнул, отпуская побыть наедине с отцом и матерью. А сам отдал новые распоряжения Виру, находившемуся рядом с ним.

Трин огляделась в лесу, понимая, что всё действительно было так, как в её воспоминании. Крохотном, но таком дорогом. Разулась, как и тогда, много лет назад, и босые ноги ступили на шёлковый цветочный ковёр. Аромат его был сладок и кружил голову. Отец велел быть смелее, и она сделала шаг. А затем ещё и ещё. В ту пору он улыбался ей и протягивал руку. И Трин улыбнулась, чувствуя, как грудь наполняется теплом и тихой радостью. Она дома. Наконец-то дома.

«Смотри, сама природа празднует с тобой и освещает твой путь. Каждым лепестком и своим светом. Ступай же, не боясь. Шаг за шагом...», — так говорил отец. И она никогда не забудет этих слов.

Трин прошла немного вперёд, затем сворачивая с основной дороги, как и велел Яр. Густая тень здесь укрывала землю. Невысокое дерево шемшеля склоняло изогнутые ветви так, словно пыталось спрятать могильный камень от посторонних взглядов. Но Трин заметила его. Разве могло быть иначе? Она подошла ближе, и протянула руку, сметая со светлого камня яркие лепестки. Ничем не примечательный, лишь несколько слов, высеченных и сейчас едва читаемых. Трин провела по ним пальцами, ощущая неглубокие бороздки. «Храбрые сердцем — бессмертны».

Верно. Они будут бессмертны в памяти тех, кем любимы. И Калваг — брат Яра, начертавший эти слова, был прав. Трин снова опустила ладонь на прохладный камень.

— Я вернулась. Я иду домой. Сегодня я иду домой. Это лучший подарок, который можно получить в день своего рождения. Благодарю за него.

Прощаясь, Трин вернулась к дороге, где её ожидали. Поднявшись в седло, она позволила Яру вести их дальше, к горам, и таившемуся в дикой зелени лесов Томаринскому замку. Добрались лишь к вечеру. Заросшие плющом ворота открылись с усилием, впуская путников. Дорога почти скрылась под зелёным травяным ковром. Росшие и у замка яльмары добавляли свои краски, осыпаясь и шелестя листвой на ветру.

Встретил их только старик — управляющий. Такой древний, что походил на беспокойный дух, со всклокоченными седыми волосами и бородой, да бесформенными одеждами. К тому же оказался туговат на оба уха, и Яру выпала незавидная участь — объяснять, кто они и зачем явились. И от объяснений этих птицы снимались с деревьев, испуганно уносясь прочь. Хельга только качала головой, поглаживая шею своей лошади, и не думая помогать другу. Оставляя томаринца кричать на деда и жарко жестикулировать при этом, Трин и Кристиан вошли в замок.

В нижнем зале горел камин, видимо растопленный управляющим. Старый седой пёс грелся у огня. Завидев гостей, он едва приподнял голову с лап, тихо гавкнул, посчитал, что исполнил свой долг и вновь улёгся.

Кристиан взял Трин за руку, и повёл к лестнице, понимаясь на второй этаж замка. Закат золотил окна, рисуя тени на полу и стенах. Тихо... Как в зачарованной обители, ждавшей, когда явится тот, кто снимет заклятье забвенья. Этот дом оживёт. Непременно. Трин клялась себе в этом. Кристиан не позволил Яру вернуться к разбойникам, поскольку публично «выкупил» его под собственную ответственность. Но и не собирался держать при себе, зная свободолюбие томаринца. Кто лучше сгодится на

роль хранителя замка? И любимый лес рядом...

Замечая в одном из залов выход на широкую террасу, Трин увлекла за собой Кристиана. Стоило толкнуть створки дверей, как тёплый вечерний ветер ворвался в зал, колыхая шторы. Каменный пол террасы так же был усыпан лепестками, и Трин прошла по ним, подходя к ограждению. Громкий голос брата был слышен на всю округу. Надо отметить тот факт, что не тише отвечал ему и управляющий. Хельга же занялась тем, что оживляла засохший плющ, оплетавший светлые стены башен замка. Вир, отведя лошадей к конюшне, решил составить компанию рыжей разбойнице, широко ухмыляясь и протягивая сорванный где-то по дороге цветок.

В следующий же момент получил кулаком под рёбра от Яра, велевшего идти и развлекать лошадей. Наблюдая за происходящим внизу, Кристиан привлёк Трин к себе, заключая в объятия.

— Кажется, тихо здесь уже не будет, — усмехнулся он.

— Здесь и так слишком долго было тихо, — ответила она, умолкая, когда Кристиан коснулся губ поцелуем.

Дорогой отец, мама... — мысленно обратилась Трин. — Там, в объятиях светлейшей Лейны, вы наблюдаете за мной. Я знаю. Так разделите же мою радость. Сегодня рядом со мной любимый муж, брат. Те, кто стали моей семьёй, разделяя горечь и радость. Плечо к плечу. Сердцем к сердцу. И ваша дочь счастлива, поскольку любима. Поскольку может быть самой собой, идти за своей мечтой и никогда не смиряться. Самой вершить свою судьбу. Это и есть счастье — знать, кто ты есть.

Впереди долгий путь. И он только начинается...

Эпилог

День выдался тёплым, солнечным. Пожалуй, даже жарким. Манили к себе тенью и прохладой каменные беседки, обвитые плющом. Но сейчас до них не добраться. Пришлось оставить кланкеи, и выстроиться на одной из тренировочных площадок перед центральным зданием корпуса боевого факультета.

Неподалёку возвышались потемневшие от времени статуи — воины, опираясь на свои каменные мечи. Как уже удалось узнать, они являлись самыми старыми артефактами в академии, и служили для обеспечения безопасности, разграничивая места проведения тренировок. Подчиняясь командам преподавателей, статуи передвигались по границам площадок на нужное расстояние, активируя щит.

Занятия только начались, и едва завершилось распределение по группам. Первый курс... Предстояло узнать и открыть для себя ещё столько... Это волновало и пугало. Но не больше, чем призрачное чудовище, выхаживавшее перед ними, и сверкавшее алыми глазами. Мараг ощерился, и ударил длинным хвостом по камням, которыми была мощена площадка.

Мальчишки, а их было шестеро, замерли, настороженно следя за действиями духа. Да и не только духа, но и за преподавателем, которому вверили их группу. Можно считать за честь, попасть под кураторство одного из лучших стихийников Арда. Но приходилось смириться и со всеми теми страшными слухами, которые так щедро распространялись старшими курсами. Огненная ведьма — так звали шёпотом единственную преподавательницу — женщину на боевом факультете.

— Говорят, что она бессмертна и родилась из пламени, — тихо прошептал кто-то из мальчишек на ухо своему товарищу. — А все томаринские разбойники её слушаются. Потому как боятся.

— Да сказки всё это, — пробормотал второй.

— Ага, сказки... Видишь шрам на виске? Он остался напоминанием о легендарной битве под Хатэйром. При той второй попытке вердианцев вновь развязать войну. Огненная ведьма уничтожала их тысячами на границе королевства.

— Прямо так и тысячами?

— Угу. За что и была награждена королём.

— Тише...

Шёпот прервался, когда преподаватель остановилась перед ними, неожиданно улыбаясь и упирая кулаки в бока. Длинные волосы женщины были собраны в косу, действительно открывая взглядам первокурсников небольшой тёмный шрам на лбу у виска. Вовсе не изнывая от жары, она где-то бросила куртку, сейчас оставаясь в простой рубашке. Что вызывало несомненную зависть у подопечных, маявшихся в полной форме.

— Я — Трин Рэйван, — зазвучал её мелодичный голос. — Преподаватель боевой магии группы огнетворцев. А также ваш куратор, нянька и самое страшное проклятие... Всё, так сказать, зависит от вашей усердности.

Отблеск пламени на мгновение отразился в глазах Трин, и первокурсники принялись переминаться с ноги на ногу, в растерянности поглядывая на стихийницу.

— Думай. Чувствуй. Действуй, — твёрдо проговорила Трин, повторяя слова своего учителя, звучавшие когда-то для неё в первый день обучения. — Таков девиз вашего факультета. Это то, что каждый из вас должен повторять, как молитву. Как первое из заклинаний. Выжечь на своём сердце, подобно рунам, которые нанесёте на боевой тонукан. Судьба привела вас сюда. И судьба благоволит храбрым. Но Герой лишь тот, кто велик сердцем. Помните это, как и ответственность за силу, что вложена в ваши руки. Ибо отвага без чести — что дикий зверь, сорванный с цепи...

Стоя на смотровой площадке главного корпуса, они наблюдали за происходящим во дворе. Ветер здесь был отличным, не давая солнцу припекать. Трепал почти

белоснежные волосы мужчин, опёршихся на каменное ограждение.

— Она отлично справляется. А ещё сомневалась.

— Твоя мать всегда отлично справляется, Райан, — довольно усмехнулся Кристиан, глядя на жену, поучавшую горстку студентов.

— Как тебе удалось заставить её преподавать здесь?

— Сказал, что сердце шалит. А довериться в академии и некому. Напомнил, где оставил завещание...

— Ты солгал матери? — Райан поморщился, глядя на него. — Солгал, что помираешь, чтоб заставить прийти сюда? Отец!

— Это проверенное средство, — невинно пожал плечами Кристиан. — Действует безотказно...

— Разве прадедущка не поступил с тобой так же?

— А разве он был не прав? — снова довольно улыбнулся Рэйван старший. — Так что же до моего прошлого вопроса? Ты обдумал его, Райан?

Сын потрянул светлой головой, убирая с волос принесённый ветром листок. Взял его в руку, и, улыбаясь краешком губ, наблюдал за тем, как листок истлел, становясь совсем чёрным.

— Решил ли я учиться в Арде? В этом унылом и скучном месте? — глаза Райана наливались золотом, призывая и силу, доставшуюся от матери. Чёрный рисунок на его руке сплетался с золотым, смешивая стихии, вынуждая листок вспыхнуть тёплым огнём. — Уговорил...

— Тогда — Добро пожаловать в Ард.